

КАПИТАН ГРЭЙ

XI форум-фестиваль. Мурманск 2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6
К-20

Составитель:
Дмитрий Коржов

Дизайн и верстка
Дмитрий Украинцев

К-20 Капитан Грэй

Капитан Грэй. Альманах – Мурманск: Дроздов-на-Мурмане, 2021. – 166 с.

Книга издана на средства гранта губернатора Мурманской области на издание произведений писателей Мурманской области, способствующих сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

© Мурманская областная общественная
организация Союза писателей России, 2021
© Издательство «Дроздов-на-Мурмане», 2021

ПЛЫТЬ – ТОЛЬКО ВВЕРХ

Столько не просто положительных – восхищённых откликов на «Капитан Грэй», как в этом году, ещё не было в его истории. Участники писали письма, делали посты, звонили... В чем причина? Вопрос для меня, как организатора, крайне важный.

Конечно, мы с командой мурманского отделения Союза писателей России и друзей приложили огромные силы к подготовке. Но ставить это на первое место было не только нескромно, но и неверно. Тогда что же? Мне видятся несколько факторов.

Во-первых, зрелость фестиваля. Да, и организационная тоже, но, главное, качественная, репутационная. Как у студентов: первые три года ты работаешь на зачётку, потом – она на тебя. Так вот, «Грэй» уже сам работает на своё имя и популярность. Конечно, мы понемногу рассказываем о нем на разных площадках в регионе и вне, но специально продвижением никогда не занимались – было и неинтересно, и некогда. Однако в последние два года случилась некая самоорганизация: про фестиваль заговорили в литературных кругах страны, о нем стали писать и рекомендовать. Отсюда и потрясающая география, особенно последних двух лет, охватившая большую часть страны и даже вырвавшаяся за её пределы.

Второе, а, может, и первое, – уровень экспертов, на которых слушатели семинаров готовы ехать за тридевять земель. Алексей Витаков, Нина Ягодинцева, Дмитрий Ермаков. Думается, людям из литературного мира не нужно объяснять, кто это.

Ещё один фактор – принадлежность «Капитана Грэя» к литературной вселенной «Осиянки» – Всероссийского литературного форума «Осиянное слово», который давно стал и брендом, и одним из эталонов фестивалей.

Ещё важнейший аспект, пусть и не поэтической сферы, – появление финансирования. Это то, что позволяет нам пригласить экспертов, компенсировав им затраты на дорогу. Это то, что позволяет организовывать интересные поездки по области, определённый уровень комфорта на самом фестивале, техническую поддержку. Спасибо за это мурманскому Министерству культуры с грантами и субсидией, а также главным друзьям писателей – библиотекам: областной научной, которая уже второй год становится гостеприимной хозяйкой фестиваля, неограничиваясь с оргвопросами и оплатой расходов, и областной детско-юношеской, в этом году активно (и, надеемся, надолго), подключившейся к нашему празднику. И, конечно, нашим товарищам из ФГУП «Атомфлот», Мурманского морского торгового порта и Мурманского арктического государственного университета, благодаря кому фести-

валь обрёл новые горизонты. А если о персональном вкладе – нашим новым экспертам и участникам оргподготовки, среди которых Ксения Савина (она же главный smm-менеджер фестиваля этого года), Роман Круглов, Татьяна Филлипова, Андрей Звягин, Екатерина Сокольцева, Екатерина Гладышевская, специальный гость и ведущая ряда площадок Стефания Данилова. Ну и, разумеется, вся традиционная команда в составе Дмитрия Коржова, Вадимира Трусова, Игоря Панасенко, Виталия Коротаяевского.

Всё? Конечно, нет. Ведь фестиваль – это его участники, которые, современным айти-языком, являются и пользователями, и главными создателями «Грэя». Именно вы, приехавшие к нам за тысячи километров, не испугавшиеся заполярного холода, организационных сложностей, неопределённости с ограничениями, и создаёте неповторимую солнечную атмосферу нашего общего фестиваля, радуете своим творчеством, профессиональным писательским ростом и верностью «Грэю», заставляя всех нас плыть дальше – и даже не вдаль, а ввысь, в новые сферы. И пока мы вместе, это плавание будет продолжаться.

Директор фестиваля «Капитан Грэй» Илья Виноградов.

СОЗИДАТЬ, А НЕ РАЗРУШАТЬ!

О фестивале «Капитан Грэй» (и проблемах литературы в целом и мурманской, в частности) с одним из его создателей и организаторов поэтом и прозаиком Дмитрием Коржовым поговорил сотрудник «Литературной России» поэт из Новосибирска Юрий Татаренко.

– Чем запомнился нынешний «Капитан Грэй»? Как шла подготовка к фестивалю? Довольны его итогами?

– Очень доволен. Лучший, на мой взгляд, «Грэй» получился за все годы его проведения. Наш фестиваль, мне кажется, один из лучших сейчас в России. Мощный уровень участников. Достаточно вспомнить Вику Татур из подмосковного Красногорска. Их уровень – это уровень экспертов, а они к нам приехали участвовать. Открытием для меня стали стихи Ольги Беспаловой из Холмогор. Не подкачали и прозаики – абаканец Анатолий Бимаев, мурманчане – Ольга Боднарюк и Владимир Белошеев. Не подвела и Стефания Данилова – прекрасно работала и на семинаре и, в целом, на фестивале. География, конечно, покорила: Абакан, Омск, Новосибирск, Нарьян-Мар, Архангельск и многие другие. Жюри отменное, что, в принципе, для «Грэя» уже закон. Выделю замечательного давнего моего друга, председателя жюри нашего «Капитана» Алексея Витакова, прекрасного поэта и эксперта высочайшей категории Нину Александровну Ягодинцеву из Челябинска и одного из ярчайших представителей современной русской прозы Дмитрия Ермакова из Вологды, поэта Романа Круглова из Петербурга.

Ещё одно яркое событие – поэтический пленэр почти на берегу Северного Ледовитого океана: впервые участники читали стихи на арктическом пляже.

Подготовка шла в привычном режиме. Мы, правда, не ожидали, что так много работ будет и такого качества.

Нельзя не сказать и о коллегах – наших земляках, которые делали «Капитан Грэй». Это, в первую очередь, директор фестиваля, поэт Илья Виноградов, на которого легли основы труды по организации нашего литературного форума. И другие члены жюри: мончегорцы Владимир Трусов и Виталий Коротаевский, апатичанин Игорь Панасенко.

Помогал всячески наш издатель и поэт Олег Дроздов.

– Литературный Мурманск – не оксюморон? Кажется, для читателей это Терра инкогнита...

– Для читателей всей России, возможно, это и так, но для этот мир значителен и многолик. Год назад вышел из печати справочник Владимира Сорокажердьева «Литературный мир Мурманска», так там 500 биографий, пусть и за сто лет, но это немало. Для это живые люди, немало

сделавшие и для литературы, и для России в целом. Достаточно вспомнить учителя моего, прозаика и великого подвижника Виталия Маслова – человека, который когда-то в Мурманске задумал провести первый День славянской письменности в СССР и провёл, в 1986-м году. Именно поэтому в 1990-м году болгары подарили городу памятник славянским просветителям Кириллу и Мефодию, а ещё чуть позже праздник в их честь стал государственным. Если же ближе к нам, то для тех, кто всерьёз знает литературу Русского Севера, не будет открытием имя и стихи умершего четыре года назад Николая Колычева, на мой взгляд, одного из лучших поэтов России своего времени.

– **Какого памятника не хватает Мурманску?**

– Думаю, как раз таки Виталию Маслову. Это был очень яркий человек: помор, почётный полярник, радист, а потом начальник радиостанции первого в мире атомного ледокола «Ленин». Человек, пригласивший на свою свадьбу Фиделя Кастро. Тот, кстати, согласился, отказал Микоян, в ответ пригласивший Маслов на приём – встречу Кастро с лучшими людьми Мурманска. Вот тут уже Маслов отказал. Кастро и Микояну! Мол, у нас ведь свои гости будут. И писатель он был прекрасный – один из прекрасного ряда деревенской прозы – ученик Абрамова, друг Белова и Распутина... И, кстати, прозаика уже из другого круга, человеческого и литературного, – Виктора Конецкого.

– **Коржов-прозаик сильнее Коржова-поэта? Как давно они соперничают? Добавится ли к этим двум богатырям, к примеру, Коржов-драматург?**

– Я думаю, да сильнее. Есть несколько книг, которыми горжусь. Это роман-трилогия «Мурманцы» и «Несмиренный живописец» – как раз таки о Виталии Маслове книга. Когда вышла первая часть «Мурманцев», я впервые понял, что меня читают, и читают тысячи. Ни одна из поэтических книг такого отклика не вызывала. Драматург? Может быть. Но третий такой богатырь уже есть, на мой взгляд. Краевед. Я в течении многих лет писал и пишу об истории литературы Заполярья, последний весомый вклад в литературное краеведение – составление и подготовка к печати антологии поэзии Кольского края «Отсюда начинается Россия...»: 500 страниц, 200 поэтов, около 600 стихотворений, биографические справки, фото редкие. Такой книгой можно жизнь оправдать. Она увидела свет месяц назад.

– **С чем рифмуется ваша фамилия? Подходят ли такие варианты – мажор, прыжок, боржоми?**

– Ну вы же знаете, Юрий, что при желании можно срифмовать что угодно с чем угодно, было бы желание. Одни товарищ однажды в шутку написал: «На Семёновском озере много моржов, Среди них наш товарищ, Дмитрий Коржов. Ну а если по правде, конечно, моржей. Все

равно наш товарищ ничуть не хужей». Или вот: «Как-то во Мурманске дядя один... Слух непроверен – Коржов. Вскрыл два ларька и сидит не-людим. Полный рот «Орбита» жов.» Есть ещё пример составной рифмы на слово «крыжовник» – «Коржов сник», но это не из жизни, сугубо ради рифмы. Не бывает такого, чтобы Коржов сник.

– **Много ли поэтов и прозаиков, вызывающие у вас если уж не белую зависть, то искреннее восхищение силой таланта, глубиной личности, поворотами судьбы?**

– Нет, никому особо не завидую. Разве что Бунину... Мне, в принципе, на судьбу грех жаловаться. Много чего было и прекрасного, и гибельного.

– **Прилепин считает, что Водолазкин достоин Нобеля. Согласны?**

– Абсолютно не согласен, хотя ныне, когда премия эта совсем уж вырождается, Водолазкин слишком крут для неё. Премия-то эта и всегда была, а сейчас особенно, очень сомнительная. Мне кажется, она авторитет-то былой порядком подрастеряла. У меня вот вопрос, если забыть о деньгах, Нобелевка – это хорошо или плохо? Конечно, если вернуться, например, в 1933-й, когда претендентами были Мережковский, Горький и Бунин, то Водолазкин, как мне кажется, из другой лиги. Но, если мы о сегодняшней Нобелевке, то он на голову выше всех возможных претендентов. Да нужна ли она ему? Я, в данном случае, опять же не про деньги.

– **Вы много работаете с пищущей молодёжью – и не только на Севере. Как характеризуете эту творческую генерацию? Как обучаемую, плодovitую, многочисленную, эпатирующую?**

– Они очень разные. Общее, наверное, одно – гораздо меньше читают, чем мы когда-то. Хотя тоже бывают исключения. Никогда не забуду, как несколько лет назад в ночной читке (есть такие, после окончания семинаров, просто для себя, для тех, кто ещё не спит) на фестивале «Осиянное слово» мне помогла продолжить знаменитое «Перед атакой» Гудзенко восемнадцатилетняя девушка из Челябинска. Разные они очень. Но будущее у русской поэзии есть, без вариантов.

– **Если поэт (прозаик) – царь и бог чистой страницы, то в чем сегодня его предназначение?**

– Созидать, а не разрушать. Хаоса нам и без литературы хватает. Как Толстой говорил о главной задаче литературы: «Смягчать нравы...» Не поспоришь.

– **Какой вам видится литература 2050 года? Останутся ли басни, романы?**

– Басен уже почти нет. А классический русский роман, я думаю, расцветёт. Он, если вспомнить о том же Прилепине и многих других, неплохо себя чувствует, и будущее у него есть, без сомнения.

– Вам исполнилось 50. Самое яркое событие в жизни – это...?

– Их было в достатке. Выделил бы я, наверное, придуманный и осуществлённый всё тем же Масловым, Славянский ход 1997 года: 12 тысяч километров на автобусе вместе с группой писателей и журналистов через 7 стран (сейчас их стало больше), с остановками и выступлениями почти везде, встречи с президентами и патриархами. Вот маршрут: Мурманск – В. Новгород – Минск – Киев – Тирасполь – Кишинёв – около десятка городов Болгарии, включая Софию, Плевну, Пловдив, Стару Загору – Белград – Подгорица – Цетинье – Приштина. Мне было 26 и я вместе с моим другом, поэтом Дмитрием Ермолаевым был одним из знаменосцев этого великого действа. Цель – единение славян и прорыв информационной блокады, в которой тогда находились Балканы, особенно Сербия и её самая проблемная часть Косово. Эта поездка меня перевернула, заставила иначе взглянуть – и на себя, и на мир.

Поездок было много запоминающихся. Я был почти в полсотни стран мира: от Гаваны до Сайгона. Перед самой пандемией, в январе 20-го мы с другом объехали за 21 день почти весь Индокитай, включая Бирму и Бруней.

Ещё были очень личные, но не менее яркие вещи. Любовь, которая сожгла дотла, чуть не убила. Об этом мой рассказ «Позову я голубя...»

– О чем мечтается?

– О новых людях и новых странах. О новых книгах как-то уже и не особо мечтается. Разве что, о собрании сочинений. Так оно и так будет, уверен.

– Если бы вы сегодня встретили себя 20-летнего, что бы сказали, о чем предостерегли?

– А мне нравится, как я живу. В отношении молодости, может быть, посоветовал бы себе не рубить направо и налево шашкой, быть помягче. Но в этом, в наших очень крутых, от ножа разборках юности, – и литературных, и личных, я думаю, тоже было своё очарование, своя правда. Так что, я бы и от этого не стал отказываться.

ДМИТРИЙ КОРЖОВ

Дмитрий Валерьевич Коржов – поэт, литературный критик, прозаик. Родился в 1971 году, в городе Пермь, в семье офицера. Окончил Мурманский государственный педагогический институт (1995) и Литературный институт им. А. М. Горького (2002). Член Союза писателей России (2002). Один из авторов библиографического словаря «Русская литература XX века. Прозаики. Поэты. Драматурги» (Москва, 2005). Автор более десятка книг прозы, поэзии и критики. Составитель Антологии поэзии Кольского края «Отсюда начинается Россия...» (2021).

Лауреат Международной литературной премии Антоновка. 40+ (2019), Всероссийской премии им. Г.Державина (2021), Всероссийской Каверинской премии (2012), премии им. Николая Блинова (2012), премии имени Виталия Маслова (2016) и других.

Участник Международного православного хода Мурман-Черногория (1997), а затем еще восьми подобных культурно-просветительских экспедиций. Руководитель Славянского хода Мурман — Балканы (2018).

С 2003 руководитель областного Литературного объединения при Союзе писателей России. С 2014 года - руководитель Лито в Североморске.

Автор идеи и один из создателей литературного форума «Капитан Грэй» (проводится с 2011 года).

Член жюри Всероссийского межвузовского литературного форума им. Н. Гумилева «Осиянное слово» (с 2010) и Всероссийского совещание молодых литераторов в Химках (2018-19).

Живет в Мурманске.

ГОЛОСА МУРМАНА

Четыре поколения поэтов Кольского края

Поэзия Мурмана сейчас в очень непростом положении. Чередой потерь пора бы и смирить свою прыть, а она всё длится и длится. Поговорим о живых.

Краевед и тихий лирик

Тех, кто остались, не много. Это поэты четырёх поколений. Старшее представлено единственным – Владимиром Сорокажердьевым. Он из поколения шестидесятников, пусть и чуть младше.

Его поэтический голос негромок, но говорит он вещи подчас интимные, сокровенные, о каких надо говорить именно так – тихо-тихо, и только тогда тебя услышат. Тут криком не возьмёшь, крик – он для митинга, для толпы, а настоящий читатель стихов всегда отделен от толпы.

Поэтически, как мне видится, Сорокажердьев очень близок замечательному Владимиру Соколову – одному из самых ярких представителей литературного кружка Вадима Кожинова, так называемой школы «тихой лирики».

После книги «Любо-дорого», вышедшей из печати в середине восьмидесятых, он надолго замолчал – ни книг не было, ни заметных газетных и журнальных публикаций едва ли не до середины 90-х. Ровно десять лет назад «Мурманский вестник» напечатал большую подборку Сорокажердьева, в которую вошли и некоторые старые его стихи и написанные недавно: «Море белое», «Печь», «Мальчик с красным флагом». Новые вещи поразили свежестью образов и глубиной, по это было лишь начало подъёма. Чуть позднее появились «Мышь» и «В тундре я наплавался на лодке...», «Церковь», «Три товарища», которые составили прочный костяк очередного сборника поэта – «Сорок стихотворений», что увидел свет в начале нового века. Это были уже другие стихи. Нет, интонация, внутренний лад, что так цепляли, ранили сердце в его «Море Белом» и «Пластинке», оставались прежними, не менялись, но образы стали более зримыми, отчётливыми, а сам разговор, что вёл с читателем автор (внешне – простой, и о простых вещах), порой пронзал до слез. В общем, сработал давний принцип: «Чем продолжительней молчанье – тем удивительнее речь...»

Мне очень нравится, как удаются Сорокажердьеву портреты людей – целую галерею человеческих лиц находим мы в его книгах. И здесь поэт не изменяет себе: он очень скуп на слова, относится к ним бережно, экономно. Часто для того, чтобы охарактеризовать героя, ему достаточно двух-трёх строчек. Но они, эти строчки, предельно точны и содержательны, каждая из них стоит многих. Несколько чётких штрихов, две-три «говорящие» детали и – портрет готов:

Батон. Бутылка «Солнцедара».

На завтрак больше ничего.

*Лопата и верёвок пара –
нехитрый инструмент его...*

– таким рисует поэт могильщика («На кладбище»). Всего несколько строчек и перед нами живой человек: мы уже видим его, ощущаем его дыхание. Можем размышлять о его возможном прошлом и будущем. Должен заметить, что при таком бережном обращении со словами, резко возрастает роль детали. Деталь должна сообщать читателю массу дополнительной информации, которую автор словно оставляет за скобками, убеждённый, что читатель его поймёт. В нашем случае первая строчка – это грамотно выстроенная мизансцена, которую мы и видим, и – отчасти – домысливаем. Кроме батона, бутылки «Солнцедара», нехитрого инструмента могильщика, мы ведь представляем и самого героя: пожилого, молчаливого, много повидавшего на своём веку человека; кладбище, солнце над ним, нелёгкий каждодневный труд «могильный дел» мастера, и многое другое, что трудно определить словами.

Не хочу быть женою поэта!

Самый яркий представитель среднего поколения – нынешний ответственный секретарь областной писательской организации Марина Чистоногова. Она, в отличие от многих женщин-поэтов, никогда не боялась писать на темы, которые мы привыкли считать вотчиной мужчин, но – искала их. Чистоногова сделала стихи о проблемах российской государственности и геополитике очень значимой частью собственного творчества, художественного пространства, что создаёт она на страницах своих книг вот уже почти двадцать лет.

На отшибе живём, туалеты на улице.

Ни тепла, ни воды, покосившийся дом.

На крылечке гнилом кошка сирая хмурится.

Обещали жильё, но, конечно, потом.

*В ожиданье житья, в ожиданье грядущего,
Потихоньку спиваясь, уходим туда,
Где родная земля приютит неимущего
Да слезами прольётся святая вода.*

*В ожиданье добра наши дети не выросли,
И стучит по мосткам наша старость клюкой.
Утешения нет. Только пенье на клиросе,
Да свеча у распятия – за упокой.*

Лёгкая, открытая людям, очень живая, восприимчивая, в равной степени расположенная и к самым лихим гусарским авантюрам (оно и понятно – в прошлом она офицер-пограничник ведь, как никак!) и к вдумчивой, с цитированием классиков, беседе о стихах и литературе вообще.

Марина – и в стихах, и лично – удивительно, может быть, как никто из нас, писателей-мурманчан, способна к иронии и, что особенно ценно и важно, к самоиронии. Есть у неё отдельная книга – «Не для прессы», почти целиком состоящая из стихов, в основе которых ирония. Среди них немало хороших, а иные – просто замечательны. Мне особенно по душе триптих «Не хочу быть женою поэта» – по отношению к нам, пиитам, изысканно издевательский, и, как ни странно, в деталях, житейских подробностях, очень точный.

Ирония иронией, ну а если всерьёз? Можно и всерьёз, и не только о геополитике и традиционных российских бедах.

*Спят мои девочки – дочка и мама,
Липовый ветер влетает в окно,
Тёплая ночь из небесного храма
Льёт сновидений хмельное вино.*

*Знать бы мне, что вам сегодня приснится!
Жизнь начинается, жизнь за спиной.
Белые платица, синие птицы,
Первая встреча весёлой весной.*

*Я посижу и подумаю рядом,
Бога моля, чтоб от горестей спас.
Косы сплелись золотистым окладом.
Спите. А я люблюсь на вас!*

Давнее это стихотворение всегда вспоминаю с удовольствием и радостью – столько в нем нежности и чистоты, подлинной любви к родным, самым близким людям.

Было бы странно, если бы у Марины – коренной мурманчанки, не нашлось бы хороших стихов о нашей удивительной малой родине. Есть, конечно! Вот послушайте...

*Берёз и сосен чуден стройный ряд,
Но я сейчас задумалась впервые,
Что почему-то привлекают взгляд
Корявые деревья и кривые.*

*Что в них? Неисполнимые мечты
О счастье, что призрачно и зыбко?
Извечный стон российской бедноты?
Юродивого тихая улыбка?*

*Ненастья дождь слезами отольёт,
Все отойдёт в далёкие преданья.
Душа болит, и плачет, и поёт,
Живёт – любовью, дышит – состраданьем.*

Дивное стихотворение. Так чудодейственно сплелись в нем личное и вселенское, свет и тень, природа и человек, сегодняшняя боль и надежда на счастливое завтра. Очень много в нем самой Марины, у которой «душа болит, и плачет, и поёт», которая, как и полагается русской женщине и поэту, «живёт – любовью, дышит – состраданьем».

«Стареет моё последнее советское поколение...»

Александр Рыжов – как мне представляется, один из лучших писателей Кольского Севера. Так уж сложилось, что около десяти прозаических книг Александра – сработанных в разных жанрах (фэнтези, ретро-детектив, документалистика), увидевших свет в Москве, чуть заслонили от читателей, отодвинули на второй план Рыжова-поэта. А жаль... Стихи оленегорца не менее интересны, а для целостного понимания художественного мира писателя, возможно, более важны, чем его прозаические опыты. Ведь начинал он именно, как поэт. И очень талантливо начинал – это было очевидно уже по первым его книгам – «Вкус тишины», «Снег пречистый» и «Лунная полынья».

Хронологически, он принадлежит к последнему поколению советских поэтов. Как сам он определил в одном из лучших своих стихов:

*Великих руин наследники,
Недорасцветшие гении...*

*Стареет моё последнее
Советское поколение.*

«Как поэт, он развивался очень последовательно: это было ровное, поступательное движение от простого к сложному. Прилежное ученичество. Стремление с каждым днём писать лучше, качественней. Он без труда осваивал какой-нибудь приём, какую-нибудь поэтическую фигуру и начинал упражняться в его исполнении, пока не надоест, не набьёт оскомину.

Вообще, умение учиться – качество редкое, заслуживающее уважения. Рыжов учиться умеет. Да и учителей себе он выбирал хороших – Маяковский, Гумилев, Северянин. Делать стихи «а-ля» он научился быстро. Заимствование у великих в ранних стихах было очевидно – и в первой книге («Вкус тишины», 1996) и во второй («Снег пречистый», 1998). Как любому молодому поэту, Рыжову необходимо было искать свой голос, свою тему. Это гораздо сложнее, чем упражняться в версификаторстве. А главное – этому никто не научит. Это только твоё – твой путь, твоя судьба...» – так писал я о Саше в конце девяностых, уже тогда отмечая, что плоть от плоти свои стихи были у него и в первой книге, но было их немного.

Он сам об этом написал очень точно, словно бы в ответ на тогдашние мои размышления: «Это не голос, а только набросок голоса...».

Думается, обретение Рыжовым голоса – своего, ни на чей другой непохожего, произошло где-то на рубеже веков, в конце девяностых. Стихи стали иными – в них стало заметно меньше игры, но больше жизни, собственной крови – всамделишной, не бутафорской. А теперь дослушаем то стихотворение, первую строчку которого я процитировал чуть выше.

*Будь это даже не голос, а только предчувствие,
Вы за него заплатили бы собственной кровью?
Благ ли земных или пропуска в вечность я буду лишён потом –
Только пускай будет теплиться, словно лампада,
Голос... полголоса... четверть тишайшего шёпота...
Мне за терпенье ниспосланная награда.*

Основу поэтических книг Рыжова, вышедших из печати в новом столетии, – «До свиданья, Бетховен!» и «Копье неандертальца» – составили те вещи, которые видятся мне той самой «наградой» за «терпенье» – подлинно свои, в которых звучит авторская интонация, тот самый голос, единственный, неповторимый.

Что ещё отличает поэзию Александра Рыжова? Мастерство. Что говорить, годы последовательного ученичества и безусловное,

поразительное трудолюбие автора (лет-то ему – чуть, а написано уже сколько? – хоть собрание сочинений выпускай!) даровали ему редкое умение – словом он распоряжается вольготно, порой не без некоторого удалства. Стихотворным ремеслом он владеет на том уровне, когда приём уже и не заметен, настолько он естественен и уместен.

«Из чрева чёрной чеканной чаши». Какая аллитерация! А вот это: «В колодезном лоне так гулко колышется влага!». В этих «л» – влажных, затаившихся где-то на дне колодца, точно переданы и само движение, запах, интонация того мира, о котором нам рассказывает поэт. Удивительная звукопись. А дальше – ветер – сколько его здесь, в каждой строчке, в этих перекликающихся «ш» и «ж»:

*Над срубом истлевшим колышутся ржавые ветви
Стареющих согнутых сосен. Проклонувшись из
Заброшенных просек, беспечно-безжалостный ветер
Колышет солому на крышах покинутых изб.*

Новая его книга «И сорвётся звезда» – самое полное собрание стихотворений Рыжова, своего рода «Избранное» из всех его сборников. С помощью этого издания можно проследить весь путь Рыжова-поэта – то, как менялся автор, как менялись его стихи. В некотором роде это и подведение итогов. Рановато, скажете? Наверное, так. С другой стороны, «И сорвётся звезда» – первая большая книга стихов Александра, которая открывает нам его, как серьёзного русского поэта – полновесно, объёмно. Как тут ещё раз не вспомнить уже процитированное мной стихотворение о последнем советском поколении:

*Кумиры уже – в покойниках.
А нам ещё жить да маяться.
Родятся мои поклонники,
Авось и они состарятся.*

«Родятся мои поклонники...» – чрезмерно скромно. Уже родились – так, думаю, будет точнее.

Двое из ларца

Так случилось, что с поэтами-мончегорцами – Григорием Сыпко и Вадимиром Трусовым – я познакомился лишь год назад, хотя читал их в наших альманахах, представление о том, что и как они пишут, имел. То, что поэты они вполне состоявшиеся я и раньше знал. Но вот то, что в Мончегорске существует сложившаяся литературная жизнь – суще-

ствуется, как сформировавшийся механизм, как система, удивило. В городе металлургов всегда были первоклассные барды. Что говорить, если оттуда родом и Юрий Хабаров, и Сергей Каплан – пожалуй, самые известные наши авторы-исполнители. Собственно, бардовская среда, фестиваль памяти Владимира Высоцкого, что ежегодно здесь проводится, и стали основой возникновения в Мончегорске литературной среды. Появились и свои – не бардовского уже разлива – поэты.

Сыпко и Трусов – классический литературный тандем: друзья-писатели, «всюду вместе, всюду – рядом» – не только в постоянном общении, но и в публикациях, и на выступлениях. Любопытно, оба областных альманаха – «Площадь Первоучителей» и «Мурманский берег» – регулярно публикуют и того, и другого, опять-таки, порой, «в комплекте». В общем, как в старом советском мультике, «двое из ларца», только вот «с лица» – не одинаковые. Да, поэтически они, к счастью, абсолютно разные.

Поэзия Григория Сыпко – это маскарад. Жизненное пространство, где существуют, живут и умирают его персонажи (паровозы и лесорубы, нелепые дуэлянты-офицеры, хирурги-психопаты, недотёпы-лётчики и безумцы-изобретатели, факельщики и электрики) порой напоминает шутовской балаган. Лиц там нет – одни маски. Но маски – живые, говорящие. Они служат автору, и надёжно служат – для того, чтобы, используя атмосферу и язык балагана, дурачась, рассказывать о деталях и сути нынешнего нашего бытия. Удаётся ли? Да, безусловно.

В некоторых его ёрнических, внешне – бессовестно-шутовских, совершенно несерьёзных стихах, напоминающих порой отвязный студенческий стёб, нет-нет, да и проявляется иное – и горечь, и радость, и тёмная, и светлая стороны нашей жизни. В лучших стихах Григория отчётливо ощутим, пробивается на свет сквозь внешнюю маскарадность и балаган тот высокий трагизм, которым была наделена поэзия лучших обэриутов – и Хармса, и Олейникова.

Конечно, строчка «Вырастай, сынок, бандитом!» – абсурдна и нелепа. А в качестве рефрена одного из стихотворений – это, наверно, абсурд в квадрате. Но ведь, простите, нелепость эта не с неба в стихи попала, она, к сожалению, часть мира, в котором мы очутились в постсоветскую эпоху, когда деньги, материальное благополучие стали в стране победившего российского капитализма едва ли не главной национальной идеей.

Гришу Сыпко читать не скучно. Его поэзия – вся! – пронизана юмором. Порой едким до сарказма, до неприличия, порой – мягким, тем, что ближе к иронии.

У Сыпко немало стихов про природу, про всяческих жучков-паучков, зверей и птиц. Это, в общем, объяснимо и понятно, автор, как никак,

егерь Лапландского заповедника. И, когда Григорий пишет о печальной участи смельчака, рискнувшего пнуть медведя, ему можно верить безоговорочно – знает, о чем говорит. И всё же, как правило, братья меньшие у Сыпко – лишь часть всё того же маскарада, где под личиной какого-нибудь червячка ясно виден характер, типаж вполне человеческий. Кстати, Сыпко и в этом очень близок Николаю Олейникову. Читаешь стихи Григория про какой-нибудь «червячка», что «в норку – нырь, и был таков» и тут же вспоминаешь знаменитого олейниковского «таракана», который попал в переплёт и вот уже к нему «вивисекторы спешат», и вскоре прусак этот станет не просто мёртвым тараканом, но – мучеником науки.

Исследователи творчества Олейникова отмечали, что этот мотив – беззащитное существо, растоптанное жестокое силой, у него повторяющийся, переходящий из стиха в стих. Замечен в этом и Сыпко – у него тоже зверушкам порядком достаётся – и от людей, и друг от друга. Но вот ведь, что характерно – у Григория братья меньшие нередко в противостоянии с грубой жестокой силой выходят победителями. Например? Ну хотя бы уже упоминавшийся червячок:

*Очень юркий червячок
Не сажался на крючок.
Он орал и отбивался,
Тицетно юный рыбачок
Нацепить его пытался.
Тот крутился как волчок
И упал
и потерялся.
В норку – нырь. И был таков!
Вот, как надо, дети!
И теперь, у червяков
Он в авторитете.*

Или – ёжики, которые, чтобы не рассказывали про них разные небылицы (что «ёжики вовсе не нужны» – «ночью портят овощи, фрукты и столбы»), тут же:

*Если слух про ёжиков будет нехорош,
Им крыльцо негодника только покажи!
И на ту тропиночку, где возникла ложь,
Ёж противотанковый принесут ежи.*

Стихи Вадимира Трусова, повторюсь, совершенно иные. Если говорить о традиции, которой следует Вадимир, то здесь, конечно, никаких обэриутов. И в интонации, и в том, как поэт выстраивает стих – этаким рифмованным непрерывным потоком сознания с обилием переносов –

очевидно мощное влияние Иосифа Бродского, в целом, так называемой «ленинградской» школы русской поэзии. Отсюда и длинноты, и утомительные, долгие размышления подчас уводящие читателя куда-то совсем уж далеко от главной, стержневой идеи стихотворения.

Его лирический герой – человек из городских низов, но человек это не простой, с предысторией, с судьбой. Этаким интеллектуал из пивной. Колоброд, выпивоха, «задрыга-охальник», но способный «линию гнуть свою» – из тех, что никому спуска не даст (если по тексту: «алкаша, подонка и поэта Очень даже можно совмещать»). Он – максималист. Половинчатость не для него, «золотой середины» он не приемлет, у него, очень по-русски, всё – без меры: если уж пить, так пить. Драка – так драка, работа – так работа – до седьмого пота, до одури. При этом, он прекрасно понимает:

*На родимой стороне,
Кроме Ваньки и Емели,
Целиком фартовых нет.
Всякий третий, братцы, лишний.
Облизнувшись на калач,
Прикуси губу, счастливчик,
Знай себе терпи, не плачь.*

Очень важный момент – момент преодоления. В поэзии Вадимира Трусова он звучит непрерывно. Как бы ни было плохо – переживём, любую беду-злосчастье переждем. Что делать, если «сердце немеет, гадалки врут, да и себя не жаль»? Стоять. Держать строй. Даже когда «в перспективе только тюрьма с сумой гарантированы на «ять».

Вот ведь, какая штука. Да, выпивоха, да, гуляка, но и, как бы странным это не выглядело, и – боец, и – воин. Автор и описывает его подобающе, как человека, «вспоровшего темноту штыками остреньких лопаток» «солдата промышленной зоны». Героя, способного пережить и собственные житейские неурядицы, и тьму полярной ночи, и беды, что творятся с родной страной и родным краем:

*Среди живых, отныне и впредь,
Мне хочется линию гнуть свою.
Она на север ведёт, а юг
Умеет быстро надоедать.
Пустынное царство снега и льда
Моя обитель. В теплом миру
Вить аксельбантом полярный круг
И не мечтайте. Вам не понять
Прозрачной силы вечного дня,
Что с вечной ночью напополам.*

Дай Бог – и Вадимиру, и Григорию и впредь – «линию гнуть свою». Надеюсь, силёнок у ребят хватит.

Женский голос русского подплава

Главная тема поэзии (да и прозы!) Елены Леоновой – любовь и разлука. Но в особой, отнюдь не будничной ситуации. Мужчину и женщину в данном случае разлучает не бытовые долгие проводы и короткие встречи, но боевая служба, причём опять же особая – та, что и в мирное время сродни войне, столь же опасна и ответственна. В центре поэзии Леоновой – судьба отечественного подплава, русских подводников. Оно и понятно, автор имеет к этому миру прямое отношение: она – дочь подводника, жена подводника и, даст Бог, в будущем, мать подводника.

Этой непростой работе посвящены многие стихи Леоновой – «Курск», «Комсомолец», «И вот опять стальная субмарина...» (как видим, тема и в заголовках звучит!). В каждой строчке там – ясное понимание того, что подплав, флот в целом, не столько служба, сколько служение, причём не только флоту, но любимому и единственному Отечеству нашему, великой России. Поэтому разлука в этом случае понятно и естественна. Разлука – да! Но как обязательный и непреложный итог – возвращение! Которое само по себе подчас сродни победе:

*Снег и сопки солнце освещает,
Мрак полярный всё же не навеки.
Пусть всегда мне море возвращает
Самого родного человека!*

Мне особенно по душе стихи Лены, которые, на первый взгляд, чуть в стороне от главного темы, очень личные, предельно интимные, – «Кобыльбельная», «Ожидание», «Лето». Они очень хороши, точны по слову, обаятельно и тонко доносят до нас ощущения, которые автор в разные моменты своей жизни. Чаще всего это радость – радость ожидания ребёнка или просто оттого, что вокруг – лето, тепло, и жить хочется.

Но почему в стороне?! Да нет, не в стороне, в центре! Ведь нам об авторе и его лирической героине достаточно известно – мы знаем где и с кем всё происходит. Эти стихи дают нам ясное понимание мира, о котором нам рассказывают, – того самого, где «и в июне не тает снег», где «весна бывает лишь намёками» и «на службе пропадает муж». Того, где, несмотря ни на что, «от сопки – необъяснимый свет», и где «родные даже в мае лужи».

Леоновой удаётся рассказать об этом правдиво и точно, пронзительно и светло. Причём без какого бы то ни было непозволительного в данном случае дамского сюсюканья, по-мужски твёрдо, убедительно.

И в каждом стихотворении звучит любовь и к своим близким, и к родному городу – гарнизону подводников Гаджиево, и к Кольскому краю, и ко всей нашей великой, но такой ранимой и тревожной стране. Ну вот вам навскидку – несколько строф о Терском берегу Белого моря, абсолютно своеобразном (поморском!) пространстве южного Мурмана:

*Клуб деревенский не крашен,
И валится ветхий забор.
У пса, что на цепь посажен,
Во взгляде немой укор.*

*Но как запоют лебёдушки,
Да заведут хоровод
И бабушки, и молодухи –
Из сердца печаль уйдёт!*

*Пусть радость здесь гостя не частая.
Но знаю я – точно дойдёт
Молитва мальчишки вихрастого,
Что с мамкой к обедне придёт.*

*И льётся церковное пение.
Плывут не спеша облака.
Над куполами Успения
Свиваются годы в века.*

*А где-то, набрав обороты,
Бурлит двадцать первый век.
Машины. Квартиры. Заботы.
И дел нескончаемый бег.*

«Книга баллад» не ставшая песней

Хорошо начинал в девяностые – начало 2000-х Александр Абрамов.

Его «Книга баллад», увидевшая свет в 2008, была хороша. Здесь и тонкие и точные городские баллады («На въезде в Мурманск...») и некоторые другие), и чувственные, и, вместе с тем, очень светлые, жизнеутверждающие стихи о любви, и историческая поэма о знаковых для нашего города и всей отечественной культуры Святых Кирилле и Мефодии, и стихи о взаимоотношении двух культур, двух цивилизаций – Востока и Запада («О птицах»), и бытовые детали нашей нынешней жизни («Щедр и красив...»). О многом говорит и то, что две блестящие, выстроенные сюжетно истории посвящены людям старшего поколения – в них явственно

звучит искренняя любовь к этим людям, гордость за тех, кто отстоял нашу землю в Великую Отечественную («Отчего же так сердце колотится...»).

В центре «Книги баллад» был родной для автора город Мурманск. Столица Кольского Заполярья, по сути дела, стала главным героем сборника – по этой книге можно путешествовать по мурманским улицам, они хорошо узнаваемы, зримо и с глубочайшей, сыновней любовью явлены нам автором.

*На въезде в Мурманск фонари – запряжены...
По-над заливом, на закате мгlisto-розовом,
дороги латаной тащить худые розвальни,
на въезде в город фонари запряжены!*

*Дорога рыжими лепешками ремонта,
что называют «ямочным», заляпана...
Но как тепло, уютно и дремотно
от песни, спетой бубенцами изоляторов!*

*Созрели сопки. Налились багрово-жёлтым.
Присяду, закулив, на валуне,
и стану вдаль смотреть, туда, где золото
блестит в барашиковой, рунящейся волне.*

«Книга баллад» – это и обилие интересных, небанальных рифм (как правило, Абрамов использует неоднородные рифмы), и сквозные образы (когда некий образный ряд пронизывает стихотворение насквозь, связывает воедино – таковы «В темени ночи...» и другие). О высоком уровне работы с рифмой свидетельствует и то, что в сборнике вы почти не найдёте рифм глагольных.

Покоряет и то, что Абрамов был совершенно чужд риторике – в ограниченном пространстве стиха он никогда не тратит слов попусту – использует их экономно, тщательно выверяя каждое.

Его новая книга «Дым в разрезе» разочаровала. Несколько прекрасных стихотворений (как ни крути, а Абрамов остаётся поэтом) тонут там в откровенно проходных, замешанных на пустой риторике произведениях, которые и понять-то не поймёшь:

*Родина!
Благодарствую
за то, что взрастила ты
крохотный дротик дартсовый,
пущенный с высоты.*

О чем это? Что за «дротик дартсовый»? Слышит ли себя автор? И тот ли это зрелый мастер, о котором мы говорили чуть раньше? Красивость, стремящаяся к пошлости.

Тем более огорчает, что главная, стержневая тема книги, как и в процитированной вещи, – родная страна, её печали и радости, её победы и тревоги, её люди, наконец. Иногда такой разговор удаётся автору в полной мере, как в стихотворениях «Здесь – «охранная зона реки», «Не про битвы...», «Течёт со времени творения река...» и некоторых других. Однако насквозь провальной и нелепой выглядит и поэма «Родина» – пафос, многословие, риторика, нескончаемый поток пустых слов – вот из чего она скроена.

А всё, чего сердце желало...

Надо и обо мне что-то сказать – из песни слов не выкинешь. Но тут уж пусть за меня товарищ выскажется, всё тот же Александр Рыжов:

«...Я, честно признаться, с большой настороженностью отношусь к поэтам, называющим себя патриотами, – на поверку, как правило, обнаруживаешь трескучие клишированные вирши, дискредитирующие само понятие «патриотизм». Коржов себе, насколько помню, никогда подобных титулов не присваивал, но патриотизм его очевиден, причём не показной и шаблонный, а идущий от сердца. Если подбирать примеры-аналоги из классики, то вспоминаются Иосиф Уткин, Ярослав Смеляков и, конечно, Владимир Соколов, чьи стихи стали для Дмитрия не только любимым чтением, но и наглядным пособием.

У Дмитрия, на мой взгляд, появился в какой-то момент новый маяк – Сергей Есенин. Есенинские интонации слышатся в строчках: «Ну кто меня любить заставил соломенные волосы твои?» или «А я – лишь похабное слово меж уст...», Есенину же адресовано стихотворение «Когда по-актёрски глумливо...» Причём говорить о «перекосе» в сторону того или иного поэта – о подражании – не приходится. Нерв и мелодика, характерные для автора «Пугачёва» и «Анны Снегиной», гармонично выросли, впитались в собственную коржовскую стилистику, стали её частью. Сплав получился более чем интересный. С одной стороны, вроде бы ничего существенного не произошло – облик и смысловое наполнение стихов Дмитрия не претерпели коренных изменений. Но при более внимательном рассмотрении вдумчивый читатель наверняка заметит разницу между До и После.

Попытаемся разобраться, в чем тут дело. Вот одно из самых, по моему, мощных стихотворений нынешнего Коржова – «Чёрная трубка». Если бы не формат статьи, привёл бы его полностью (оно того стоит!), ограничусь фрагментами:

*Нескоро, но всё же состарюсь,
Деньжонок поднакоплю,
Поэзию с прозой оставлю
И домик у моря куплю.*

*Большим стану, толстым, как груша,
Начну стариковски хандрить.
По праздникам водочку кушать
И чёрную трубку курить.*

Сразу обратим внимание на то, чего раньше у Дмитрия практически не было, – на самоиронию. Но это отнюдь не рисовка, не показная буффонада набивающего себе цену гаера, это, скорее, горькая усмешка человека, достигшего зрелости во всех её проявлениях – физической, духовной, творческой. Он не юнец-выскачка, стремящийся эпатировать публику, он – опытный и, не побоимся громких слов, мудрый словотворец, который заслужил право подшучивать над собой.

Усмешка его отдаёт горечью. А в финале стихотворения она волшебным образом, как и бывает в настоящей поэзии, перерождается в совершенно далёкое от иронии, щемящее чувство невосполнимой утраты, в усталый выдох:

*А всё, чего сердце желало,
Что душу и грело, и жгло,
Сгорит, словно и не бывало –
Без имени, властно и зло.
И всё, что там было – в начале,
Исчезнет, как тот пароход,
Что только что был на причале,
А вон уже – в небе плывёт...*

Замечательные слова и образы. Весомые... нет, не грубые, но очень зримые. И если уж вспоминать Маяковского, то можно привести его оценку, данную когда-то стихам Велимира Хлебникова: «Строчки его не разорвёшь. Железная цепь». Аналогичной оценки, уверен, заслуживает и «Чёрная трубка».

Мой брат по лире

Дмитрий Ермолаев – «мой брат по лире, по судьбам». Мы вместе в начале 90-х вошли в литературу, одновременно появились наши первые книги. Вместе создали когда-то организацию «Братья сербов», были рядом во многих поездках по стране и миру, в том числе вместе с Виталием Масловым в Славянском ходе Мурман – Черногория (знаменосцы Самарского знамени!). Жизнь нас, конечно, разводит, но в главном, определяющем, мы по сию пору вместе. Надеюсь, так будет всегда.

Дима начинал очень точными и тонкими зарисовками, в которых и ситуация, и настроение проявлялось с помощью зримых деталей, ко-

торые делали художественное пространство стихотворения живым. И слов для этого он использовал совсем мало, настолько был и сдержан, и точен, и прост:

*Холодный снег накрыл лотки с горячим хлебом,
И хлебопёки вдруг застыли в забытьи
И смотрят ласково в распахнутое небо
И шепчут грустные признания свои.*

Но уже тогда в полной удавались Ермолаеву и сюжетные стихи. Очень люблю его историю школьной любви «Ты красива до безобразия...». Вот вам запев:

*Ты красива до безобразия,
до безумия ты умна.
Место встречи – Земля, Евразия,
парта третья от окна.
Длится русский, дано задание
Типа склонения уяснить,
Я ж запискою на свидание
Все пытаюсь тебя склонить...*

И так далее – на стыке, на конфликте, до мастерски выполненной, хоть и ожидаемой развязки. В ранних стихах Ермолаева было много мальчишеских чистоты и первозданности. И – искренности, и нежности. Особенно явно это в его стихах о любви. «А мне с тобой всё равно, в какую сторону идти...» – как это безоглядно, по-юношески наивно, но, вместе тем, хорошо!

Значительно повлияло и на стихи Ермолаева, и, в целом, на миропонимание, его многократные поездки в Сербию (Дима за год выучил сербский и стал там абсолютно воцерковлённым человеком) и первый Славянский ход. Оттуда пришли новые темы (его стихи о Югославии – «Старик», «Помню» и другие, заслуживают отдельного подробного разговора), новая интонация и дух, новое знание, наконец. Замечательно умение Ермолаева рассказать о проблеме через конкретную, частную ситуацию или человека. Как это происходит в его истории мальчика, что стоит на храмовом дворе или стихотворении «Накануне»:

*Ладаном пахнет подтаявший снег,
Теплятся свечками звёзды, –
Горько и сладко вдыхать по весне
Скорби и радости воздух.*

*Пост завершается – скоро уже
Праздничный день Воскресенья –*

*В храме отдушина грешной душе,
Чающей в Боге спасенья.*

*Замерло сердце, почти не стучит –
Ныне Христа распинают...
В трапезной к Пасхе пекут куличи,
Плачут. Страстная!*

И снова, как видим, – минимум слов, причём слова очень простые, без изысков и сложных образов. И при этом – высокий смысл, безусловные и глубина, и высота сказанного.

Последние стихи Ермолаева – «Придёт череда испытаний», «Никифор Фока», «Над Шипкой гудит непогода...» и другие – прикосновение, восхождение к главным темам нашего мира – православию, Родине, их месту в современной системе ценностей. Первое – вроде бы риторика. Но без пустоты, сродни риторике самого высшего толка:

*Придёт череда испытаний,
Настанет, полынно горька,
По капельке вера растает,
Туманом уйдёт в облака.*

*Безверья лихая кручина
Как тать подкрадётся, тиха,
Вскипит под ногами пучина,
Разверзнется бездна греха.*

Вот вроде бы беда, беда – кругом! Но и надежда, и вера абсолютная в родную страну, которая неминуемо (несмотря ни на что!) проявляется в концовке:

*Россия, родная, веками
Сулят тебе недруги смерть –
Воспрянь, обрети под ногами
Небесную, дивную твердь.*

Поэзия-размышление

Поэзия Ильи Виноградова – это поэзия философа, поэзия-размышление. В стихах он словно бы беспрестанно беседует – и с собой, и с читателем, беседует о самом главном – добре и зле, любви и ненависти, войне и мире, жизни и смерти.

Его поэзия – это вопросы. Иногда без ответов, во всяких случаях без окончательных и безусловных ответов. Ответ должен найти сам читатель. А вопросы опять же о самом важном, как и должно быть в настоящей поэзии.

Иногда это всего лишь фиксация момента или состояния, зачастую без оценки, без упрёков и восторгов. Лишь – констатация, не более. Но за такой констатацией подчас – огромный мир, а порой – мучительная проблема, которую и не разрешить никак. Как в его уже почти классическом «Веке пластика»:

*Рождённые в гремящий век железный,
Мы думали: что может быть страшной,
Чем на руках следы звенящих лезвий,
Чем на лугах следы стальных коней?*

*Но пластиковый век пришёл незримо:
Без стука – в дверь, непрошенный – за стол;
Ненастоящий – и неодолимый,
Невыносимо тяжкий – и пустой.*

*Воды дистиллированной начислил
В бессмертный одноразовый стакан –
И зацвели болотистые мысли,
Как реки, что не целят в океан.*

*Казалось, будет мягче и удобней,
Уйдут в утиль ножи и топоры...
Но сколько скрыто настоящей злобы
В искусственных улыбках до поры!*

*Казалось, в мире, где во всем излишек,
Всегда соседу будет рад сосед.
Но двери толще и заборы выше,
А радости и за замками нет.*

*Казалось, что в комфорте верить легче
И в сытости о вечном рассуждать...
Но пустоту в душе комфорт не лечит,
Но вере сытость хуже, чем нужда.*

*И слышу, пластик шепчет мне всё чаще:
«Прими как есть, забудь про всё, усни...»*

*И я, уже почти ненастоящий,
Все реже спорю с ним.*

Но не только размышления, конечно. Не только проблемы. Здесь и родной край, и, в целом, Россия, и Европа, и обожаемая автором Индия. И тонкие, акварельной точности пейзажи, и люди – портреты людей во всём их человеческом многообразии. Я очень люблю стихи Виноградова о любви, в целом, о чем-то предельно интимном, абсолютно личном. Таких не много, но всё это – чистое золото. Навскидку – стихи, обращённые к любимой:

*Ты сегодня смеялась во сне.
Я в ответ улыбался полночи:
Так светло в темноте было мне,
Словно смех этот счастье пророчил.*

*Пусть полгода снега за окном,
До весны не хватает лишь малости:
Чтоб не только во сне, но и днём
Беззаботно, как в детстве, смеялась ты.*

Последняя книга Виноградова «Несанкционированные стихи» – это парад открытий. Это и потрясающее, подкупающее суровым мужеством и жёсткостью, и, к несчастью для нас всех, кажущееся провидческим стихотворение «Сорок армий пришли в мой дом...», это и поэтическая публицистика – диптих, давший название книге, это и замечательная, от частной истории выходящая к широким обобщениям, зарисовка о лошадях на Терском берегу «Тетрино», и собственное (неожиданное!) решение темы поэта и поэзии, и фантастическое переплетение времен в «Питере», и яркая череда человеческих судеб цикла «Соседи» (Виноградову, в принципе, блестяще удаются сюжетные стихи, помимо названных, это и «Баллада об убитом ребёнке», «Музыкант» и другие), и путевые европейские зарисовки. Широчайший диапазон тем и ситуаций, лиц, приметных точек на карте и в жизни. Раздолье да только!

Меня очень порадовали последние стихи Ильи – совсем недавние. В них появились изящество и легкость, которой, на мой взгляд, прежде Виноградову не доставало. Ну вот вам, к примеру, одно такое:

*Долго ли, какой заветной тропкою
Счастье шло – и вдруг ко мне идёт.
Я ж стою, глазами глупо хлопаю
И, глядишь, прохлопаю вот-вот.*

*Пусть бы беды принесло с заботами –
Как родных у двери обниму:
Против них приёмы отработаны,
Как встречают счастье – не пойму.*

*Но, моё увидев замешательство,
Счастье шаст ко мне на зависть всем.
Заживём – мурлычет, – замечательно!
– Долго ли?
– Пока не надоем.*

От «Грини» до «Жирафа»

Помню Екатерину Яковлеву совсем юной, двадцатилетней. Она пришла в областное Лито уже лауреатом областной литературной премии, но с удивительно посредственными стихами. А потом она на несколько лет исчезла. Чтобы вернуться с принципиально другими стихами. Они стали не просто лучше, а несравнимо лучше. В каждой строчке – поэзия. Эти стихи составили первую книжечку Яковлевой «Дай мне целое», которая принесла ей несколько премий, включая Всероссийскую – имени Антона Дельвига.

Внешне стихи Екатерины очень простые. Это традиционная русская поэзия: точные рифмы и ритм, чёткий композиционный рисунок. И при этом – ясно ощутимый конфликт, причём объёмный, едва ли не всемирный, почти вселенский, даже когда речь идёт о непростых взаимоотношениях между двумя близкими людьми. Столь серьёзно столкновение, столь глубоки и пронзительны переживания героев.

И всё это, заметьте, при внешней сдержанности, без крика, без причитаний. Автор доносит нам свою боль жёстко, сухо, резко, что только добавляет остроты тому жизненному и художественному пространству, что явлена нам в стихах.

Лучшие стихи Екатерины Яковлевой – «Гриня», «Клевер», «В чёрный день просила хлеба...» и некоторые другие – образец изрядно подзабытой в современной литературной России лироэпической поэзии, в которой личный план, судьба отдельного человека неизменно вплетена в историю и судьбу города, страны, человечества, неразрывно слита с ними. Да и Бог там незримо присутствует, как в том же «Грине»:

*Его пальцы, словно мотыльки,
Запорхают. Музыка живая
Разольётся с силою реки,
Ни конца не ведая, ни края.*

*Потечёт по полю, через лес
Горькое и светлое посланье...
На худой груди нательный крест
Задрожит от частого дыхания.*

*Он в минуту эту не один,
Будто кто с небес его приметил...
Эх ты Гриня, Гриня, Божий сын,
И тебе есть музыка на свете.*

Из нынешних тридцатилетних выделю Елену Захарову. Это вполне сложившийся, зрелый поэт, давно заслуживший то, чтобы её читали и перечитывали.

Первую книгу Елены Захаровой «Плакать нельзя» отличают цельность и объем, несмотря на сравнительно небольшое количество стихотворений.

Объем создаёт широчайший диапазон тем, заявленных в стихах: от привычных для поэта-женщины произведений о любви и счастье материнства до остросоциальных, проблемных, причём достаточно жёстких – вроде «Счастья в доме» – о том, что «утопающих трудно чертовски спасти из воды, но трудней – из бутылки». Автор подчас и из коротенькой игривой «Считалочки» удаётся дорасти до драмы:

*Мамина косметика.
Папины запреты.
Девичьи секретки.
Женские секреты.
Выпускные разные.
Нежная фата.
Сковородки грязные,
Стирка да плита.
Расплодись мелочи,
Съели вечера...
Девочка-припевочка,
Кончилась игра.*

Я всё про социалку, но ведь и любовная лирика автора «Плакать нельзя» без преувеличения хороша. Это по большей части очень негромкие, без крика и резких слов стихи счастливой любящей женщины. Впрочем, какими они ещё могут быть у матери двух детей! Бывает, конечно, по-разному, соглашусь. Да и Лена – почти об этом:

*Говоришь, у меня глаза, как у кошки,
А родня утверждает – папины.*

*Да и когти «под корень». Пустая роскошь
Оставлять на сердцах царапины.
Я и вовсе примет лишена кошачьих:
Жизнь – одна. Ну, быть может, две.
Кот – известный бездельник, а я – ишачу...
Но гуляю – сама по себе.*

О как! Все ж таки не без кошачьих повадок-ухваток лирическая героиня Захаровой, хоть и «когти «под корень», но бронепоезд – на запасном пути!

Поэзия Елены Захаровой выверена по смыслу, точна в слове, узнаваема по интонации. Мастерство автора особенно ярко проявляется в сюжетных стихотворениях – «Клим», «Вареники», «Соседка», уже упомянутом «Счастье в доме» и других. Сюжетные стихи – это уже признак мастерства. Попробуй-ка в ограниченном пространстве русского лирического стихотворения рассказать историю! Не каждый сможет. Лене это удаётся. Истории у неё получаются живые, пронзительные. Автор заставляет сопереживать героям таких вещей, жить их бедой, воспринимать их радости и печали, как свои.

Стихи Захаровой отличают женственность и нежность, которые в сочетании с мужской твёрдостью, почти офицерской решимостью и уверенностью в себе дают сплав едва ли не волшебный, очень редкий, а потому особенно притягательный и ценный. Чтобы убедиться в этом, прочитайте хотя бы стихотворение, которой дало название этой книге – «Плакать нельзя». В нем, помимо частной, вполне себе конкретной ситуации, есть выход на широкие обобщения. В сущности, это захаровское «Плакать нельзя!» – ключ ко всей нашей жизни, основа мироустройства личности во всём этом прекрасном и яростном мире.

Я верю, что это – только начало. Начало достойного, яркого пути хорошего русского поэта.

Самый многообещающий из двадцатилетних – мурманчанин Павел Сурнов. Его стихи изначально были ломанными, заковыристыми, почти косноязычными, не всегда до конца понятными, но и тогда в них было ощутимо мощное поэтическое дыхание, собственный голос. Если не голос, то интонация по крайней мере. Ну и маяковского задора, конечно, имелось в достатке.

Стихи Сурнова и сейчас не всегда так уж хорошо организованы, как хотелось бы, но с точки зрения формы они заметно окрепли, а с точки зрения содержания, стали глубже, обретая подчас мировоззренческую, философскую глубину.

Сурновское «Озеро Чад» – современный отклик на гумилёвского «Жирафа» – своеобразен и неожидан. Всегдашнее противостояние Вос-

тока и Запада представлено нам здесь бытовой (нынешней, не вчерашней!) обжигающей простотой и очевидности:

*Послушай,
недавно, читая знакомый стишок,
я, знаешь, совсем занемог...
Послушай:
Там где-то у озера Чад,
трое чёрных жирафа коптят.
Та мысль – лето в снеге,
не греет хоть бегай...
но жрать-то хотят,
и нет там цыплят –
коптят...*

Его «Город», как и многое у Сурнова, конечно, явление антиэстетики. Тамошний образ города, за которым угадывается Мурманск, не просто несимпатичен, он ужасен, пугающ.

*Ты тянешься вдоль моря ленточным червём,
ждушим пищу на выходе из желудка.
С каждым годом ты всё длиннее –
неудивительно:
все живое стремится жить,
занимая новые пространства,
новые пространства...*

*И во мне –
в моей душе,
в моем теле –
всегда есть место для тебя
или под тебя,
поскольку,*

*я люблю тебя, люблю,
как хозяин любит своего паразита;
напитанный твоим токсином
в чудных галлюцинациях
танцую я –
человеческая кукла в приступе тарантизма,
в приступе опьянения,
в приступе радости,
ненасытной радости...*

*И я люблю тебя, люблю,
как наркоман дозу,
как токсикоман лак, клей, краску,
как алкоголик бутылку,
если она полна,
если на дне, хоть что-то осталось,
хоть что-то осталось...*

«Ленточный червь» – вот ведь как! Дальше – пуще. Полный сонм людских пороков. Однако этот жутковатый, «на нерве», текст, текст-вызов (!), несмотря ни на что, исполнен безусловной и искренней любви к тому пространству, которое описывает автор. Он любит этот город! Хоть и понимает, насколько тот беспощаден, бежалостен – и к его лирическому герою, и к нему самому. Что делать? В такое время живём – противоречивое, непростое...

АЛЕКСЕЙ ВИТАКОВ

*Алексей Иольевич Витак*ов – поэт, прозаик, автор-исполнитель песен. Родился в 1966 году. Лауреат Всемирного литературного форума им. К. Нефедьева (2002), участник шорт-листа Литературной премии «Антибукер-2000», лауреат Литературной премии журнала «Москва» (2005), участник шорт-листа Литературной премии им. П. Бажова (2011), лауреат Литературной премии «Поющие письма».

ЛЮБИ МЕНЯ ЗА ПРОПАСТЬ МЕЖДУ НАМИ

*Истину как-то простую
Мне посоветовал май:
Если из вечности дует,
Форточку не закрывай.*

*Туч нависающих спелость.
Дождь по бульварным усам.
Выйдет луна, чтобы сделать
Кесарево небесам.*

*Звёзды, дорога и паперть.
Свет, загоняющий в дрожь.
То, что умом не охватишь,
Слухом и зреньем поймёшь.*

*Сесть за руль. Оглянуться на дом.
И смотреть, не ропща на планиду,
Как деревья идут за окном
И никак из России не выйдут.*

*Отрывается ветер от крон.
Март стоит синевою огретый
В голый парк возвращается звон
И приходят на нерест поэты.*

*Реки вскроются. Вздрыбленный лёд
Сложит кукиш вороне-дуринде,
И пойдёт, как Сусанин, пойдёт,
Но и он из России не выйдет.*

*Ночь пропахнет до самого дна
Прелью и тополиным ремонтом.
Выйдет самоубийцей луна,
Глядя в зыбкую нефть горизонта.*

*Просто стой и не жди новостей.
Просто слушай: о чём воеет ветер.
Снег пришёл – как седой Моисей.
И лежит в ожидании смерти.*

*Обречённо такую весной
Понимаешь, шалея от стыни,
Что крыло за спиною одно,
Что с рожденья ты в стаю не принят.*

*Ты стоишь, взгляд бросаешь кругом.
Ни летать не умеешь, ни падать.
Что одним можно сделать крылом? –
Лишь лицо надоевшее спрятать.*

*Расколodiло солнцем пути.
Попросили метели отставки.
Никому, никуда не уйти.
Отдохни. Покури на заправке.*

*Никуда... И в цветение верб
Просочатся тцета и препоны.
Но – весна! Но идёт на ущерб
Тень летящей над трассой вороны.*

*Испуганно глядел на небо ельник.
Полярная звезда брела рекой.
Ночной туман из берегов в деревню
Сбежал, как из кастрюли молоко.*

*Над лугом кольца стягивали совы.
Тень по стене тянулась от ружья.
А я смотрел в окно на бор сосновый,
Заслушиваясь скрипом бытия.*

*Светила мандариновая долька
Луны. В углу избы – пастушья плетъ
И сапоги, убитые настолько,
Что никогда не смогут умереть.*

*И страшную река тянула байку
Про лесосплав, про самолёт АН-2.
Всю ночь старуха штопала фуфайку
И думала, что всё ещё жива.*

*На убранном столе светились крошки.
Сквозь брёвна проступала немота.
Курил пастух, и голубые мошки,
Как из дупла, летели изо рта.*

*Я вырос в тех краях, где мало света,
Где тьма порой рождается из тьмы.
Из снега – снег. Где маленькое лето,
Как дырка на подоле у зимы.*

*Я помню неба низкого изнанку,
Когда гундосил дождь, как пономарь.
И женских споров – красную волчанку.
И лесовозов выхлопную гарь.*

*Ещё лай ветра, череду заборов.
И праздники с гармонью и треской
В кровоподтёках пьяных разговоров,
А после – с неизменной тоской.*

*Там над убогой почвой крыши чахли.
О новой смерти ворон голосил,
Но звёзды там черёмухою пахли.
И Бог со мной ночами говорил.*

*Смеркалось. За окном зима уснула.
И кошка, в потолок хвостом трубя,
Угля чернее,
в ухо мне шепнула:
– Не спрашивай, что было до тебя.*

*Как я устала, постоянно плачу!
Ни ласки, ни веселья, ни любви!
И холод этот на полу собачий.
И брови бородатые твои.*

*Люби меня за пропасть
между нами,
За то, что кем-то я всегда больна.
За то, что нам не надо рукавами
Соприкасаться – вот моя спина!*

*За то, что спать люблю в твоём портфеле –
Там снятся мне особенные сны.
За то, что я рожу уже в апреле.
Готовь коробку с пледом шерстяным!*

*-Что, – говорю, – идея мне не очень..!
Она в ответ:
– Ложись, уже пора!
И белый ус мурлыкал против ночи,
И ни на чём держался
до утра.*

*Ни дорог, ни вороных раскатистых дрызг.
Дом, заваленный снегом по горло.
Только цепи собачьей мерещится лязг
Вдоль кривого, как нечисть, забора.*

*Никого. Пустота от крыльца до крыльца.
Вышел месяц, как нищий на паперть.
Из пореза его в половину лица
Хлещут звёзды на чёрную скатерть.*

*Было время: здесь пёс с неподдельной тоской
Выл, когда проходили цыгане.
Все ушли, даже он. Звук остался цепной.
Нет не то. Просто мелочь в кармане.*

*Просто ветер скулит и, то руку лизнёт,
То вьюнком дурковатым наглеет,
То, как зверь во всю мочь из трубы заревёт,
То газету к воротам приклеит.*

*Там за полем вдали свет трамвайных огней,
Чехарда их копытного стука,*

*Там дорога сидит на цепи фонарей
И рычит недоверчивой сукой.*

*Там воркует на рельсах толпа голубей.
Ночь в цветные витрины одета.
И дворняга качаловских, местных кровей
Залетает в трамвай без билета.*

*Круг за кругом, и снова: аптека, ангар,
Склад, цыган разбитная ватага,
Снова облако тает по кличке Мухтар.
Мчит трамвай. Смотрит в небо дворняга.*

*Ей было восемьдесят. Север
Сгибал, но так и не согнул.
Любила лес, охоту, клевер,
Когда весенний ветер дул.
И знала – как шепнуть на тесто.
Что предсказать на Рождество.
И где в избе для Бога место,
А где не место для него.*

*Учила: «Век – он, то солома,
То молоко, то трын-трава.
У слова быть не может дома.
Напрасно не играй в слова! «
И говорила, говорила:
« Бог – он ведь в каждой борозде;
Ему больней воскреснуть было,
Чем оставаться на кресте! «*

*И сквозь метель, сквозь дух солярный
Росло, подобно парусам,
Евангелие от полярных,
Таёжных окон небесам.*

*Давно деревни нет. Сорока
Мне весть об этом принесла.
Давно под берегом осока
Сквозь телогрейку проросла.*

*Лети, сорока-белобока.
А мне чего теперь терять?
Остался только свет от окон,
Упавший на мою тетрадь.*

*Поседела ворона, порог похудел,
У кровати сломалась рессора.
Я уйти через дырку в заборе хотел,
А ушёл и с дырой, и с забором.*

*Что случилось? Да так, просто жил, как во сне.
Жил – как жил. Иногда спорил с веком.
Ты, меня провожая, зевнула в окне
И растаяла мартовским снегом.*

*Вёз меня по ухабам какой-то Касим –
Так и черти не делают ноги.
Я хлестал всё подряд из копыта такси,
Бил копытом на волка дороги.*

*Мы неслись – прижималась к деревьям весна.
Псы ветров разрывали нам уши.
И выблёвывала на дорогу луна
Одинокую, желчную душу.*

*Выгибались коты фонарей, и на грудь
Ночь с отчаянным визгом бросалась.
Подберите меня кто-нибудь, кто-нибудь,
Ничего от меня не осталось.*

*Беленилась капель: «Отпусти. Рви на юг! «
Россыпь звёзд доводила до дрожи.
И шуришали колёса: «Не любит. Не лю...
И не сможет уже. И не сможет! «*

*Ничего от меня не осталось к утру.
Злой Касим ссыпал мелочью сдачу.
Заберите, кто хочет, меня и дыру,
И забор этот чёртов в придачу.*

*Резкий свет. Просыпаюсь. И – ты у окна.
Говоришь: «Ты во сне ехал в Сочи! «
Я люблюсь тобой. Отвечаю: «Весна.
Ты не думай, зевай, сколько хочешь!»*

*День ушёл на другую сторону звёзд.
За деревней луна пасётся.
Белый бык января языком примёрз
До рассвета к цепи колодца.*

*Уходи. И скорее прячься в дому.
Подкрепись простой медовухой.
Слюдяной окоем разрезает тьму
На стекле от уха до уха.*

*Будет филин протяжно кричать в ночи.
Будут ели сбрасывать бремя.
А тебе смотреть, как поленья в печи
Убывают в иное время.*

*Белый бык января. Колодец. Мороз.
И луна, как свеча на блюде.
Дым летит на другую сторону звёзд,
Чтоб обратно щенком вернуться.*

*Поднимается ввысь на всех парусах.
Распадается дым на части.
Чтоб однажды с трубы во все небеса
Разрыдалась луна от счастья.*

*Скособоченный храм у дорожной петли.
Сборы. Тьма. Кислый запах тулуна.
Вот на санках трёхлетку, меня, повезли
В дымных сумерках зимнего утра.*

*Мне так хочется спать. Сон важнее всего.
Ветер. Спины старух. Засыпаю.
Все кругом говорят: Рождество! Рождество!
Я один только не понимаю.*

*А проснулся – украшено елью крыльцо,
Много света, тулуна изнанка.
И меня угощают варёным яйцом,
А ещё леденцом и баранкой.*

*Солнце низкое нянчится в птичьем гнезде.
Пьяный нищий стоит над могилой.
И от гречневой каши в его бороде
Снегири отказаться не в силах.*

*Товарищ мой был чем-то страшным болен.
Угрюмый. На затылке выбрит крест.
И пил, как пьёт пехота перед боем.
И весь июнь хотел смотаться в Брест.*

*Афган, Чечня, какая-то спецрота.
Бубнил порой – сам чёрт не разберёт,
Отмахивался, дескать, ну чего там!
...Вот Брест – так это да..! Так это вот..!*

*... Война, братан, всю жизнь одна, другая.
Но думаешь в июне об одном...
... Я книжек не читал – ну так бывает.
Зато про Брест – раз двести пацаном...*

*Был летний зной, когда его не стало.
Подумалось, до холодка в груди:
Чтоб тешить ум, я книг прочёл немало.
Но ни одной – для выбора пути.*

*Клубился пух и собирался в лодки.
Асфальт переливался, как вода.
Я взял билет до Бреста, ящик водки.
Но так и не уехал никуда.*

*Ты так ждала: когда же лето...
Смотри, как распустился сад.
Глаза цветов на крыльях света
Блестят и смотрят на закат.*

*Я ничего о них не знаю:
Куда уйдут? Зачем пришли?
Но вместе с ними убываю
Душой за краешек земли.*

*Туда, где не сорвут, не купят.
Из мира, где тебя порой
Ещё не знают, но не любят
Уже. Не спрашивай. Постой.*

*И помолчи. Не жди ответа.
Послушай, как ползёт гроза.
Люби их. Собирай в букеты.
Но не заглядывай в глаза.*

*Июль. Витрины пламенеют.
Мираж похож на доширак.
Мутант заправки выгнул шею
И лезет ключом в бензобак.
Острей, чем нож из подворотни
Бросаюсь, расчищая путь.
Я не убил тебя сегодня,
Прости. Убью когда-нибудь.
Толются города из марли.
Кто города мне заказал?
Мир провалился весь, как карлик
В штаны чужие по глаза.
Не надо звать меня заразой.
Я – свой. Я к чёрту не уйду.
В кого сегодня я промазал,
Простите. Завтра попаду.
Я изменяюсь – выше ставки.
Плывут мутанты-облака.
Мутант щенка, мутант заправки,
Мутант окурка и плевка.
Не бойся. Я совсем не страшен.
Мы все когда-нибудь того...
Не надо музыки – есть кашель.
Ни слов, ни звуков – ничего.
И не трудись болеть за наших,
Ходить в кафешки и кино.*

*Есть только кашель, кашель, кашель.
Он – главный. Точка. Решено.
Закройтесь ведро и ненастье.
Закройся ветер-паразит.
Мне только ворон неподвластен,
Но кто его теперь простит.*

*Супа захочешь – возьмишь колун.
А в провинции рокер Миха
Варит бульон из гитарных струн.
Михе семьдесят будет с лихом.*

*Он одинок, не очень мудрён,
В меру скуп, не ханжа, не мелкий.
Ложкой размешивает бульон
Против кости короткой стрелки.*

*Кот-сибиряк не отводит взгляд.
Струн кольцо, словно пасть акулья.
Крутится, вертится циферблат –
А совсем не бульон – в кастрюле.*

*Рёбрами стрелки скребут, бубнят.
Вязнет ложка снова и снова.
Миха откручивает назад,
Чтобы вспомнить себя былого.*

*С запада ложкой вспять на восток,
Духом рокерским прибывая.
Слёзы с глазами вместе со щёк
Вытрет Миха и вновь вращает...*

*Пар в потолок. Не унять тоски.
Прежний стиль теперь не в формате.
Кружится память его руки.
Звука память на циферблате.*

*Варит, покуда хватает сил.
Скажет: «Что там – опять всё те же!
Вот будто с Богом поговорил! «
И коту колбасы отрежет.*

Дмитрий Анатольевич Ермаков. Прозаик, поэт. Родился в Вологде в 1969 году.

Автор семи сборников прозы и многочисленных публикаций в периодической печати в России и за рубежом, редактор газеты «Литературный маяк», ведёт свой блог на сайте «Литературной газеты». Руководит работой литературной мастерской при Центре писателя В. И. Белова.

Романы, повести, рассказы и статьи публиковались в журналах «Наш современник», «Роман-газета», «Москва», «Север», «Двина», «Сибирские огни», «Лад вологодский» и др. Произведения переведены на финский, немецкий, арабский и китайский языки.

Лауреат премии журнала «Наш современник» (2007), международной литературной премии «Югра» (2012), первой международной православной литературной премии «Благословение» (2014), Германской премии за лучшую русскоязычную книгу года – сборник «Дела земные» (2015 г.) и ряда других премий и конкурсов.

Живёт в Вологде.

ЛЕШИЙ

Лес стал его домом...

Но он долго жил среди людей: обычным деревенским мальчишкой, подростком, парнем, мужиком.

Он отучился в сельской школе, потом в городе на механизатора, в армии два года отбыл и жил колхозным трактористом в родной деревне. Ничем не сманил его город.

Не успев жениться, к тридцати с чем-то годам он уже спился и состарился.

Отец его утонул по пьяни в пруду – нырнул и расшиб голову о лежавшее на дне тележное колесо, когда он, будущий Лёха Сафронов, ещё не явился на свет, а только удивлённо-сосредоточенно вслушивалась его мать в зарождавшуюся жизнь...

Когда умерла мать, он остался один в старом, ещё крепком, но уже надорвавшемся доме.

Так бы, наверное, и жил без всяких изменений до смерти...

Объявившийся вдруг новый председатель колхоза, сказал на собрании, что нужно, ежели хотят и дальше колхозом жить (а уже решено было за всех, что хотят), подписать какие-то заёмные бумаги... Подписали.

А потом – все окрестные деревни оказались в таком долгу, неизвестно и перед кем, что деньги окончательно перевелись в их домах, и люди, выживая за счёт огородов и браконьерства, лишь чесали затылки, проклинали безвестно пропавшего из их краёв председателя и собственную глупость.

Да и людей-то в их краях немного осталось. Чуть оживала местность летом, с наездом «дачников», а зимой – глушь, безлюдье.

Оставшиеся мужики пили (на что-то ведь пили!), да не отставали от них и многие бабы.

Лёха бы и так жил. Жили ведь другие-то...

Но вот в ту ночь решил не жить дальше дружок его Вовка Балувев – к сарайной потолочине верёвку приладил. И вёз Лёха гроб с телом друга в тракторной телеге на кладбище, помогал опускать в яму, бросал глинистую землю... Нет, не от долгов и безденежья он это сделал, а скучно стало, бессмысленно – так понял он про дружка своего Вовку.

И ему, Лёхе, тоже ведь скучно. Смертельно скучно. И тоже захотелось всё это прекратить. Но не как Вовка.

Уволился он из колхоза, собрал кой-чего, пса Шарика свистнул и в лес ушёл.

И лес принял его, как дом. Но, поначалу это был, будто бы и родной, но давно покинутый дом, который надо было узнавать-вспоминать, привыкать к жизни в нём.

Неспешно срубил избушку. Прикатил с недалёкой брошенной деляны лесосеки бочку из-под соляры (три дня только на эту бочку ушло), установил её на камни (неподалёку был и лесной ручей, вымывавший на поворотах валуны), вырубил зубилом (ещё два дня) отверстие в боку (за печными трубаками пришлось ходить в деревню), обложил её теми же камнями, обмазал глиной – знатная печь получилась... Верши на ручье поставил – с рыбой жил. Рябков постреливал. Успел за осень и грибов-ягод заготовить. Грибы солил, сушил. Ягоды мял с сахарным песком...

По началу частенько ещё в деревенский дом наведывался – то одно, то другое. Потом жизнь лесная наладилась.

И уже поздней дождливой осенью бывало время посидеть у печурки, стругая какую-либо нужную в хозяйстве палочку; и Шарик, старый, беспородный и бесполезный в охоте пёс, но единственная живая душа при нём, лежал у его ног, прикрыв глаза, уложив большую седую голову на лапы. И странно было Лёхе Сафронову, что вот так просто оказалось уйти от тех проблем, что постоянно нудили душу среди людей. И жалко было Вовку Балуева, избравшего иной выход.

Иногда ему казалось, что в этой лесной жизни он проживает какую-то другую, не свою жизнь, может, давно бывшую или какую-то параллельную жизнь. Но особо, как и сам говаривал, «не грузился» всякими «философиями», а постоянная работа помогала тому. Бывали спокойные дни, а бывали такие, что едва ноги до топчана дотягивал.

Нет, ниточка вязавшая с внешним миром всё же осталась. Зимой стал ходить (раз в две недели примерно) в посёлок (не в свою деревню, чтобы не было вопросов да разговоров). Продавал там пушнину (белка, куница, хорь, двух лис взял капканами), покупал хлеб и соль, больше ему почти ничего и не требовалось. В оплату за пушнину брал ещё порох и дробь. Обманывал его перекупщик (знакомый мужик, в одной же и школе когда-то учились), конечно, безбожно. Но Лёха не то что не жалел, даже не думал об этом, – о том, что обманывают-то его.

Поначалу он всё боялся, что начнут искать его да таскать за долги (полторы тысячи нужно было платить каждый месяц, при том, что заработок в две тысячи считался в их местах хорошим). Но не искали, не таскали... Он и не знал, что к зиме вся эта история с кредитами утряслась – то ли нашли и призвали к ответу афериста-председателя, то ли с банком рассчитались «из бюджета», как обещал сперва глава района, а потом даже и губернатор, когда история эта попала на бойкое перо какого-то журналиста. Всё это Лёху уже не интересовало. Он жил своей (другой, параллельной?) жизнью.

...Он шёл на лыжах по твёрдоукатанной синей лыжне, чуть припорошенной за ночь, проезжал под арками согнутых снегом берёз, мимо елей с чёрно-зелёными в белых пластах ветвями, он легко скользил в искристом солнечно-морозном беззвучном воздухе...

«Лиса!» – ярко мелькнуло в голове, когда увидел рыжий ком на снегу. И он быстрее зашлёпал короткими широкими лыжами. Но, ещё не подбежав к капкану, знал, что ошибся, но не мог понять, что там за добыча.

Оказалось, что это здоровенный тёмно-рыжий кот. Никакой не лесной, таких в этих краях не водится, обычный деревенский котёнок. Он лежал не двигаясь, беззвучно, и только по быстро поднимающемуся при дыхании боку, было видно, что он живой. Задняя правая лапа его была перебита стальными клещами капкана, и если б были у кота силы – дёрнулся бы и оторвал (лисы иногда даже перегрызают зажатую капканом лапу).

Лёха высвободил мявкнувшего от боли кота, скинул ватник, снял свитер, завернул в него бедолагу, натянул снова фуфайку и побежал, оставив в стороне палки, прижимая к себе живой, временами жалобно мявкующий, свёрток.

Привязанному у избушки, не взятому сегодня в лес Шарик укомандовал:

– Фу! Нельзя! – и впустил пса тоже в жильё. – Вишь, какая беда-то приключилась, – добавил ещё для Шарика, который, нервно дёрнув носом, лёг у выставшей печки, равнодушно прищурил глаза.

Лёха уложил кота поближе к печке, перевязал лапу чистой тряпицей, и, несмотря на его нутряной рывк, поправил, вроде бы соединил перебитую кость. Растопив быстренько печурку, разогрел вчерашнюю налимью уху (налимы часто попадались в ондатровые ловушки, стоявшие на незамерзающем речном перекате), налил в блюдце, под нос коту поставил. Тот вроде бы сначала ткнулся, лакнул, но не стал есть, отвернул даже к стене большую лобастую голову с короткими и какими-то вялыми ушами...

Вечером Лёха решил размотать тряпицу на лапе – плохо было дело, гниль уже от раны тянуло.

И он решил...

Короткий и узкий, бритвенно отточенный «шкурочный» нож прокалил над огнём, истолок в пыль сухую дровяную труху. Левою рукою безжалостно прижал кота: «Терпи, Рыжик», – сказал. А правой – одним махом отпазгнул мёртвую лапу. Кот беззвучно оскалил острые мелкие зубы... Присыпав культю трухой, Лёха накрепко завязал её и больше не смотрел на кота (не хотелось увидеть смерть). И он не увидел, как Шарик приблизился к Рыжику, деловито обнюхал и отошёл на своё место.

Утром кот был жив, лежал, всё также мелко и быстро дыша. Лёха опять налил ему ухи, свистнул Шарика, закинул за спину ружьё и ушёл по путику проверять капканы, да и белок пострелять.

И вечером Рыжик был жив. Причём, блюдце было пустое, а кот спал...

Так и зажили втроем.

Рыжик вскоре бегал на трёх лапах, опираясь и на культю. И даже притащил как-то в избушку синичку, к ногам Лёхи положил.

Так прожили первую зиму. Однажды, в странно-неудобное для таких работ время в середине весны, он услышал рёв трактора в направлении недалёкой лесосеки, вскоре оттуда же налетел и адский вой бензопил.

Лёха, стал искать новое место. Приглядел на берегу тихой лесной речки, впадающей в такое же тихое озеро.

Километрах в десяти это было от первой, уже полюбившейся, обжитой избушки. Быстро, в два дня сруб поставил, крышей накрыл. Потихоньку стал перетаскивать вещи. Успел. В последний раз к старой избушке пришёл – там уж и забирать-то было нечего, но захотелось проститься. Как чувствовал – всё там было разворочено, загажено. И рёв бензопильный, чад дымный.

Стал обживать на новом месте. И Шарик при нём. А Рыжик пропал. Перенёс его Лёха на новое место, а он ушёл куда-то. Может в деревню, может, в лес... Ну, работы опять много было – некогда о котках горевать... И к новой зиме Лёха не хуже, чем к прошлой приготовился.

Зашёл как-то в поселковый магазин – хлеба, соли, спичек купить. Тут-то и окликнул его участковый старший лейтенант Козлов:

– Здорово, леший...

Он уже знал, что так его называют. Не обижался, чего обижаться-то... Лёха – Леший, какая разница... Леший, значит, лесной...

– Здорово.

– Вот что, – сразу быка за рога взял Козлов, – ты давай, меняй дислокацию, или, вообще, выходи из леса...

– А чего?

– Ничего. Заповедник будет вокруг озера, не положено там охотиться. Всё! – рявкнул вдруг милиционер. – Я сказал! Я тебя по пяти статьям привлечь могу! Чтоб ни тебя, ни собаки... Проверю! – И вышел из магазина, дверью хлопнув.

Осень уже была. Не успеть новую-то избушку срубить. Да и зачем уходить? Кому он мешает? Какой заповедник?..

Подумал Лёха, да и не стал никуда переселяться. Жил тихонько, как и жил.

...Никакой не заповедник, конечно, а вот что: вспомнил один крупный «культурный деятель» из Москвы своё дворянское происхождение, и что будто бы в тех краях, где жил, ушедший от мира Лёха Сафронов, была вотчина его предков. Приехал, посмотрел. Заместитель местного губернатора при нём был – все прихоти исполнял. По озеру на моторке прокатились, порыбачили, поохотились – аж сорок с лишним гусей сбили, расстреляв перелётную стаю (весной ещё дело было), место под усадьбу насмотрели. А над окрестными лесами на вертолёте летали. Сперва

лесосеку заметили. «Убрать!» – скомандовал заместитель губернатора. Потом сам «деятель культуры», дирижёр мирового уровня, разглядел избушку в лесу, неподалёку от озера. «Это что?» – спросил. Начальник районной милиции подобострастно откликнулся: «Разберёмся!»

Ну и закрутилось с тех пор. Все земли вокруг озера, вскоре, стали частными владениями. «Чёрных лесорубов» быстренько выкурили из леса. Ну, а Сафронову Лёхе участковый всё объяснил...

Не знал Лёха ничего этого. И уходить никуда не собирался. Думал, что так – пугает участковый, а может, на свою долю от Лёхиного пушного «бизнеса» претендует.

По осени московский барин решил приехать на охоту в свою вотчину. К этому событию всерьёз готовилось областное руководство. И даже сам губернатор решил вдруг стать охотником. В район были спущены строжайшие указания, о пресечении всяческого браконьерства на частных землях мирового дирижёра. И в одно пасмурное волглое осеннее утро участковый милиционер капитан Козлов, проклиная дождь, начальника районной милиции, Лёху Сафронова и всех дирижёров на свете, в плащ-палатке с накинутым на голову капюшоном, в резиновых сапогах, пробирался к новому месту обитания Лешего...

– Я же тебя предупреждал... Чтoб завтра же тебя здесь не было... А могу и сейчас задержать тебя... Ружьишко-то не зарегистрированное... Так, так... – Козлов стоял посреди избушки, занимая добрую её треть, вода стекала с него ручьями. – Чего, Леший, арестовать тебя, а?

– Нет... – обречённо ответил Лёха.

– А ты молчи, – как человеку, сказал капитан рыкнувшему псу. И Шарик от этих слов, по-человечески, испугался, под нары лёг и глаза замурил.

– Уходи, Леший, и подальше, подобру-поздорову. Тут скоро не я буду ходить, а такие... чикаться не будут...

– Уйду, – обречённо сказал Лёха.

Козлов ушёл, даже не обсохнув, не выкурив сигарету.

Лёхе впервые захотелось пнуть пса, но тот всё не вылезал из-под низких, грубо сколоченных нар. Сафронов стал собирать вещи, скидывать в потрёпанный рюкзак нехитрое своё барахлишко.

Уходить надо в деревню, в родительский дом. Хотя дом-то его настоящий, древняя родная таинственная родина – здесь под влажной сенью вековых елей, между красных смолистых стволов сосен, в запахе прелой хвои, папоротника, в шорохе зверя... Не успеть уж избушку срубить, запас сделать к зиме где-то на новом месте, не успеть...

Уже больше года он не пил. И ведь и не хотелось ничуть, а в той жизни не мог без водки ни дня прожить. А бутылка на всякий случай была у него, «от простуды». И сейчас, не задумываясь, сорвал пробку.

...Думалось, что вырвался из той адской машины, перестал винтиком быть. Но нет, достали – иди-ка ты, винтик, на своё место...

А участкового Козлова уже ждали в посёлке. Начальник райотдела, а с ним (вернее, конечно, он при них) трое крепких, немногословных мужиков в неброском камуфляже.

– Ну, vedi, поторопим твоего Лешего. Завтра ведь прилетают. Ты чего раньше-то думал? – выговаривал подчинённому начальник райотдела. А трое камуфляжных шли за Козловым молча, цепко и неприметно вглядываясь в окрестности.

– Да уйдёт он сегодня сам. Не надо его трогать, – подал вдруг голос Козлов, когда вышли на неприметную тропку, тянувшуюся вдоль озера.

– Vedi, vedi, – бесцветным голосом проговорил один из троих камуфляжных.

Грохнул выстрел, и их окатило холодным душем с еловых ветвей. И все пятеро рухнули в мокрую траву, и трое, натренированно откатившись с мест падения, мгновенно сунули правые руки под одежду...

– Ну... ну... – забормотал главный районный милиционер.

– Подождите, я переговорю с ним, – сказал Козлов.

– Давай, говори. Говори! – приказал камуфляжный, откатился за кусты, поднялся и, пригнувшись, побежал к избушке.

– Сафронов! Лёха! Не стреляй!

И опять грохот выстрела...

Когда он перезаряжал ружьё, камуфляжный, выбив ногой дверь, влетел внутрь. Он бы, может, и не стал стрелять, но пёс бросился на него, и в прыжке был сбит выстрелом из короткоствольного, будто игрушечного автомата. Вторым выстрелом наповал был убит Алексей Сафронов.

... Ободранный, мокрый, трёхлапый рыжий кот обошёл, выгибая спину, то и дело фыркая от едкого запаха, вокруг груды обгорелых брёвен. Навострил вдруг уши, видно, услышав что-то опасное для себя. Мгновенно пружинисто прыгнул в траву, под лапы вековой ели и исчез.

Нина Александровна Ягодинцева. Поэт, секретарь Союза писателей России. Родилась в 1962 году в Магнитогорске. Лауреат премии имени П. П. Бажова, Литературного конкурса имени К. М. Нефедьева, член Координационного совета Ассоциации писателей Урала, член Совета по критике Союза писателей России, координатор работы Совета молодых литераторов Союза писателей России. Председатель жюри Южно-Уральской литературной премии. Кандидат культурологии, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников Челябинского государственного института культуры. Живёт в Челябинске.

И ЖИЗНЬ ВСЁ ТАК ЖЕ НЕЗНАКОМА...

*То рыдает, то хохочет – живу душу береги! –
Оторвался колокольчик от малиновой дуги.
Разошёлся майской птицей – да забило снегом рот:
Оторвался, покатился на обочину в сугроб.*

*Налетела мелким бесом понизовая пурга,
Месяц выставил над лесом розоватые рога,
Навалился душной ночью на дорогу-колею,
Разбудил обиду волчью на глухую жизнь свою...*

*Мчались молча – и домчали до ближайшего огня.
Горше не было печали в этой жизни у меня:*

*Колокольчик, друг сердечный, серебристо-заливной,
Звон ли твой, уже нездешний, день и ночь летит за мной,
Оглушает эхом дальним, до земли клоня ковыль –
То дорожным, то кандальным, то набатом вековым...*

*Январь у моря – сон во сне:
В далёкой северной стране
В станице с именем Буранная
Вздымает ветер гриву рваную
И сбрасывает седока
Ничком в густые облака.*

*И тот летит сквозь пену снежную,
Пронизывая муть кромешную –
Летит сквозь время напролом,
Глаза прикрывши рукавом...*

*Пустынный пляж. Чужие, синие,
Толкают берег волны, с силою
К его ногам бросаясь ниц...
Ты море? – Море. – Поклянись!*

*Волна выносит страшной клятвою
Какую-то железку, смятую
Немыслимою глубиной,
Таящей морок ледяной....*

*Январь. Проснуться ли, очнуться ли,
Но всё равно пора туда,
Где свет плывёт по снегу блюдцами,
Пока не рвутся провода,
Где больше не о чем печалиться,
Как проглядеть до солнца муть,
Где шаг – и сразу твердь кончается,
Но больше некуда шагнуть.*

Н. Д.

*Никуда не денешься: просто – да хитро...
Обронила денежку около метро.
Даже не заметила, что там за пятак.
Ладно, в Шереметьево доберусь и так.*

*Ах, душа-провинция, сердце-регион!
У меня провинностей ровно миллион
И стремление слабое сильным угодить –
Мне столичной славою не за что платить.*

*Сытый снежной кашею, пригород обмяк.
Да у нас по-вашему не прожить никак!
Всё бы вам оставила, что у вас в цене –
Ведь у нас-то набело, что у вас черне.*

*А живёшь-надеешься только на добро.
Обронила денежку около метро –
Ладно, в Шереметьево добралась и так.
Даже не заметила, что там за пятак...*

*Одуванчики, лопухи,
Море солнечной шелухи
На краю городского сада...
Так и носишь с собою впрок
До грядущего снегопада
Золотистый сухой клубок.*

*Мать-и-мачеха, череда,
Незабудки для никогда...
По горячей асфальтной кромке
Подорожник, угрюмый страж:
У него разговор короткий –
Что потребует, то отдашь.*

*Сколько в камень ни забирай –
На земле прорастает рай,
Возвращается пядь за пядью:
Повилика да зверобой...
Сядет бабочка на запястье –
Уведёт тебя за собой*

*Под акацию да сирень,
Где посвистывает свирель,
Сердце робкое подзывая,
Крошки солнечной подложив...
Так улавливает живая
Жизнь, угадывая, кто жив.*

*А здесь когда-то сирень была – и ласка её, и тень...
Выбелено до серебряного дерево старых стен.
Взглядом коснёшься – бархатно, приложишь ладонь – тепло...
И время стоит непахано, крапивою поросло.*

*Здесь когда-то и я была, пила молоко и мёд.
Неслышно подходит яблоня, ладонь на плечо кладёт.
Я помнила о тебе, говорит, важно ли, сколько лет? –
И яблочко мне протягивает, румяное, на просвет.*

*Короткою или долгою разлука наша была –
Ранетка её медовая мне душу насквозь прожгла,
В вечернее небо выпала – дарена, да не мне –
И звёздочкой малой выплыла на сумеречной волне.*

*Насквозь прошивая смутное, наивным светом дрожа,
В вечернее время – утренняя доверчивая душа.
И кажется, до полуночи ей не удержаться там...
Но звёзды считают иначе и не открывают тайн.*

*Роскошь тишины, спора нищета ли...
Что ни затевай, нету с нами слада.
Боже, приюти в небе наши тайны –
Смутные слова, вспугнутые взгляды.*

*Раз уж наделил радостью-бедою,
Если подарил всё, о чём молила, –
Пусть они живут под Твоей ладонью
В маленьком саду, в бузине-малине.*

*Пусть они поют, праздно-невесомы,
В радости своей обречённо-вешней:
Выйдешь утром в сад, хмурый, полусонный,
А они в листве крылышками плещут...*

*Им не уцелеть в городской опале:
Сколь ни береги – были да пропали.
Пусть живут с Тобой там, куда манили –
В маленьком саду, в бузине-малине.*

*Как много шелеста и плеска!
Слух не вмещает эту речь.
И тьма – всего лишь занавеска,
Которую легко совлечь.*

*За ней, за рамой деревянной,
За лёгким дребезгом стекла*

*Жизнь предстаёт простой и странной,
Какой ни разу не была:*

*В шипучих зарослях малины,
В бокалах яблоневых крон
Июнь налит до половины
И облаками забелён.*

*И запах – этот нежный запах,
Листвяный, знобкий, росяной –
Стоит до полудня как заводь
Перед излучиной речной...*

*А дальше светлая истома,
Дымок вечернего костра,
И жизнь всё так же незнакома
И ослепительно проста,*

*И рядом в тополиной роще
Уже почти не наяву
Ночной сквозняк во тьме полощет
Отяжелевшую листву...*

*Оглядываясь беспечно на дальние голоса,
Спохватываясь поспешно: оглядываться нельзя! –
Чувствуешь: ближе, ближе, уже над самым плечом
Лёгких листочков книжных шепоток ни о чём.*

*И всплёскивается, ярок, словно бы наяву,
Запах румяных яблок, падающих в траву,
И клювом стучит синица в надтреснутое стекло,
И прошлое счастье снится, не ведая, что прошло:*

*Скрипнувшей половицей, радостью – кто пришёл?
Яблочной половинкой, влажным ещё ножом,
Ложечкой в звонкой чашке, солнцем из всех щелей...
Летнее моё счастье, непроходящее!*

*Ещё немного снега – а потом
Вернуться в дом, младенчески жалея,
Что без тебя пустынная аллея
Не выведет к беседке над прудом –*

*Заблудится в сугробах, забредёт
За молодые заросли акаций
И никому не будет откликаться,
С густых ресничек смаргивая лёд.*

*Как будто замкнут на душе твоей
Незримый контур для земного тока,
И только ты, своею жизнью только
Смысл придаёшь сейчас себе и ей.*

*И первый снег – куда ему теперь
Идти по тишине невыразимой
Через свои бесчисленные зимы –
И молча одиночество терпеть?*

*А первая синица у окна?
Она на прошлогоднюю кормушку
Не к семечкам летит, а потому что
С тобою хочет свидетелься она...*

Жизнь без тебя смутна и неясна.

*Ты это знаешь, и тебе тепло...
Отряхивая шубку и сапожки,
Ты говоришь себе: я выйду позже.
Выходишь позже.
Всё уже прошло.*

*Вязкая тревога – словно вызрела
В воздухе чудовищная ложь.
Тьма стоит на расстоянии выстрела –
Дальше ни на шаг не отойдёшь.*

*И её не уличить в обмане нам –
Тьме, похоже, просто всё равно,
Кто в её прицеле затуманенном
Двигается как светлое пятно.*

*Часовые сняты, псы прикормлены –
Но за этой страшной тишиной
Мы стоим, предчувствием прикованы
К тайным рубежам земли родной.*

*Лишь на ней, весенней силой впоены,
Сомкнуты корнями как трава,
Смогут удержаться наши воины –
Наши чувства, мысли и слова.*

*Как за Масленой мело, как пути переметало!
Неприметное село к ледяной Оби пристало.
Только крыши да дымок в месте этом незнакомом.
На реке стальной замок в цепи белые закован.*

*А на Маслену, небось, здесь цвели костры да шали,
Как заходит в избу гость – всё блинами угощали,
И морошка на меду в чашках писаных светилась,
И до проруби во льду солнце в саночках катилось.*

*Обь-река разоспалась, да уже пора к заботам –
Собирать сырую бязь по дорогам-огородам.
Сколь снегов ни полегло, а весне всё будет мало –
Так за Масленой мело, так над Масленой сияло!*

*Пасмурно, томительно, бесснежно, пустота – а не видать ни зги.
Острый холодок вдыхая спешно, ветер ищет лежбище пурги.
Вот она, разбуженная, встала, вот она полнеба обняла –
И вокруг горячего оскала задышала розовая мгла.*

*Задышала, полем заходила, мягко смяла горлышко воды
И в одно мгновенье поглотила чьи-то одинокие следы.*

*Бледною, бессильною луною на короткий миг освещена,
– Выходи поговорить со мною! – равнодушно требует она.*

*Знаю, что ни правдою, ни ложью, ни наивной речью нараспев
Не пройти навывлет бездорожье на почти немыслимый рассвет.
Только из бывшего в небылое выйти молча на высокий Суд,
Где слова очнутся, вспомнят Слово, встанут на молитву – и спасут.*

*Попивая лихой коньячок из горла:
– А ты знаешь, какой она прежде была!
Как любил-горевал, миловал-погибал,
Как беспечно ночную черёмуху рвал!..*

*Что мне делать, Господь, с этим горем чужим?
Он поэт, он умрёт через год с небольшим
От сердечного приступа в доме пустом –
И теперь только я буду помнить о том,
Как любил-погибал, как черёмуху рвал,
Коньяком суррогатным тоску заливал...*

*Всё по силам, Господь, ибо Ты милосерд.
Мне сказали: полицию вызвал сосед.
Дверь взломали под вечер. В раскрытом окне
Полыхала метель и металась в огне.
Он ничком бездыханно лежал у стола...*

*Я не знаю, какой она прежде была,
Как пылала и пела, сводила с ума
Вся в огнях и черёмухе майская тьма,
Как любила, лгала и была неверна –*

*Но черёмуха шествует мимо окна,
Торжествуя, пылая, маня и казня,
И на ветках её не убудет огня.*

*Степь отдыхала от жары. Она, закрыв глаза на вдохе,
Глядела в странные миры, во тьмы ушедшие эпохи.
За поворотами реки, блестящими полукругами,
Дрожали словно поплавки едва приметные курганы.*

*Тень проносили облака, и чудилось: под облаками
Большие рыбыны-века во сне колышут плавниками
И тьма спускается к воде – но этой жажде не напиться.
И в каждой капле – по звезде, и в каждом выдохе – по птице...*

*Не оттого ли тяжелы часы степного предвечерья?
В тугие связаны узлы тысячетные кочевья,
И в каждом птица и звезда из родника или колодца –
Но позабыты невода, и ячея сухая рвётся,
И с колчанами белых стрел выходят ветры брат на брата...*

*У горизонта хлеб горел, и дым стоял над ним горбато –
Стоял клонясь над полем битв, где боль ещё не доболела,
И там, где сердцу должно быть, безмолвно солнце багровело.*

*А что случится – и знать не надо:
Ковид, предательство, слом эпох...
В медвежьей нежности снегопада
Неровен выдох и жаден вдох.*

*Полотна ветра проносят мимо –
И кажется, всё: не вернуть назад
Ни хлеба запах, ни запах дыма,
Ни роз таинственный аромат.*

*Идешь, дыханье с трудом вплавляя
Во встречный холод, белёный мрак –
Ни зги не видно, и жизнь былая
Тебе не может помочь никак.*

*Но то и счастье, что путь неведом,
Но то и свет, что в твоей груди,
И снегопадище прёт медведем
И тоже не знает, куда идти.*

Илья Леонидович Виноградов. Родился в 1978 году в посёлке Кильдинстрой Мурманской области. Поэт, прозаик, журналист. Окончил физмат МГПИ (ныне – МАГУ, 2000) и экономический факультет Санкт-Петербургской академии управления и экономики (2007). Журналист. Работал в областных газетах «Мурманский вестник» и «Вечерний Мурманск». Ныне – корреспондент ИТАР-ТАСС по Мурманской области. Один из руководителей Славянского хода Мурман – Балканы – 2018. Лауреат областной литературной премии Баёва-Подстаницкого (2001), международного Каверинского литературного конкурса (2012), Всероссийского литературного форума им. Гумилёва «Осиянное слово». Один из организаторов литературного форума-фестиваля «Капитана Грэй». Член жюри ряда литературных конкурсов. Участник съездов молодых литераторов Союза писателей России в Химках (2018-2019).

МОЙ АНГЕЛ ВЕСЬМА БЫСТРОКРЫЛ

*А здесь стоял, пожалуй, раньше дом.
Вон тот щербатый камень был фундамент.
Закрыв глаза, узреть бы... Но куда мне!
Темна завеса на былом.*

*Здесь, оттеня радость бытия,
Шуришат травкою тени виновато.
И вторя дому, той травой когда-то
Исчезнув, и я.*

*Вспять не текут ни время, ни вода,
И мыслей нет печальней, чем о прошлом,
Что неизбежно кажется хорошим,
Когда уходит навсегда.*

*Но оглянувшись наугад вперёд,
Увидишь вдруг, что мир наш однослоен:
Грядущее – такое же бывшее,
Чей не настал ещё черёд.*

*И станет невесомо и легко,
Когда поймёшь, что на земле конечны
Дома и желтотравье. И, конечно,
Мы сами. И добро и зло.*

*Мой ангел весьма быстрокрыл,
Что свойственно этому виду.
Какую б я дверь не открыл,
Меня не давал он в обиду.*

*Когда б не бросал в суете
Родные покосы, погосты,
Мой ангел за мною летел,
Не зная нелётной погоды.*

*Я падал, кометы быстрее,
С друзьями, культурой, страной,
С башкой непутёвой своей –
Он падал за мной и со мною.
Мой ангел как Бог терпелив –
Воистину редкая птица:
Я мешкал подняться с земли –
И он не спешил торопиться.*

*Любить не заставишь кнутом,
И верить не выучишь тоже.
О Духе – ни духом ни сном
Я был, вкован знаньем в безбожье.*

*Мой ангел за правым плечом,
В незримом сиянии светлом,
Меня не спросил ни о чем
И мудрым не ранил советом.*

*Он ждёт, несомненно, того,
Что ведомо только крылатым.
Все бросят меня одного,
И вспомню о нём я когда-то.*

*Араб, откинув тростниковый жмых,
Начислил в чашку светлой сладкой жижи.
Он провожал из Города живых,
И Город мёртвых становился ближе.
Чернел забывший наводнения Нил,
Удавкою плотины обезврежен,
И Город мёртвых всё страшной манил.
Ну а живые вспоминались реже –
Пусть забивают закрома зерном,
Проращивая алчность человечью,
И вечно рассуждают о земном.
А мёртвые, как водится, о вечном:
Что бестелесная жива душа,
Мертво душой покинутое тело...
Их речь, как флейту Бога, не дыша
Хотелось слушать и понять хотелось.*

*Но не хватило времени и сил.
Промчался час, и нас помчал обратно
Уставший, чёрный от работы Нил,
И сувениры впаривал араб нам.*

*Тропка меж стволов уводит,
Ключ взрезает плоть земли,
Сопричастная природе,
Электричка мчит вдали.*

*Терем леса полон света,
Радостен кукушки счёт,
Пляшут нимфы в чаще где-то,
Что-то водится ещё.*

*Кто-то, дюжий и косматый,
Верно, злющий натошак,
Ищет жертвы бесновато:
Жизнь, а, может быть, рюкзак –*

*Дань с того, кто сам, без спроса,
В заповедное проник,
К счастью путь нашёл так просто,
Чистой радости родник.*

*Пусть мой след простынет к ночи –
Я уже увидел рай,
Говорю: «Бери, что хочешь.
Всё, что хочешь, забирай».*

*А лесник, косматый, дюжий
Как лесное божество,
Скажет: «Ничего не нужно.
Ровным счётом ничего».*

*Обычный день идёт по кругу,
Привычно светел этот дом.
Но очень странной нервной выюгой
Исчерчен город за окном.*

*В ней что-то чудится такое,
Что страшно за окно смотреть,
И глупо тешиться покоем,
И вспоминается про смерть.
Мне вьюги напевают часто
О чём-то странном и о том,
Что нерушима власть ненастья
И что непрочен этот дом.*

*Заросла тропа крапивой
К дому, где когда-то жил.
Смотрят окнами тоскливо
Вдаль пустые этажи.*

*Были сверстники-ребята –
Не сказав, что навсегда,
От меня ушли куда-то.
Или я ушёл куда?*

*Не было дружнее споров
И товарищества злей,
Полутёмных коридоров
После не встречал светлей.*

*По тропе, по грудь поросшей,
Я прорвусь и всё верну!
Дом, что пылью запорошен,
Оживлю, признав вину!*

*Пыль взметнётся суеливо –
И вернётся на покой,
Зря примятая крапива
Распрямится за спиной.*

*Сражайся за свет и за правду –
Бог в помощь, видать по всему,
И лжи не прощай даже брату.
Но зла не желай никому.*

*Дерись, кулаки напружинив.
Кто жалит безжалостней змей –
Бей палкой вовек и отныне.
Но смерти желать не посмей.
В доме человечесьем непрочном,
Где свечка, и печь, и кровать
Глухою порою полночной
Дверь ветру забудь открывать.*

*Откроешь – и холод беззвёздный
Войдёт чередою потерь,
И первым до смерти замёрзнет
Открывший нечаянно дверь.*

Владимир Вадимович Трусов. Поэт, автор-исполнитель, прозаик, публицист. Родился в 1965 в Воркуте. В 1988 г. закончил Ленинградский «Военмех», два десятка лет отработал на производстве, прошёл путь от мастера до главного инженера предприятия, затем был сотрудником муниципального телевидения, а также городских и корпоративных газет. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова (2017 г.).

Член жюри литературного фестиваля-форума «Капитан Грэй».

Живёт в Мончегорске.

ГОРОД ВДРУГ ПОСТОРОНИЛСЯ

*Новое время огульно хулить не след:
Мы его сами слепили таким как есть.
Жаль только – вкус свой прежний утратил хлеб...
Что ж, по заслугам, наверное, нам и честь*

*Жить суррогатами прошлого, раскрошив,
Точно горбушку, злой, театральный плач,
Дескать, хлебнём, господа, за помин души,
Во оправдание времени неудач,*

*Издавна поодержанных, но теперь
Вновь возводимых в свершения. О цене
Упоминается походя. Верь – не верь,
Официально выглядит всё вполне*

*Благопристойно. Пафоса рты полны
У обещающих счастье для всех гуртом.
Но ведь и души пророков, увы, темны,
И осеняющим всуе себя крестом*

*Верить – себе дорожке. Парад святош
Стал атмосферным явлением. Ври – не ври,
Нужный итог предусмотрен. Чего ты ждёшь?
Новая жизнь стартует по счёту «три».*

Мольба

*Забудь меня ещё тогда,
Когда нас не было на свете,
Когда ни страха, ни стыда
Не испытали наши дети,
И ты не знала пьяных драк
И вечной боли унижений,
И я, мерзавец и дурак,
Тебе не делал предложений!
Забудь! Мольба не звук пустой!
Великим ласковым созданиям*

*Своей несметной красотой,
Своим отважным состраданьем,
Негоже потакать зверью.
И я, не склонный к птичьим трелям,
В однажды начатом бою
С самим собой – уже застрелен.*

Странная странность

*На асфальт просыпал кто-то
Воробьёв и крошки хлеба,
Песню улицы раскрасив
По дворовому вполне.
А на вечную скамейку,
Что под клёном пустовала,
Предложил присесть идущим
Просто так тебе и мне.*

*Мы взглянули друг на друга.
И с улыбкою неожиданной
Ты мне руку протянула
И сказала мне: – Привет!
Я тебе поверил сразу.
Знать и вправду нам с тобою
Одиночество былое
Застилало белый свет.*

*Все же радостно и странно
Ощутить счастливым случай,
И понять, что это чудо
Нас с тобой не обошло.
Рассыпались карамелью
Трели рейсовых трамваев,
Удивлённых, что кому-то
В наше время повезло.*

*Так, казавшийся безбрежным
Город вдруг посторонился,
Сколь незрячим и нелепым
Здесь бывает человек!
Оттого мы знать не знали,
Мы и думать-то не смели,*

*Что для нас однажды летом
Распахнётся новый век.*

*Одеяля город сединой,
Может быть зима его согреет,
Но, увы, не сделает мудрее...
Даже если встанет снег стеной,*

*Пусть не скоро, но когда-нибудь
Оттепель нам щедро явит лужи.
Здешний снег иных морей поглубже,
Как бы до весны не утонуть,*

*Пробуя развлечься иногда
Сказками о возжеленном юге.
Впрочем, повседневность злее выюги,
Что заносит снегом города.*

*Не отменишь, сколь их не кляни,
Хлопоты насущных выгод ради,
Хоть бы и себя всего истратив
В сутолоке мелочной возни.*

*Оттого идущих по пятам
Удивить получится едва ли,
Как людей в нас будни убивали,
Как мы выжить ухитрились там.*

*И прежде таких я встречал не раз
(А скольких ещё найду!),
Нырнувших в бездну любимых глаз,
Распластанными на льду,
Подёрнутом мутной водой вранья
(Чуть глубже и монолит),
Где даже заветная полынья
Спасения не сулит.
Я сам когда-то давным-давно
Подобное испытал,*

*Почти расквасив себя в пятно,
И на ноги чудом встал.
Господь мне дух укрепил, и плоть
Опять набиралась сил.
Но вот зазря о любви молоть
Воистину отучил
Однажды встреченный волчий взгляд,
Понятный, как дважды два:
Вовек не делая, что велят
Разумные существа,
Ходить свободно и тяжело.
А коль полыхнут флажки,
В бою волкодаву заткнуть хайло,
На горле врага клыки
Навек смыкая в стальной замок!
В течение прошлых лет,
Увы, по-волчьи я жить не смог.
И нынче не стану, нет.
Я лишь о честности речь веду...
Да много ли проку в том,
Когда рыбаки на весеннем льду
С чего-то лежат пластом?*

*Сползала жизнь на брюхе под откос
Неряшливо искромсанной строкой.
Следы употребляемых колёс,
Снотворных иль дарующих покой
(согласно заверению врачей),
терялись, огибая эшафот,
в напраслине маститых сволочей,
ломающих от собственных щедрот
комедию сочувствия врагу,
раскисшему, казалось бы, совсем.
Да я их с детства видеть не могу!
Да я бы с ними рядом не присел!
Не то, чтоб вдруг холуйствовать взахлёб,
Как будто в унтера произвели!
И пусть я полудохлым нынче слёг,
Авось, заняв силёнок у земли,
Рвану себя за шкуру на-гора
И поднимусь. Я, помнится, умел*

*Откалывать лихие номера;
И если по наклонной загремел
Однажды, значит, веская нашлась
Тому причина. Стоит ли о ней?
Одoleвать нахрапистую власть
Позорных следствий горше и страшней,
Чем совершать ошибки. Неспроста,
Не чуя прежних боли и тоски
И начиная с чистого листа,
Стараясь хранить черновики
Возможно дольше. Впредь не задавай
Вопросов неуместных, на Руси
В особенности. Падай и вставай.
И у друзей пощады не проси.*

Юрий Анатольевич Татаренко. Поэт. Родился в 1973 году в Новосибирске. Член Союза писателей России. Лауреат всероссийских и международных литературных конкурсов и фестивалей в Москве, Одессе, Симферополе, Ярославле, Калининграде, Санкт-Петербурге, Кирове, Томске, Туле, Мурманске, Полоцке, Льеже. Победитель поэтических турниров в Красноярске, Томске, Новосибирске, Коктебеле. Автор 8 книг стихов. Публиковался в литературных журналах и альманахах России «Арион», «Нева», «Новая Юность», «Юность», «Литературная учёба», «Сибирские огни», «День и ночь», а также печатных изданиях Украины, США, Германии.

МОЯ ТРОПИНКА – В НЕБЕ ЗВЁЗДНОМ

Четыре чая в первое купе

*Вот и первый облом: проводник – старый дед из тувинцев.
«Цель поездки?» – сурово спросил у меня одного.
Расскажу пассажирам про литсеминар с Ягодинцевой.
Выпускница мехмата отрежет: «Стихи – баловство».
Что ответить мне, братицы, на сей приговор Пастернаку
И Есенину, и Мандельштаму, и много кому?
Прочитаю Кабанова – ночью, вполголоса, внаглую –
И добавлю, что снова недорого было в Крыму.*

Последняя ночь октября

*Утихло пружин пиццикато.
Ресницы озябли во сне...
А где-то брусничней закаты
И круглогодичнее снег...
И в Замоскворечье, и в Сочи
Влюблённые – словно в раю!
Моя кинестетика хочет
Покрепче обнять твою.*

День рождения

*Рассвет. Коньяк. Послеапрелье.
Мы снова дачники – ура!
Луна в созвездии Безделья.
И в подпол чёрная дыра.
И дядя Юра Землянухин
Башку откусит огурцу.
И слезы одинокой мухи
Приснятся пауку-вдовцу.
И смс-ка без ответа.
И на земле велосипед.
И ты не знаешь тайны этой –
Как жить без тайны о себе.
И снова колеса зигзаги,
И речка кажется смешной...
И притворятся тишиной
Слова в обёрточной бумаге.*

24 октября

*Остатками радуги – орденской планкой небес –
Москва поражает осеннее воображение.
Проводит для нас листопад жёлто-красный ликбез.
Квартира. Остатки пирожного. Изнеможение.
С утра на рабочем столе идиотский скриншот.
Под вечер стихи о любви вызывают улыбку...
Не спрашивай девушку, было ли ей хорошо.
Для радуг и девушек каждый вопрос – на засыпку.*

My way

*Моя весна полна грязюки
Непросыхающей.
На фото – мотоцикл «Сузуки».
Он потрясающий.
Моё вчера – духи, колготки,
Билет на «Золушку».
Мои стихи – бутылка водки
С отбитым горлышком.
Речушка с жадностью глотает
Плевочки с мостика.
На ужин – вновь филе минтая.
Мне сорок с хвостиком.
Моя тропинка – в небе звёздном.
Петляет, дурочка.
Когда тоска целует в десны –
Заешь огурчиком.
Стоянка поезда
Садится зарядка. И сырники тают во рту.
И только метель набирает в ночи обороты.
И ложка в стакане моем – часовой на посту:
Весь день охраняла пакет, где твои бутерброды.
И хочется в трубку кричать: «Кто он? Вадик, Олег?
Зачем он тебе – непростой, несмешной, ненадёжный?..»
Под нижнюю полку забился мужской интеллект.
И странно глядит проводница на термос таёжный.*

Без вариантов

*Врезалось в память:
Все до единой большие рыбы,
Пойманные на удочку дядей Серёжсей, –
Особь женского рода.
А иначе бы дядя Серёжа не кричал,
Вытаскивая добычу:
– Эх, карася тёща!..
Это же он говорил,
Закуривая после бани,
А почему – я так и не понял.
Стеснялся спросить,
А теперь и не спросишь:
Нет уже дяди Серёжи.
Я не курю, не рыбак, не женатый –
Но, бывает, хочется выдохнуть
Вечером у реки:
– Эх, карася тёща...
Если какая рыба
Весело отреагирует –
Я вам скажу безошибочно,
Кто она карасю.*

Сибирский Джокер

*Не мучиться, а выключить окно
Бульжником, забытым не тобою –
И ощутить, что, в общем, всё равно,
Что именно не назовут любовью.
И кепочку надвинуть на глаза –
Себе, себе! И щуплому подростку...
И привыкать, что крупная слеза
Ведёт едва заметную бороздку.*

Затишье

*В зимнем парке холодно словам
И квадратам сетки волейбольной...
И снежинки липнут к рукавам
И к воротнику. И все довольны.
Парк от стадиона далеко.
Заболел учитель физкультуры.*

*Потому у всех снеговиков
Очень не спортивные фигуры.
Зная всё на свете наперёд,
«Яндекс» потепление обещает.
И никак в отставку не уйдёт
Телевизионное вещанье.
И сойдутся стыд и ремесло,
Глупость, миллионы и Кокорин...
И зачем-то девушка с веслом
Аккуратно спилена под корень.*

Второкурсница

*Всё позади. И красные флажки,
И сессия, и бабочек полёты.
За корешками книжных переплётов –
Вкуснейших букв вкуснейшие вершки.*

*Играет кошка хлястиком пальто.
Рецепт аптечный. Марсианский почерк.
По телеку великое ничто
Кривляется и что-то там лопочет.*

*А где-то он, 44+,
Воспитанный Антоном Городецким,
Стоит в метро, заплаканный и детский,
И пробует молчание на вкус.*

Июль

*Речка шёлковой водой
Нас не отпускает.
Песня Юрия Лозы
Вспомнится на треть.
Между небом и бедой
Хайп словил пескаррик...
И не страшно до грозы
В домик не успеть.
У любви малины вкус,
Запах трав сушёных.
Чаепитие начать
Гром даёт сигнал...*

*Снова выключен блютус.
Снова голышом ты...
Я не знал, что... Как сказать...
Ничего не знал.*

Полнолуние

*...И был арбуз от слез соленым.
И треугольными кубы.
Быть к августу приговоренным
Совсем не то, что просто быть.*

*И наливаешь сам себе.
И вспоминаешь с неохотой,
Как новенький велосипед
Купил по праву пешехода.*

*А ты... Тебя... Тебе... Тобой...
Местоимения разрыва.
В окне берёзовая грива.
Стихает ночь. Утихла боль.*

*Обкусанные заусенцы.
Ночная тяжесть головы.
Луна как вырванное сердце.
Забыть себя. Смотреть и выть.*

*Первые гастроли
Ты сравнила его с Дон-Кихотом.
Ну, какой он, к чертям, Дон-Кихот?
Темнота поспешила с приходом.
В чемоданах гостиничный холл.*

*До осеннего моря добраться.
(Как с тропинки не сбились – бог весть).
Обсудить две рапсодии Брамса.
«Письма к римскому другу» прочесть.*

*Были волны не все с перехлёстом,
Но фантазия – была ключом...
Никуда не торопятся звёзды.
И рука, что легла на плечо.*

25 декабря

*Не Новый год. Нетрезво. И к тому же
Закон природы к фауне суров.
Зимой гораздо больше белых мушек.
Зимой гораздо меньше комаров.*

*И сумерки. И бабка на коляске
Уже замёрзла в красном колпаке.
И фейерверк опять смущает краски
И чистый лист, и кисточку в руке.*

*А личсостав районного отдела
Живёт и дышит выслугою лет...
Стихи пришли. Зима не доглядела.
Бухие звёзды лыбятся мне вслед.*

Видение

*Мы помиримся тихо, как мирятся ветки.
А потом – ураганно, как в фильмах для взрослых.
В принесённой с работы рекламной газетке
Ты прочтёшь про Шукшинские чтения в Сростках.
Я успею посуду помыть за собою.
А потом ты из комнаты выйдешь нагая...
А наутро мы в детской поклеим обои.
И прошепчет твой сын, что они – вверх ногами.*

Немосковское лето

*Мне казалось всегда,
Что поэты сродни облакам:
Тише, медленней птиц,
Но улечься в теньке – не судьба.
Чистый лист для поэта
Полезней ведра молока.
Синеве безразлична
Твоя полнота-худоба.
Облакам всё равно,
Что творилось на влажной земле.
Никогда, ни за что
Не поместится облако в гроб.*

*Я-то думал,
Поэт – кому вечно нужны сто рублей.
Оказалось,
Поэт – кто из молнии делает гром.*

Ольге

*Уехала. Забудешь, не забудешь?
Никто не смог доесть прощальный торт.
И облако, похожее на кукиш,
Растаять не торопится... Вот черт!*

*Признайся, головы не поднимая:
Прекрасна предрассветная Нева.
И ночь остатком сердца понимает,
Что «с глаз долой» – дурацкие слова.*

*Уехала. Не просто так, конечно.
Карьерный рост, повышенный оклад.
И в женский голос, трогательно нежный,
Уже готов влюбиться листопад.*

*Уехать, ничего не обещая
Самой себе, любимому, родне...
В кладовке сумка с зимними вещами.
И два цветка в горшочках на окне.*

Бывшие

*Я на даче труженик, не дачник –
На потеху Витьке-алкашу,
Что стреляет сотни без отдачи
С клятвами: «Расписку напишу!»*

*Прибежит с бутылкой: «Будешь третьим?»
Бывший друг – как прелая листва.
Будет топора железный жребий
Справедлив к берёзовым дровам.*

*Развестись – нетрезво и не больно.
Жить в обмане – это не по мне.
Радио мурлыкает довольно
На своей классической волне.*

У
Тебя
Другой
Завёлся
Кто-то...
Колуном машу, как заводной.
На траве дрова – моя работа.
Вот и завершился выходной.

На всю мощь – кантату Берлиоза!
Витька заорёт: «Что за дела?!?»
Под навесом – бывшая берёза.
Та,
Что
Ты
Кудрявушкой
Звала.

Одиночка

Вроде жив. И вроде бы здоров.
На тарелке – что-то вроде счастья.
Дождь прошёл. Предбанник полон дров.
Все в порядке. Но не обольщайся.
Чемпионский список утверждён.
Гравировка есть на лунном диске....
Ты поэт – а значит, осуждён
На стихи без права переписки.

Отель 4 звезды

Жил по законам магии
Два бесконечных дня.
Если я стану маленьким,
Не поливай меня.
Строчки чеканил запросто,
Рифмам не изменял.
Если я стану августом,
Посентябри меня.
Пуговичные прорези
Верности не хранят...

*Если я стану прописью –
Перепиши меня!
Танцы дождинок с листьями –
Осени западня.
Если я стану истиной,
Не вспоминай меня.*

Три куплета про первую любовь

*Весна. Родителям враньё.
Конспектов залежи...
Куда страшнее для неё
Экзамен завтрашний.
И не пугает, а смешит
В парнях застенчивость.
И добрались карандаши
До прозы Сенчина...*

*И подавал дурной пример
Трудыга-маятник.
И в телевизоре премьер
Казался маленьким...
Не тот, не там погашен свет –
Момент трагический.
Как нелогичен факультет
Филологический...*

*Измятый ситец голубой –
В малине-ягоде.
Стихи про первую любовь
Не пишут загодя.
И наполнялся коридор
Ленивым тиканьем...
А помнишь – вот что до сих пор:
«Ну, всё – иди ко мне».*

Десять строк про одну семью

*За свет внесёшь очередной платёж,
Рутинной суетливо коронован –
И вдруг одну простую вещь поймёшь:
Приснишься морю – примет как родного.
Поедем в Крым: Гурзуф, Мисхор, Форос,
Инжир на ужин, но на завтрак – каша...
И сам себе ответишь на вопрос:
«А есть ли смерть?».
Чужая – есть.
Не наша.*

ЕКАТЕРИНА ГЛАДЫШЕВСКАЯ

Екатерина Александровна Гладышевская родилась в 1982 году в Мурманске. Поэт, журналист. Окончила Мурманский государственный технический университет (2004). Лауреат региональной губернаторской литературной премии им. Баёва-Подстаницкого (2006), фестиваля молодых литераторов «Знаки» (2008). Автор книг «Другое лицо» (2006), «Перегорело» (2017).

ЛЮТОЕ ВРЕМЯ ДЕЛАЕТ ВЗГЛЯД ОСТРЕЕ

*Лютное время делает взгляд острее:
Зная, что рядом хищник – всегда на страже.
Каждый наш шаг просчитан. И это греет.
Так, что самым в итоге бывает страшно.*

*И чем взрослее, тем прозорливей Око,
Вычурней Мордор, головорезы злее.
А за семью печатями одиноко
Тёмных подвалов в затхлости души тлеют.*

*Их не волнуют ставки и пересуды,
Синус побед и промахов в одночасье.
Души готовы обувь отдать разутым,
Крышу – бездомным и одиноким – счастье.*

*Шансы вернуться в дело почти ничтожны:
Суд беспощаден, резок и анонимен.
Впрочем, надежда есть – исцелиться можно.
Если найдётся тот, кто придёт за ними.*

*Тот, чьи потери лишь закалили волю,
Кто продолжает падать и подниматься,
Тот, кто готов бороться и не позволит
Жить в окруженьи каменных декораций.*

*«Камо грядеши» – мы выбираем сами:
В каждой из двух вселенных – своя охота.
Разум считает риски, но души знают,
Что их уже старательно ищет кто-то.*

*В боку нарочито ноет, и вместо пушистого ворса –
выстрадавшие стежки.*

И органом меньше.

*Да только не тем, что годами молило о вытяжке.
За дверью – навзрыдное «Коля?» И дед с костылями,
глазая по койкам, испуганно ищет дом.*

*Сестра с горланиющим маникюром иглу мне вонзает в кожу,
а кажется, будто бы в самое что ни на есть нутро.*

*Впервые в жизни ловцами снов –
казённые потолки.*

Опять кошмары.

Тебе ведь несвойственно непросящим тянуть руки:

Недаренные цветы, неписанное:

«Ну, там как ты?»

С кривой усмешкой

сгребаю поломанные артефакты.

Красивый доктор с улыбкой:

«Не плачь! Подумаешь, пара швов, –

и тычет взглядами в искалеченных.

– Ты здесь проездом. А для кого-то – тупик, конечная!»

Бреду в палату, каталки с горечью провожая.

Считаю до трёх, беру телефон, улыбаюсь в трубку:

«Мамочка, я к тебе на минутку...

Сказать – живая!»

Давай без пустых речей, без фанерных штампов,

Без обсуждений Бабченко или Трампа.

Мне всё равно, чей забористей look на дорожке алой.

Господи, как к тридцати шести это всё задрало!

Я не ханжа. Я люблю вино, «ДДТ» и фильмы –

Те, где со злом сражается храбрый Бильбо.

Но по ночам под чьё-то чёртово контральто

Тысячи ртов, отражаясь во тьме асфальта,

Скалятся мне портретом, достойным Уайльда.

Слушай, давай, пожалуйста, про другое:

Как этот вечер неброско и дивно скроен,

Как чистота поступков что-то меняет в лицах,

Как мы с тобой говорим и не можем наговориться.

Давай-ка про то, чего искренность нынче стоит.

Про то, как жила, не касаясь чужих настроек,

*Пока кто-то важный однажды не сел за стол,
Чтобы послушать, как с криком сдираю кожу
С каждой метафоры...
Если ты слышишь, боже,
Дай мне терпение, силу и толстокожесть!*

*И никаких посвящений, инициалов!
Максимум – Мухтару или коню Буцефалу.
В сущности, это ли важно, кому во славу,
Кто и в каком катрене увековечен?
Знаешь-ка, лучше давай про встречи,
Неидеальность чувств и неброский вечер
Мы помолчим... И мне станет легче.*

Дедушке

*У поблёкшей песочницы также уютно и тихо.
В ней малыш из песка с упоением лепит бестселлер.
Неприглядный на вид, он не пахнет медовой мастикой,
Но придуманный хлеб в этом крошечном мире бесценен.*

*Так же было и раньше. Лишь лавки стояли иначе.
И цветная ограда заботливо их обнимала.
Баловался с ведёрком другой непоседливый мальчик.
Разве знал он, что будет тех дней до обидного мало.*

*Я месила в сторонке для пасочек странное тесто,
Вытирая от грязи ладони о платье из ситца.
Ты всегда помогал, не взирая на плач и протесты.
И на плечи сажал, только я начинала проситься.*

*«Покатай меня, деда?» – пронзительным эхом под кожей.
На качелях, на велике, санках! Взахлёб и по кругу.
Разве знать я могла, что мгновений не будет дороже,
Когда, жалобно хныча, молила: «Держи мою руку!»*

*Ты со мной делал шаг в направлении первых открытий,
Хоть в масштабах вселенной он был незаметен и скромен.
А когда по вагону несло: «Провожаящим выйти»,
Ты дарил шоколадку. И долго стоял на перроне.*

*С повзрослевших берёз опадают последние листья,
Хороня биографию чувств под «когда-то» и «где-то».
И какая-то кроха за кем-то крадётся по-лисьи
И тихонько канючит под нос: «Покатай меня, деда!»*

Любить это хотеть касаться.

К. Станиславский

*Путь предрешён нарушивших закон
Формата человеческих транзакций.
Я буду вечно проклята за то,
Что рук твоих мне хочется касаться.*

*И добровольный выбирая плен –
Мой курс, увы, порой неидеален –
Я в глаз твоих нечаянном тепле
Укутаюсь как в мягком одеяле.*

*Подарит ночь мятущейся душе
Короткий миг блаженного покоя,
Пока рассвет, проснувшийся уже,
Не поползёт по заспанным обоям.*

*Частит в висках, и замирает дух
Как в бешеном витке тройного лутца.
Я всё отдам, сгорая на лету,
За каждую возможность прикоснуться.*

Колыбельная нежности

Дай хоть последней нежностью выстелить твой уходящий шаг.

Вл. Маяковский

*Смотав узоры волшебных баек
В клубок из пряжи осенне-рыжей,
Уставший Карлсон засыпает
Под мягким пледом на старой крыше.*

*А где-то там, где деревья выше,
И слаще воздух, мой дивный hopey,*

*Прохладный город огнями выжжен,
И ночь глотает твоё дыхание.*

*Когда, поведай, мы стали ближе?
Сквозь призму тёплого мукузани
Ты снова видишь, как кожу лижет
Хмельное пламя моих касаний.*

*И эта нежность пьянит и манит,
Любые раны способна штопать.
Душа без нежности – бреешь в кармане,
В которой вечно теряешь что-то.*

*Рассвет смущённо в окошки брызжет,
И блики солнца в тенях играют.
Мне снится небо над старой крышей.
И мы босые стоим у края.*

ВИКТОРИЯ ТАТУР

Виктория Владимировна Татур. Родилась в Ташкенте в 1985 году. Окончила РГПУ им. А. И. Герцена, филологический факультет. Член Союза писателей России. Редактор журнала «Формаслов». Победительница литературных конкурсов «Хрустальный родник», «Первая книга», «Живой родник», «Стилисты добра». Специальный диплом литературной премии «Справедливая Россия». Вошла в шорт-лист премии Левитова. Участница Всероссийской школы писательского мастерства Центрального региона от СЭИП им. Филатова, а также семинаров молодых писателей в Оренбурге, Самаре, Вологде, Уфе, Химках. Публиковалась в журналах «Путеводная звезда», «Простокваша», «Luterrатура», «День и ночь», «Кольчугинская осень», «Волга XXI век», «Соты», «Симбирскъ». Книги: «Нанозавры» и «Смотри, как я могу!» (2020), «На макушке лета» (2021).

МУЗЫКА У СТАРОГО ДОМА

– Ненавижу этот аккордеон! – Стёпка согнулся на стуле от тяжести инструмента.

– С твоими способностями так относиться к музыке – преступление, – мама с укором посмотрела на сына. – К любой мелодии ноты можешь подобрать.

– Ну и что? Не пойду больше в музыкалку!

– А инструмент куда?

– Продадим, – огрызнулся Стёпка.

– Какой предприниматель нашёлся! А ты забыл, чей он?

Стёпка угрюмо уставился в ноты и принялся мучить инструмент. Он уже столько раз слышал эту семейную историю!

Аккордеон достался ему от прадеда Анатолия Григорьевича. Стёпка его совсем не помнил.

Анатолий Григорьевич вернулся с войны с двумя медалями и одной правой рукой. Левую ему по локоть оторвало при разминировании моста к подступам Берлина. Мама рассказывала, что он часто доставал из-под кровати аккордеон и играл. Единственной рукой. А Стёпка неуклюже приплясывал, колотя по полу пухлыми ножками.

Маленькому Стёпке нравилось рассматривать инструмент. Самой интересной была металлическая заплатка на боку, прикрывающая дыру от пули. В войну прадедущка не расставался с инструментом. Во время атаки аккордеон заслонил его от вражеской пули. Стёпка несмело дотрагивался до заплатки пальцем и тут же отдёргивал его. Поэтому и решил пойти в музыкальную школу, а теперь жалел и с тоской смотрел в окно, где на деревьях распускались почки.

– На майские в деревню поедem, – заметив его взгляд, сказала мама.

– Ура-а-а! – Стёпка вскочил и с грохотом уронил аккордеон в старый чехол.

Утром Стёпка проснулся от громкого шуршания. Мама собирала сумки.

– Доброе утро, – сказала она, увидев сына. – Ноты не забудь.

– Что? Аккордеон с собой брать?

– Конечно. Надолго уезжаем. Тебе заниматься надо.

– Вот невезуха! – Стёпка с силой захлопнул дверь в ванную.

За завтраком он бухтел и сетовал, что такой маленький, а уже страшно несчастный. В дороге, пока мама вела машину, Стёпка почти не разговаривал. Безучастно глядел на мелькающие за окном деревья и

чувствовал тяжесть аккордеона, который лежал в багажнике.

– Будь добр, не изображай перед бабушкой мировую скорбь, – попросила мама, в сумерках въезжая в деревню.

– Ладно, – отозвался Стёпка, увидев знакомые деревянные дома.

Настроение приподнялось. Уже завтра он увидится с друзьями.

– Mam, – оживился он, рассматривая одинокий дом на пригорке. – А правда, что дядь Витя сумасшедший? Ребята говорят, он с облаками разговаривает. И ругается страшно, когда к нему в сад за яблоками лезут.

– Кому ж понравится, что у него яблоки крадут?

– Так мы попробовать просто.

– Стёпка, тебе своих яблок мало? Дядь Витя войну прошёл, старенький совсем. Он, кстати, тоже на аккордеоне играл.

– А теперь?

– Теперь уже нет, – мама притормозила у деревянного забора.

На крыльце их встречала бабушка. Она помогла занести сумки в дом. А Стёпка поплёлся сзади, подтягивая тяжёлый аккордеон.

Втроём они допоздна сидели в кухне. Стёпка глядел на потрескивающие в печке поленья.

Утром, позавтракав, он схватил куртку, чтобы бежать к ребятам.

– Стёпа, – бабушка осторожно дотронулась до металлической заплатки аккордеона, – Сыграешь?

Он украдкой посмотрел на маму и поплёлся в комнату:

– Только быстро, – его пальцы ловко бегали по клавишам. И дом, в котором раньше так часто звучал аккордеон, казалось, с благодарностью откликался и позвякивал чашками в старом серванте.

Вдруг Стёпкины пальцы споткнулись и разъехались.

– Да ну! – он со злостью сжал меха.

– Вот всегда у него так, – не выдержала мама. – Немного сыграет и бросит.

– Не ругайся, – сказала бабушка. – Придёт время, сыграет.

Несколько дней подряд Стёпка пропадал с ребятами. Домой приходил к ужину. Наспех смывал с лица весеннюю пыль и оттирал с рук ржавый сок одуванчиков.

– Целый день носишься. И на аккордеоне не играешь, – сказала мама за ужином.

– Жавтра поиграю, – с набитым ртом отозвался он.

– У тебя это жавтра никогда не наступает, – передразнила его мама. – Живёшь одним днём.

– Скоро черёмуха зацветёт, – бабушка неопределённо махнула рукой. – Похолодает. Вот и будет заниматься.

Бабушка оказалась права. На следующий день вся деревня стояла в черёмуховом цвету. Деревья будто нацепили пушистые снежные

шапки, от которых исходил такой одуряющий аромат, что кружилась голова. Стёпа представил себя великаном. Вот сейчас он подует на этот снежный пух и тысячи перьев закружатся в воздухе.

Одно не радовало Стёпку – синеглазые тучи будто сговорились и навалились на небо. А потом и вовсе зарядил дождь.

В этот день мама наконец заставила заниматься на аккордеоне.

Неожиданно раздался стук.

– Виктор Андреич, в такой-то ливень! – бабушка открыла дверь, впуская дядю Витю.

– Авось не растаю, – сказал он, поставив на пол корзину. – Я за картошкой. У меня в этом году вся вышла.

– Неужели сажать будете? – удивилась бабушка.

– Сидеть надоело. Так маленько в огороде чего подделаю.

– Стёпа, сходи в погреб, набери картошки.

Стёпка сжал меха на аккордеоне и выглянул в прихожую.

– Внук приехал, – пояснила бабушка. – Музыке учиться.

– Хорошо, коллеги, значит, – одобрил дядя Витя.

Когда Стёпка вылез из погреба с полной корзиной, мама сказала:

– Помоги дяде Вите картошку донести.

В дверь снова постучали.

– Погнали на сеновал, – закричали мальчишки, толкаясь в коридоре. – Там крыша есть, в футбол играть можно.

Стёпка растерянно посмотрел на маму.

– Отнеси картошку, – она сняла с вешалки его куртку, – а потом иди куда хочешь.

– Догонишь! – крикнули мальчишки и выскочили из дома.

Стёпка взял корзину и поплёлся за дядь Витей. Тот шёл бодро, казалось, совсем не замечая дождя. Тропинка на пригорке чавкала под ногами.

– Слышишь, дуб поёт? – спросил дядь Витя, подходя к дому.

– Не-а, – отозвался Стёпка.

– У него песня из глубины от самых корней идёт.

Стёпка пожал плечами и поставил корзину на скамейку у двери дома:

– Ну, я побежал?

Он рванул под проливным дождём. Несколько раз чуть не поскользнулся, перепрыгивая пузырящиеся лужи. Вдруг услышал странные, ни на что не похожие звуки. Стёпка оглянулся и удивлённо посмотрел на дуб. Затем поднял голову вверх.

В небе летел клин журавлей. Огромные птицы разрезали воздух мощными крыльями и курлыкали жалобно и печально. Стёпка замер, размазывая капли дождя по лицу. Он не пошевелился, пока за кромкой леса не скрылась последняя птица.

Вдруг опомнился и побежал на сеновал. Рухнул на кучу старой соломы и, не обращая внимания на ребят, долго переводил дух.

Дождь не прекращался несколько дней. Все это время Стёпка пропадал с друзьями. К аккордеону он так и не притронулся.

Однажды, когда весь промокший он прибежал к ужину, бабушка сказала:

– Завтра Девятое мая. Пирогов напеку.

– Мы тебе поможем, – мама вытирала полотенцем волосы сыну. – А в десять часов парад по телевизору посмотрим.

– Не, в десять я не могу, – Стёпка вырвался из полотенца, – у нас завтра решающий матч.

– А я думала, ты нам сыграешь, – расстроилась бабушка.

– Да пацаны тогда без меня начнут!

– Подождут твои пацаны, – отрезала мама.

– Что мне теперь, дома сидеть из-за этого праздника? – от обиды у Стёпки в горле застрял колючий комок.

Ужинали молча. Стёпка демонстративно рано отправился спать. Ночью ему снился сон, будто приходил прадед Анатолий Григорьевич. Вернее Стёпка не видел его лица, но точно знал, это был он. Прадед протянул единственную руку и похлопал его по плечу. Затем взял аккордеон и скрылся за дверью.

Утром Стёпка проснулся от яркого солнца. Обрадовался, что надоевший дождь, наконец, прекратился. Вдруг резко соскочил с постели и заглянул под кровать. Аккордеон лежал на месте.

Стёпка несмело прошёл в кухню.

– С праздником, – бабушка выкладывала на противень пироги.

– И тебя, – проговорил он.

Ему было как-то не по себе. То ли он всё ещё обижался, то ли чувствовал стыд за вчерашнее.

На подоконнике заметил чёрно-белую фотографию Анатолия Григорьевича с медалями на груди, а рядом вазочку с веточками черёмухи.

– А мама где?

– За молоком к тете Наде ушла. Пойду, воды принесу, – бабушка вытаскила из-под скамейки пустое железное ведро.

– Давай я, – вызвался Стёпка.

Он выскочил на крыльцо и прищурился. В небе поднималось солнце, и в воздухе разлилось долгожданное тепло. В деревне стояла необычайная торжественная тишина: не гудели косы, не звенели электропилы. Даже собаки не лаяли.

Стёпка направился к колодцу. Откинул тяжёлую деревянную крышку, зачерпнул воды и поднял ведро. Шёл к крыльцу, осторожно, стараясь не расплескать ни капли.

Вдруг в воздухе что-то треснуло. Словно разом дали гудок несколько паровозов. Стёпка замер. Это был аккордеон. Затем звук выровнялся, и полилась печальная музыка.

Он посмотрел на пригорок. Вдалеке у дома на пригорке разглядел дядь Витю. Тот держал инструмент, плавно раздвигая меха. У Стёпки защипало в носу. Где-то он уже слышал эту мелодию. Там было что-то про землянку и огонь. В животе у него сделалось горячо, а за спиной будто выросли крылья.

Стёпка, как зачарованный, стоял и слушал, не замечая тяжести ведра. Ему вдруг нестерпимо захотелось влиться в эту мелодию, подхватить её и понести над полями, над деревьями, унося высоко-высоко в небо.

Он оставил ведро у ступеней крыльца, ворвался в дом и побежал в спальню.

— Что с тобой? — испугалась бабушка.

Он боялся проронить слово. Боялся разрушить то, что чувствовал в это мгновение. Молча, вытащил аккордеон и выскочил с ним на улицу.

Дядь Витя уже играл другую мелодию. Тоже очень красивую и печальную. Стёпка несмело прошёлся пальцами по клавишам, извлёк несколько нот, сбился и снова заиграл, подхватывая музыку.

Внезапно у старого дома на пригорке всё стихло. А через секунду мелодия зазвучала с новой силой. И вот уже два аккордеона выводили печальную песню о солдатах, что не вернулись домой и превратились в белых журавлей. Эта песня разносилась по всей деревне, вплывая в каждый двор, в каждый дом. А в чистом голубом небе переливалось солнце.

Стёпка не чувствовал боли в натёртых плечах от старых кожаных лямок. Не замечал маму, что замерла у калитки с банкой молока. Не видел непривычно притихших ребят, столпившихся за забором.

И вдруг он вспомнил! Ясно увидел прадеда Анатолия Григорьевича, как тот со слезами на глазах единственной рукой играл эту мелодию. А маленький Стёпка, ещё не понимая слов, стоял и заврожено слушал.

РОМАН КРУГЛОВ

Роман Геннадьевич Круглов. Русский поэт, критик, переводчик, редактор, исследователь искусства. Родился в 1988 году в Ленинграде. Автор пяти поэтических книг. Создатель сборника литературоведческих и критических статей «Грани». Секретарь Союза писателей России (с 2018 года). Член бюро секции критики Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, заведующий литературоведческой частью альманаха «Молодой Петербург». Живёт в Санкт-Петербурге.

ПРОСТЫЕ ЧУДЕСА

*Крестоносцы были в детстве,
В юности – Толстой.
Целый мир тебе в наследство.
Властвуй, Бог с тобой.*

*Но транжиришь на пустое
Даровую жизнь
И веселье напускное
Голову кружит.*

*Правда – как на дальней полке
Дедова медаль:
Светит в темноте без толку
Дорогой металл.*

*Покрутил в руках, мальчика,
Спрятал – пусть лежит.
А в свою не веришь – слишком
Страшно заслужить.*

*Привить бы к вене веточку сирени,
Чтоб зацвела,
Тогда бы я забыл про дождь осенний
И про дела.*

*Тогда бы не на юг летели птицы,
А на меня(Я б лишний раз не шевелил десницей,
Чтоб не сгонять).*

*А чтоб цветам всегда хватало крови
Из ветки вен,
Обильно запивал бы сапери
Гематоген.*

*Не в институте, а в оранжерее
Моя стезя –
Куст-доброволец с соловьём на шее...
Жаль, что нельзя.*

*Сокровенными корнями
и опавшими листьями
Дерево уходит в землю.
Кровной памяти пластами
и в гробу вперёд ногами
Человек уходит в землю.*

*Кроною живой зелёной,
и седого дыма кроной
Дерево уходит в небо.
И, смотря на эти кроны,
окрылённый и влюблённый,
Человек уходит в небо.*

*Причаюсь вином и небом –
всё на свете понимаю.
Поперхнусь землёй и хлебом –
и, как раньше, тьма немая...*

*Чтоб земля заговорила, чтобы тьма была не вечна
В небесах растут деревья – тянут руки нам навстречу.*

*Простые эти чудеса –
Узорчатые небеса,
Листва сквозная,
Тень елей, теньканье синиц,
На хвойных щёточках ресниц
Слеза лесная –*

*Ни сохранить, ни повторить.
Любые вычуры творить
Умеем сами:
Петь розой, соловьём цвести...*

*Но всё же хочется свести
Концы с концами –*

*Поймать живое волшебство,
В стихах запечатлеть его –
Оно смеётся,
Уже почти даётся – да!
И остаётся, как звезда
На дне колодца.*

*Бледный, с дождевой водою в жилах,
Горожанин на берег пришёл
И забыл, что жизнь его сложилась,
Словно зонтик (хлоп! – и всё, в чехол).*

*Крутанув колёсико дельфина,
Море так настроило волну,
Что все чувства стихли вполосину
И слились в мелодию одну.*

*Голубая галка, смех арбуза,
Воля наконец-то не нужна –
Человек бесплотен, как медуза
И почти бессмертен, как она.*

*Жемчужный и жасминный
День бликами богат,
Как ожерелье, длинный –
Снести б его в ломбард*

*Пропить бесповоротно
Со встречным кем-нибудь
В ближайшей подворотне
И глазом не моргнуть!*

*Охота жить и плакать.
Душа меня несёт,
Как шалая собака –
Кидается на всё.*

*Ей нынче не до тела,
Весь мир ей – точно мяч.
В какое можно дело*

*Такую дуру впрямь?
В безоблачном просторе –
Чего искать уму?
Огромное, простое –
Не нужно никому.*

*Я был птицей, распахнутой настежь
Над страницами милой земли
И не знал, что всего не охватишь –
Всё казалось мне мелким вдали.*

*Я был змеем в проклятой канаве
С перебитым гниющим хребтом
И от боли был полностью вправе
Быть несчастным и жить в прожитом.*

*Но и света, и тьмы было мало –
Превращаясь, чего-то ища,
Будто разную плоть обретала
В каждом возрасте новом душа.*

*Я не верю в индийские враки:
Если б карма на свете была,
То меня до паршивой собаки
Навсегда низвели бы дела.*

*Только то ли легко, то ли тяжело,
А душа всё растёт через быт.
Под каким теперь кровом бродяжка?
Кто из зеркала нынче глядит?*

*Стих редактирует поэт –
Строка подсказывает суть,
Сквозь ложное выводит к свету,
До свету не даёт уснуть.*

*Вот так из женщины обычной
Ребёнок порождает мать.
Угрюмый вид стены кирпичной
Просторы учит понимать.
Как без стены – пройти сквозь стену?
Стена нужна... Настанет срок,
Придёт пора стенам на смену
Пройти сквозь смерть, как между строк.*

На могиле Ахматовой

«Белка песенки поёт...»

А. С. Пушкин

*По вертикальному стволу
Нисходит яркий зверь –
В горизонтальной смерти мглу
Не верится теперь.*

*То лёгким росчерком хвоста
Объединит миры,
То в землю шепчет что-то там,
Ладонью рот прикрыв,*

*Мгновение сидит ещё,
Вновь в небеса бежит...
И жить на свете хорошо,
И хорошо – не жить,*

*Эпохи сшив своей судьбой
В невидимую сеть
И между небом и землёй,
Как белка, песни петь.*

*Я сердце скормлю голубям,
И стану деталью пейзажа,
Всем корпусом полым любя
Небесную влажную тяжесть,*

*Хорал заходящего дня,
Неву с оловянным отливом –
Простите, родные, меня
За наглость бывать несчастливым.*

*Обиды отцвёл пустоцвет,
И жизнь мне, как ноты, знакома –
Звучит духовой инструмент,
Дрожит тонкостенная форма.*

*Ещё репетирую, ведь
Звучанье не выправить разом.
Не сердце мешало звенеть –
Фальшивил гордящийся разум.*

*Мыкая счастье земное и сам стал земной,
Но в небеса отправляю тоски позывной
Так же, как в детстве, и так же не верю тайком
В то, что насущная явь происходит со мной.*

*Вот уже сын мой серьёзно, как маленький принц,
Спрашивает, кто под вечер зажжёт фонари.
Про провода отвечаю земным языком.
Сын что-то подозревает, но не говорит.*

*Мы так похожи, а всё же разъединены –
Правду свою говорить, что рассказывать сны.
Спрячу слезу, глядя в небо, что сыплет снежком.
Синее небо, звенящее от позывных.*

*Правда моя не гонима,
Руки мои не в крови,
Девы проносятся мимо,
Не причиняя любви.*

*Вот она вольному воля:
Слушать, как в полой груди
Ветер, по трубкам глаголя,
Словно вольника, гудит.*

*Если словач, а не сволочь,
То ни к чему ампуа,
Лишь бы вольтка глаголом
Сорокоградусным жгла.
Я только тень моей тени,
Зеркало в собственном сне.
Светит в безбожное темя
Солнце, не видное мне.*

*Отчего же птицы
 больше не поют?
Что могло случиться?
 – птицы гнезда вьют.*

*Исправляют ныне
 разные дела,
Мучают свои не-
 праздные крыла.*

*Пение – от страсти
 и неполноты,
От тоски по счастью
 и слепой мечты.*

*Звуки – только способ
 обрести судьбу...
Обретут, а после
 тащат на горбу.*

*Не будя домашних,
 выйдешь в сад один.
Для страстей кипящих –
 никаких причин*

*И тоска теперь не
 властна над тобой,
Не диктует пенье.
Ты свободен –
 пой.*

О пустом бокале

*О том, как это жизнь страшна
И гадов человек,
Тебе расскажет Сатана,
Выписывая чек.*

*А я – о яблоке пустом,
Висящем снизу вверх
На тонкой струйке над столом,
Искрящейся, как смех.*

*Из круглой лужицы стекла
Оно – растущий всплеск,
Как будто рыба подняла
Губами воздух весь.*

*Да, жизнь страшна, конечно, пусть
В том наша есть вина,
И мой бокал, как видишь, пуст...
В нём музыка слышна!*

*И платье новое хотеть,
И Достоевского читать –
Добавь какую хочешь треть,
Ты всё способна сочетать!*

*Невозмутимо и легко
С ладони кормишь мой восторг.
Между цветком и мотыльком
Игра, похожая на торг.*

*Я – только воздух и огонь,
А ты вмещаешь жизнь и смерть.
На наш комический агон
Мне самому смешно смотреть –*

*Трепещущее торжество
И животворная пыльца,
А крылья только для того,
Чтоб ими нежности бряцать.*

*Но эта древняя игра
Скрывает от счастливых глаз,
Что, может, вовсе не светла
Та сила, что живёт сквозь нас.*

Лета

*Загляни, и твоё отражение
Канет на дно –
Гладь черна, молчалива
И лишнего не отдаёт.
В постоянном движении,
Если не смотришь в неё,
Без приливов, отливов,
Она возвращает одно:*

*Хромосомы, неточные даты,
Чужие слова.
Сам себе голова,
Или книжки бульварной глава –
Все едино, когда ты
Лишь пажить
Для новых телят.
И на что тебе память,
Раз нет в тебе больше тебя?*

*Строит воздушные замки паук,
В них и живёт.
Сам из себя, точно доктор наук
Что-то плетёт.*

*Ель наряжает. Транжир, сибарит
И казначей,
Он то на нитке висит, то царит
В центре лучей,*

*Но не летает, – он только паук,
Зодчий седин.
Я ведь такой же. Мой маленький друг,
Ты не один.*

*Солнечная полянка
Жуткая, как приманка.
Птичьим трещаньем жарко
Звонко натоплен лес.
Чья-то большая сила
Смотрит в упор в затылок
И стрекоза застыла
В пристальном хрустале.*

*Смолкло хитро сорока,
Навострена осока,
Сладко и плотно соткан
Солнечный сон земли...
Кто за спиной? Осины.
Знаю, что я один и
Собственной паутины
Пленник и властелин.*

*Из изумрудной чащи,
Как из последней чаши,
Ужас быть настоящим
Мне заглянул в глаза.
Птицы и ветви в выси,
Снизу грибы и слизи,
Всюду пространство жизни
И неизвестность – за.*

Юлия Александровна Боднарюк. Прозаик. Родилась в Мурманске в 1986 году.

Публиковалась в журналах «Север», «Юность», Аврора», «Звезда». Автор книг прозы «Перебежчик» (2015), «Вираз» (2019), «Шестой этаж без лифта» (2021).

Живёт в Мурманске.

СЕРЫЙ ГУСЬ НАД ЖЕНЕВСКИМ ОЗЕРОМ

Щедро оформленные архитектурными излишествами здания гордой линией выстроились вдоль набережной озера. По набережной, в полосе холодной утренней тени, медленно двигалась пробка из сверкающих автомобилей, будто только что покинувших подиумы нынешнего автосалона.

Томаш свернул в уходящий вверх от озера переулочек и долго плутал, ища, куда приткнуться свой арендованный «Ситроен». Кристина смотрела вокруг, стараясь, чтобы её спутник не заметил, насколько она увлечена этим занятием. Здесь, в стороне от набережной улочки были значительно проще, с самыми разными заведениями – от прачечной до секс-салона, в незабываемой витрине которого скучала не то женщина, не то кукла в пурпурном парике. Что-то панковско-отвязное было в этой столице мира.

Томаш наконец-то пристроил машину на взгорке, заглушил мотор и повернулся к Кристине.

– Пойдём!

Кристина улыбнулась и кивнула. Открыла сумочку, посмотрела в зеркальце, то есть дала своему спутнику ровно столько времени, чтобы обойти машину и открыть ей дверцу. Когда дверца действительно открылась, – а изначально в этом не было никакой уверенности, – Кристина на миг запаниковала, но потом вышла с улыбкой на губах, адресованной и Томашу, и себе. Это была ещё одна маленькая победа.

Вышла немного картинно, но Томаш этого, кажется, не заметил.

Одним своим краем город взбирался на холм, а может быть, наоборот, потихоньку сползал с холма в озеро. Они перешли узкую проезжую часть, одну сторону которой окаймляли современные здания со скруглёнными углами и подъездами из чёрного стекла. Между ними убежала в горку мощённая камнем улица.

Изредка обмениваясь впечатлениями, они стали подниматься. Прошли тенистой площадью, где солнечные лучи ещё не успели сползти вниз по фисташковым стенам, затем узким проулком. Стены резко расступились, и Томаш с Кристиной оказались на залитой солнцем террасе над городом.

За сложенным из камней парапетом горбились крутые черепичные крыши и тянулись вверх ветки в ярко-зелёных, ещё не успевших развернуться, листочках. Вдоль парапета выстроились скамейки, впрочем, ни одной свободной всё равно не было. Среди стволов ещё голых узловатых деревьев на террасе были раскиданы детские карусели и деревянные лошадки-качалки.

– Хочешь прокатиться?

– Хочу, – кивнула Кристина, решив, что даже такой, как она сейчас, иногда может захотеться покрутиться на карусели, где колёнки заходят за уши.

Они уселись на круг с велосипедными педалями под сиденьями, причём вместе с ними поспешила пристроиться девочка лет семи.

– Plus rapide! – потребовала она, когда Томаш и Кристина начали крутить педали.

– Можно и быстрее! – хохотнул Томаш и поднажал так, что все окружающее слилось в сплошную блестящую ленту. Кристина быстро убрала ноги с педалей, чувствуя, что иначе в них запутается. Ей очень хотелось завизжать. Она ещё думала, стоит ли это делать, когда поняла, что уже визжит, от восторга и головокружения разом, и Томаш обернулся и смеётся над ней.

«А по-французски ли я визжу?»

– Кристи, я правильно понял – ты вчера подкараулила и ограбила одну из барышень со стенда «Ламборджини»? – засмеялся Гарик, когда они, как и договаривались, после прогулки по экспозиции встретились у «Форда».

– Только не говори, что у них платья такие же! У меня и так настроение ни к черту.

– Нет, ну ты посмотри на неё! Привезли её в Женеву, но этого мало для хорошего настроения!

– Кристи, конечно, не скажет, но думает – «чёрта-с-два вы бы здесь без меня обошлись». Ибо Жибер по-английски понимать по-прежнему отказывался, – отозвался Денис. Он-то пребывал в отличном расположении духа и был глубоко благодарен и французским партнёрам, решившим провести встречу в Женеве в дни автосалона, и отчасти Кристине, благодаря которой ожидаемо трудные переговоры прошли без лишних заминок. – Переводчика лучше не обижать, а то французы узнают о тебе то, что ты даже не подозревал.

– Я и не собирался. Наоборот, прикинь, какие перед тобой открываются возможности! Подходишь ты к «Ламборджини». С другой стороны подходит охочий до «Ламборджини» миллиардер. Тут тебе и карты в руки! – Гарик подмигнул ей.

– Его должны впечатлить мои познания о «Ламборджини», мой французский или моя скромная персона?

– Твоя персона, Кристина, уж слишком скромная! – Гарик скорчил гримасу разочарования, – Ну неужели ты ничего, кроме правды, рассказать о себе не в состоянии?

Кристина развела руками, решив про себя обязательно забежать на стенд «Ламборджини». Не за миллиардером, конечно, а платяя сравнить. Своё Кристина купила прошлым летом в Бельгии и очень его любила.

У «Ламборджини» она и столкнулась с Томашем.

Кристина уже неплохо ориентировалась тут. Металлическая, словно склёпанная стена – «Лексус». Большие розовые и оранжевые эллипсы свисали с потолка над красными и оранжевыми «Рено». Синяя неоновая волна – «Ламборджини», изображает обтекаемый силуэт. И сама машина, с мажорно поднятыми вверх дверцами, васильковая, как её платье... Бесчисленные прожекторы под крышей павильона отражались в синем, чёрном, тёмно-лиловом лаке автомобилей, и те сияли так, как будто в лак влили звёздное небо.

...Высокий, как баскетболист, белобрысый парень возник рядом, когда она стояла на самом уголке подиума, у крыла автомобиля, и рассеянно озидала салон поверх голов, багажников, капотов и светящихся рекламных модулей. Одет он был в стильный пиджачок и джинсы, прямо как её шеф Денис, когда пытался выглядеть представительно. На узком лацкане красовался бейджик «PRESS».

Парень отпустил какое-то серьёзное замечание по поводу дизайна машины за её спиной. На секунду Кристине показалось, что он сейчас спросит что-нибудь, что непременно должна знать стендистка, или, чего доброго, потребует интервью с представителем фирмы. Но вместо этого он пошутил, и скоро обмен вежливыми репликами перетёк в весёлую болтовню, а потом и в знакомство.

Вскоре Томаш всё же поинтересовался:

– А ты здесь...?

– Работаю, – улыбаясь, кивнула Кристина, опередив вопрос. Эта минуту назад заготовленная ложь так легко соскочила с её губ, что Кристина испугалась и тут же (видимо, от испуга) сама на мгновение в неё поверила. Именно так мурманчанка Кристина Дежнева и превратилась в парижанку Кристин Дижон, фотомоделё.

Томаш оказался корреспондентом польского «Top Gear», прибыл на автосалон в свою главную в году командировку. Как и она, должен был уехать послезавтра. Как и у неё, завтра у него был свободный день.

Когда по залу объявили, что салон закрывается, они долго договаривались, где встретиться. Кристина называла одни места, которые

видела, когда в первый вечер гуляла с коллегами по городу. Томаш этих мест не знал и предлагал другие, но в конце концов они условились встретиться у цветочных часов.

Ещё дольше Кристина решала наутро, что надеть. Вчерашнее платье казалось самым подходящим, самым стильным из всего, что она взяла, но надевать его на встречу было нельзя. Жакет с брюками отлично подчёркивали фигуру, но были слишком тёмными для солнечного дня, а чёрное платье вообще выглядело вечерним.

Черт их знает, этих моделей – в чем они гуляют с утра? Стоило озвучить этот вопрос зеркалу, как ответ отыскался сам собой: Кристина влезла в джинсы с рваными коленками и свитер, надела кроссовки и белую куртку. Длинные, до плеч, серьги, пшик духов... и тёмные очки, конечно!

Кристин Дижон обольстительно улыбнулась своему отражению и побежала узнавать у портье, на каком автобусе лучше ехать до центра.

Фонтан бил плотной струёй на десятки метров в высоту. Насколько Кристина помнила, путеводитель называл цифру, в которую она не поверила. Белый столб, стоявший над водой, был бы похожим на озёрный призрак, если бы в нем не колыхалась радуга.

Можно было подобраться к нему поближе по длинному причалу, в который упирались носами катера и лёгкие белые яхты, но стало жалко обувь – причал оказался полностью изгажен птицами, которые качались тут же на волнах. Уже через десять метров Кристина с Томашем развернулись и пошли дальше по набережной. Сегодня здесь было особенно оживлённо. Многочисленные палатки источали приторный сладкий запах – тут торговали сладкой ватой и креперами. То ли потому, что приближалась Пасха, то ли гулянье здесь было всегда.

Низкие и длинные прогулочные парходики с швейцарскими или французскими флагами на корме, оставляя лёгкую белую стружку волны, рассекали воду – густо-синюю, непрозрачную, очень мартовскую. Такая вода была во время ледохода на реке, в том городке, где Кристина провела детство. Набережную заливало яркое солнце, оно припекало макушку, и одновременно хлестали порывы холодного ветра, пробиравшего до костей.

Ветер – это ещё полбеды. Озноб тряс Кристину с того момента, как Томаш, с высоты своего роста издали заметил её у цветочного циферблата и замахал рукой.

Ещё вчера для пущей убедительности Кристина поспешила сообщить, что выросла в семье русских эмигрантов четвёртой волны. А то в

начале их знакомства на лице Томаша мелькнуло сосредоточенное выражение, и она поняла, что он вслушивается в её акцент. Но как ещё придать правдоподобия своей «легенде», она так и не придумала.

Пока они разговаривали только о том, что видели по пути, а то и вовсе шли молча. Кристина втихую этому радовалась. У неё была заготовлена пара выдуманных историй из модельной жизни, одна – совершенно детективная, но Кристина всей душой надеялась, что озвучивать их не придётся. К тому же Томаш, как журналист автомобильного «глянца» с моделями наверняка общался и раскусит её ложь на раз.

– Где ты живёшь в Париже? – вдруг полюбопытствовал Томаш.

Вот оно, началось!

– В двенадцатом округе, – не моргнув глазом отозвалась Кристина. В Париже она была один-единственный раз в детстве, мало чего помнила и, конечно, не знала, ни как город делится на округа, ни в каких из них она побывала. Двенадцатый упоминался в одной французской книжке. В нем жила какая-то богемная семья.

– Чем любишь заниматься? Помимо работы.

– Бегать по утрам по набережным Сены, – выдала Кристина первое что пришло в голову. – Не слишком быстро, в своё удовольствие.

– Здорово. Я тоже обожаю свежий утренний воздух.

– Свежий? – весело скривилась она. – Знаешь, как пахнет от реки?!

Как же кстати этот сюрприз из глубин памяти!

– Вот-вот! – подхватил Томаш. – А мне друзья сказали: «Тебе показалось. Не может Сена так вонять, как ты описываешь. На её берегах творили великие люди, и никто не жаловался!».

Выходит, Томаш тоже бывал в Париже. Плохи её дела.

– А потом? – не заставляя себя ждать улыбнулся Томаш. – Идёшь в Лувр?

Догадывается, похоже... Но Кристина решила, что сдаваться рано.

– Я люблю Центр Помпиду.

– Понимаешь современное искусство?

– Нет. Но не всё делается для того, чтобы это понимать... Каждый раз я встречаю там хоть одного человека в отчаянии от того, что он ни черта не понимает. Мне нравится само здание, – добавила она. – Особенно его фонтан и наружный эскалатор.

Сколько лет она не вспоминала об этом! А теперь будто затерявшийся слайд встал перед глазами, и, спроси её сейчас Томаш про этот самый фонтан, она смогла бы описать его во всех деталях.

– Один раз там был показ, – Кристина улыбнулась только что выдуманному воспоминанию, – И проходя, я засмотрелась на одну картину и навернулась с подиума – там для показа специально устроили подиум.

– Надеюсь, твою карьеру не постигла та же участь? – осторожно поинтересовался её спутник.

– Наоборот, меня пригласили сниматься для «Вог». Их фотограф как раз подбирал девушек для фотосессии на лестницах. Но это был первый и единственный раз, – сдержанно улыбнулась Кристина, решив немного сбавить обороты.

Томаш хитро улыбнулся (все пропало! – решила Кристина) и, прищурившись поинтересовался:

– А правда, что парижане, всё время, когда не работают, не ходят по музеям и не бегают по набережным Сены, проводят в кафе?

– Правда. Я бы и сейчас выпила чего-нибудь горячего.

– Я поэтому и спросил!

На круглой площади наконец-то нашлось кафе. Женева строилась с претензией на столичность, и окружающие площадь дома стремились ввысь башни и мезонины со шпилями. Они напоминали заснеженные горы – кремовые, песчаные, голубые с белизной, такой, что больно было смотреть, как и на пронзительно яркое мартовское небо.

Кафе было «Старбакс». В зал сквозь огромные окна било солнце. Сейчас, в полдень, тут было не протолкнуться, шумные компании теснились вокруг маленьких столиков. По спинкам венских стульев были развешаны дутые пальто и куртки с меховыми воротниками. Под столами кое-где валялись стаканчики. Официантке всё равно было бы сюда не пролезть.

– Выбрала?

– Да, круассан и ореховый капучино. Пойду, поищу нам столик.

Она села у окна. Всё пространство кафе под самый высокий сводчатый потолок было заполнено гомоном и смехом. Ей показалось, что здесь тусуются исключительно студенты, но присмотревшись она увидела, что посетители самых разных возрастов.

Зря она здесь расселась. Лучше всего будет уйти прямо сейчас. Он вот-вот её раскусит. «Не надо ни обещать встретиться, ни придумывать причину, ни тем более говорить правду», – подумала Кристина, чувствуя, что ей становится грустно, как будто на солнечную площадь невесть откуда наползает тень...

...В первый день встреча с французами закончилась рано, и Денис предложил прокатиться в Монтрё*. Он вёл машину даже не по навигатору – уже был здесь раньше. Гарик болтал с ним, словно и не замечая ничего вокруг. А Кристина молчала и смотрела в окно, и вскоре после

* Монтрё – город во франкоговорящей части Швейцарии на берегу Женевского озера

того, как въехали в город, её укачало, замутило и она едва удержалась, чтобы не попросить Дениса остановиться.

Кажется, в том фильме играл Пьер Ришар. Это он ехал в машине по такой же улице, террасой нависающей над набережной, мимо пальм, цветущих кустов, белых вилл. Мимо отелей и казино, похожего на сливочный торт с невыносимо сверкающей на солнце позолотой, и высившейся за ним снежной вершины. Параллельно воздушной гряде бледно-голубых гор на другом берегу озера; по направлению к замку. Нет, она перепутала, то был более современный фильм. Но улица такая же, только там было море, а здесь ниже по склону переливается лазурное озеро. Только вот кто-то другой должен сидеть сейчас на месте Кристины. Тот, кто действительно снимался в этом кино.

Она поняла, что это ощущение ненастоящести – не то её самой, не то пейзажа, – длится уже несколько минут, а она всё не может срастить их в одной плоскости, и от этого голова-то и закружилась. Захотелось немедленно выйти из машины – причём желательно у подъезда своей отделанной гранитной крошкой пятиэтажки. Кристина много путешествовала, бывала в разных странах, но такое с ней случилось в первый раз.

...К столу с подносом пробирался Томаш. Помимо двух стаканов кофе и круассана он принёс тарелку с четырьмя глазированными фиштакшковыми пончиками и встретив взгляд Кристины, пояснил:

– Они здесь классные. Попробуй! Взял с расчётом на тебя.

Сквозь стекло припекало щёку, висок и плечо через рукав свитера. С самого утра Кристина знала, что день будет прекрасный, как самый первый глоток горячего орехового кофе, да и хватит уже бояться того приключения, которое она сама себе устроила.

– Я ни разу не открывала Top Gear, но, думается, вы с моделями работаете очень плотно... Ну там – блондинка в кожаных шортах сидит на капоте «Ягуара». Не делаете таких фотосессий?

– Только не я. Ягодку с торта кушают ребята-рекламщики, а я лишь пишу многополосные аналитические статьи о том, какое масло заливать в мотор, а какое – мазать на хлеб.

Кристина засмеялась. Солнце поднялось выше и теперь светило ей в глаза, отчего Томаша она толком не видела, лишь его силуэт. Причём уши польского эксперта по моторным маслам оказались слегка оттопыренными и на солнце пылали рубиновым огнём. Но, как ни удивительно, именно это вдруг разбило сковавшее её напряжение. Перед ней сидел всего лишь молодой весёлый парень с забавными ушами, и вряд ли даже блестяще разыгранный для него спектакль мог бы быть лучше, чем сам этот день. Который, к счастью, ещё почти весь впереди. Кристина склонилась чуть ниже к столу, прячась в тени своего спутника. Томаш это заметил, поёрзал и пересел так, чтобы тени было больше.

По пологой лестнице с широкими ступенями, по дороге, увешанной красно-жёлтыми штандартами кантона, они вновь спустились к озеру. Здесь оно образовало бухту, обрамленную в строгий прямоугольник. От берега начинался длинный узкий мостик на острова.

– Перелётные гуси! – восхитилась Кристина, присмотревшись к серым длинношеим птицам, что плескались у берега и тянули горбатые красные клювы к прохожим на мостике. – В первый раз их вижу!

– Во Франции их не бывает? – удивился Томаш.

– Ты лучше спроси, часто ли я бываю на природе! – моментально вернулась Кристина.

– Так и здесь не природа, – Томаш обвёл взглядом набережную. И ему тоже показалось, будто они не забрели на островок в сотне шагов от неё, а отделились на километры от города. Даже шум машин сюда не долетал. Солнце вспыхивало невыносимыми бликами на волнах, переливалось на светловолосой макушке стоящей рядом у перил девушки. Парижская модель, с ума сойти! От русской в ней, несомненно, больше, чем от француженки. Кристин улыбалась Томашу, и крошила птицам прихваченный из кафе круассан – она до него не добралась, ей больше пришлось по душе пончики.

А вдруг она врёт? Так же, как он, напивлив купленный накануне на распродаже пиджачок за восемьдесят франков и нацепив утерянную кем-то журналистскую аккредитацию (бейджик он потом дисциплинированно сдал на стойку регистрации). Выходка настолько сумасшедшая для робкого Томаша, что он даже не рассказал о ней друзьям, с которыми приехал поглазеть на автосалон. За два часа до закрытия, когда билеты уже продавались за половину стоимости.

В какой-то момент – в кафе на площади, когда фотомодель Кристин уплетала пончики, – ему даже показалось, что так оно и есть.

Ксения Игоревна Савина. Родилась в 1992 году в Петербурге. Выпускница философского факультета СПбГУ и одноимённого факультета РХГА. Религиовед, окончила аспирантуру ЛГУ им. Пушкина (2019). Занимается теорией и практикой стихосложения в верлибре.

Член Совета молодых литераторов, организатор, поэт. Публиковалась в журналах «Знамя», «Юность», «Аврора», «Наш современник». Живёт в Петербурге.

РЕЗКО В КОМНАТУ ВОЙТИ

*И только музыка такую власть имеет
На душу посмотреть, как будто взять за плечи,
Встряхнуть её,
Резко в комнату войти,
Где она мотает дни
И говорит, что жить не хочет.*

*Но кто бы знал как сердцу надоело
В свою дудеть дуду –
«Я больше не могу,
Мне больше ничего не надо».
Не выиграть, не переиграть
А только вновь перебирать
Одни и те же струны.*

*Мне говорят, что умным
Легче... Легче
Бессердечным
И глухим.*

Пора танцевать

*Тренирую трудную дхарму,
Злую выбираю судьбу –
Боль свою приволочь туда,
Где до неё никому нет дела,
Как, впрочем, и до радости
Всеобщей и ничьей.*

*...И прошивает тела звук,
И прошивает глаза свет,
Но мысли мои, кажется
(Креститься не буду),
Наконец распущены.*

*Не смотри с небес
На меня Отец,*

*В темноте и пустыне,
В тесноте, посредине
Людской толпы,
Я, если стану задыхаться,
С губ незнакомца воздух сорву
И бездыханное тело отброшу
Обратно в чёрный хоровод.*

*Напомни мне, поле
Что далеко до предела.
Застели свои жёсткие травы
Рваной периной тумана.
Кровь прими горлом
Пошедшую,
Дай мне любовь прошедшую
Заклясть на конец.
День пошёл на взлёт,
День идёт на спад
Я всему рада, он всему рад,
Дай широту неба
На плоскости земной
Соотнести с собой.*

*В петле непройденного круга,
На каждом повороте,
Разве не любили мы друг друга
Не сумасбродили?
Ты приходи, ты приходи
Куда бы не забросило.
Всё для тебя горят огни
И не до осени.
Тому, что было не перечь
Не говори, что мимо –
Ещё придётся в землю лечь
В глухую зиму.*

Ирина Владимировна Соляная. Родилась в 1976 году. Прозаик. По профессии судья.

Публиковалась в «Литературной газете», журналах «Аврора», «Южная звезда», «Сибирские огни», «Молоко», «Русский Переплёт», «Юность», «Формаслов», «ЛиТerra», «Подъём», «Эдита», «Север», «Нёман», альманахах «45 параллель», «Притяжение»

Живёт в городе Калач Воронежской области.

Я ВАС ЗОВУ

Санитарка бегала по отделению для лежачих и орала дурным голосом: «Кто изрезал простыни, кто?» На кухне повариха безуспешно искала сито. В закупленной по тендеру муке было слишком много серых комков, и катышков, подозрительно напоминавших мышиный помёт. Без сита тут не справиться. У бухгалтеря пропал оранжевый шерстяной шарф, причудливой рыхлой вязки.

Воровали в доме престарелых и раньше, но всё больше руководство. Кому понадобились вещи, цена которым пятак в базарный день? Директор махнул рукой и уехал по делам. Вскоре настал тихий час, когда нужно лежать в кроватях и изображать покорность и благодарность судьбе. А что ещё делать при бессоннице?

Три унылые инвалидные коляски дремали вдоль стены. Клевала носом постовая медсестра. Храпели старухи, шамкали во сне беззубые пятнистые кошки, прижившиеся в столовой. Крысы, расплодившиеся с приездом старой шаманки, затаились в подполье. В сонном царстве царил Кавихак.

Она пришивала оранжевой шерстью рваный круг простыни к украденному ситу. Её бубен давно обосновался в музее народной культуры Нерюнгри, и некому было позвать духов Верхнего Мира, когда подкралась беда.

Житье в доме престарелых не сладкое, особенно зимой тяжело в четырёх стенах. Невыносимо для Кавихак, которая все триста студёных дней проводила на собачьей упряжке.

Санитарки говорили: «Скверный характер», уборщица не протирала под её кроватью, кошки жались к стенке, когда Кавихак ковыляла с костылём в столовую. Только повариха добавляла лишнюю ложку сахара ей в чай.

Не стало Кавихак покоя с того вечера, когда показали по телевизору про скважину, про новые месторождения урана. Знала шаманка, что тёмные духи в недрах спят, и беспокоить их вовсе не стоит. Перестала она есть и пить, таблетки выбрасывала между оконными рамами.

Кавихак считали чокнутой, она не спорила. Доктор грозился её кормить с зонда, она лишь головой мотала. Оставили старуху в покое, решили пока не спешить.

Теперь шустрая иголка мелькала в её морщинистых пальцах, прокладывая новые и новые стежки – стёжки для духов Верхнего Мира.

Старая шаманка привыкла пасти небесных оленей, загонять гарпуны в хребты тёмных духов. Любила она крыльях воронов под тучи взлетать, в умиаке по волнам ходить, траву расчёсывать и нашёптывать покалеченным в дурном весеннем гоне песцам и лисам странные заговоры.

Скучно было в доме престарелых, в одном лишь повезло: крыс тут было немеряно, а её тотемным животным как раз крыса и была. Всё неслучайно во вех мирах.

Крысы добыли лежачей Кавихак всё, что нужно. Сидела она и шила, пока не завизжала соседка по палате. Вот её-то Кавихак и не спросила, когда перегрызла старой крысе горло, да стала крысиной кровью сито мазать! Прибежали санитарки, стали охать, стягивать чокнутую бабку с кровати, тащить её в изолятор. Извивалась Кавихак раненой нерпой, была как волчиха-роженица, пока ей укол не вкололи. Успела только перед провалом в сон выкрикнуть: «Я вас зову, важенки и верховые, совы ночные и вороны дневные. Я ваша хозяйка. Я дам вам мяса и крови, воды и травы. Заберите с собой чужих».

– Ты глянй, что сотворила! – приговаривала кухарка, отпарывая крепко пришитую ткань. Не смогла оторвать и оттолкнула от себя сито.

Но разве может бабья злость перекрыть зов старой шаманки? Не важно, кто в бубен ударит, если обряд уже начат. Покатился бубен в угол, закрутился на месте, подпрыгнул пару раз.

Вечером в столовой дома престарелых обитатели, как обычно, смотрели новости. Собственный корреспондент рассказывал: «Авария на разведочной скважине № 52 совместного русско-канадского объединения «Якут-уран» положила конец реализации планов по оценке запасов урана. Воспламенился неуправляемый фонтан из родона высотой более двухсот метров, не прошло и четверти часа, как от высокой температуры металлические конструкции надшахтного комплекса деформировались и сложились, как картонная коробка».

Призраки Верхнего Мира удовлетворённо отступали в свои небесные владения. В хрустальных глазах диких оленей метались языки пламени, прозрачные крылья белых полярных сов застлали горящее небо. Уходили в глубь Алдана кристальные тела священных рыб.

В ужасе смотрели на пожар с вертолёта люди в защитных костюмах, не решаясь подлететь к очагу. И только Кавихак после успокоительно-го улыбалась во сне за много тысяч километров от непокорного Алдана.

СЛОВНО БРОДИШЬ ПО ЗАЛАМ КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕИ

О первой антологии поэзии Кольского края

Осенью две тысячи двадцать первого года увидело свет долгожданное для любителей поэзии издание – Антология поэзии Кольского края

«Отсюда начинается Россия...». Она вышла в издательстве «Дроздова-Мурмане». Её составитель – известный мурманский поэт, прозаик и журналист Дмитрий Коржов, посвятивший около двадцати лет изучению поэтического творчества Кольского Севера.

В книгу вошли стихи 200 поэтов, около 600 стихотворений. Каждую отдельную поэтическую подборку сопровождает краткая биографическая справка о поэте, информация о жизненном пути и о том, как поэт связан с Кольским Севером. Оформление книги обращает на себя внимание: для фотовкладок использованы редкие снимки поэтов, в том числе и опубликованные впервые, а также автографы известных стихов Константина Симонова, Виктора Тимофеева и Николая Колычева. Немало открытий ожидает читателя: малоизвестные биографические факты о «звёздных авторах», редкие поэтические опыты знаменитых прозаиков, забытые имена ушедших поэтов, новые лица современников.

Лейтмотив антологии слышится в строках Виталия Маслова:

*В краю родном, так представлялось мне,
Над якорями – дерево могучее.
И я кружил, кружил по стороне,
Виток к витку на ствол канат накручивал.
И хорошо, что есть всему предел...
Где б я ни плыл, я верил в возвращение.
И счастлив тот, кто к старости сумел
В том устье встать, где принимал крещение.*

Открывает книгу стихотворение Константина Случевского и не случайно, потому что именно он впервые рассказал читателям о Мурманском крае, убедил, что «ни Адриатики волна, ни Геллеспонт таким темнеющим не блещут изумрудом». Завершается сборник стихами шестнадцатилетнего Алексея Дежина, самого молодого поэта антологии, который в четырнадцать лет стал лауреатом региональной поэтической премии. И в этом поэтическом обрамлении заложена идея преемственности поколений.

В антологии четыре части: «Какие здесь всему великие размеры», «Не может русский родину забыть, пока не перестанет русским быть», «Мир осенён из глубины небес», «Мы пройдем сквозь молчание и страх». В первой части содержатся произведения поэтов, которые не были коренными мурманцами, но посетили Северный край. Во второй части представлены преимущественно тексты поэтов, стоявших у истоков мурманской литературы, земляков Дмитрия Коржова. Третья

часть – это стихи авторов, которые родились в пятидесятые годы XX века. По словам самого составителя антологии «это, возможно, наиболее интересная часть книги: здесь представлены те, кто, восприняв вершины русской поэзии XX века – всё, без купюр, успели состояться как профессионалы». В четвёртой подборке решается другая задача антологии – представить читателю наших современников.

География авторов широка – есть коренные жители Кольской земли, есть уроженцы сурового северного края, покинувшие его волею судьбы, встречаются авторы, прожившие несколько лет на Севере и посвятившие ему толику творчества, но возвратившиеся на свою родину. И если поставить флажки на карте России, то она запестрит, стекаясь лучами к северу. Не менее удивительны сами судьбы поэтов. Где бы ещё встретились песенники, фольклористы, учителя, и журналисты? Что может объединить гидрографа, ихтиолога, ссыльнопоселенца, хирурга, военного корреспондента, пенсионера союзного значения, Героя Советского Союза, водолаза-глубоководника, художника-иллюстратора, слесаря, капитана, киноведа и судового механика? Ответ один: любовь к Северу. Все эти непохожие люди создавали «Северный текст русской литературы», о котором так много говорят теперь.

Из автобиографических справок узнаешь, что некоторые поэты оставили после себя большое литературное наследие, а кто-то незаслуженно забыт. Есть авторы, прославившие себя песенными текстами, а другим удалось создать стихотворение, «ушедшее в народ» и как бы потерявшее авторство. Многие поэты написали сборники стихов о Кольской земле – Виктор Боков «Стёжки-дорожки», Дмитрий Ковалёв «Море, море», Николай Карпов «Северный базар», Аскольд Бажанов «Белый олень», Виктор Коротаев «Караульная сопка», Римма Маркова «Полярное солнце» и другие. Но и тем поэтам, которые посвятили лишь несколько стихов суровому северному краю (Константину Симонову, Юрию Визбору, Сергею Есенину, Григорию Остеру) в антологии уделено достойное место. Мы с удивлением узнаем, что Юрий Визбор ходил в Арктику с военными моряками и рыбаками, и там написал знаменитый текст песни «Милая моя», а Григорий Остер служил срочную службу на Северном флоте, и его первая книга увидела свет в Мурманске в 1974 году. В антологии есть два стихотворения Сергея Есенина, созданные им под впечатлением от поездки по Северу России летом 1917 года по маршруту Архангельск – Соловки: «Небо ли такое белое...» и «Райское селение».

Читатели откроют для себя прекрасные стихи Дмитрия Балашова, известного в стране прозаика-романиста, который писал стихи всю жизнь, но не решался их опубликовать. Будучи частым гостем Заполярья, он работал как ученый-фольклорист и создал великолепную книгу «Сказки терского берега Белого Моря», куда вошли сказки, былички

и бывальщины Мурманской области. Поэтический язык Балашова так же прекрасен, как и его образная проза:

*Когда прожито всё и осенние листья в тревоге,
Словно карты мешает пропойный бродяга рассвет,
Уходи, остаётся земля и в полях остаётся дорога,
В никуда золотистой России рассеянный свет.
Одиночество, звоном встают над землёю закаты,
И любимая женщина взглянет уже не любя.
Уходи от страстей, уходи от ненужной расплаты
За грехи, что свершить не пришлось. Уходи от себя.*

В антологии со знаменитым коллегой соседствует такой же всенародно любимый и прославленный Валентин Пикуль, писавший стихи «в стол». Не один раз он обращался к теме Кольского Заполярья, связав свою жизнь с этим краем после Соловецкой школы юнг. «Марш мёртвых команд» траурным набатом звучит со страниц книги:

*Горнисты вскинули к звёздам горы
И затрубили, не видя звёзд:
Началась переключка – сквозь штормы –
С норда на зюйд и с веста на ост.
– Тральщик «Запад»?
– Разорвало миной...
– Гвардейцы с канлодки «14-«БИС»?..
– А вы, с миноносца «Орлиный»?
– Сгорели...*

Листая антологию, словно бродишь по ярким залам картинной галереи.

Вот зимние пейзажи: «По дуге сложились скалы в чудодейные дворцы» (Константин Случевский), «Мир песен долгих, край медвежий, старообрядцев голоса, огни печальных побережий и корабельные леса» (Андрей Эдоков), «Снегопада мягкие усилья – и в горах картина такова, будто зиму принесла на крыльях белая полярная сова» (Бронислав Кежун), «Вершины скал туманами повиты, и тихий бледно-розовый залив привёл туда, где бьётся Ледовитый, по-океански гневен и шумлив» (Николай Флеров), «Зима снегами укрывает разломы скал, дорог хребты. Метель протяжно завывает, взбивая снежные пласты» (Андрей Волков).

Картины покорения морской стихии: «Отлив, предышка – и снова, грозя коренастой волне, волна из пространства ночного о чем-то вещает

во мгле» (Александр Ойслендер), «Море – моя могила и купель» (Алексей Лебедев), «У моряков лужёны глотки. И тучи будто валуны. Железом врублены подлодки в породу грубую волны» (Дмитрий Ковалёв), «Корабль мой упрямо качает крутая морская волна, поднимет и снова бросает в кипящую бездну она» (Николай Букин), «В солнечных брызгах трепещут рубахи! В лодьях гудят просмоленные доски. Кормщики зорки и пятаются страхи...» (Александр Логинов), «Корабль. Коробка из железа. Вокруг – вода: вблизи, вдали... За сотни миль от рощ и пожен, где звёзды стынут на плаву, где океан, как мир, тревожен, – я жить обязан и живу. (Владимир Смирнов).

И вместе со стихотворением «Плыть, плыть...» Николая Рубцова «мимо могильных плит, мимо церковных рам, мимо семейных драм...» мы погружаемся в мир и быт поморов. А каков этот быт? Как живут в суровом краю люди? «Жизнь плодоносна и кротка» (Борис Орлов), «Отлив и штиль. Песчаная коса. Чего здесь нет: изломанные весла, изодранные в клочья паруса, сетей обрывки и морские звёзды, шары литых стеклянных поплавков» (Александр Миланов). От побережья мы проедем по всем городам и весям Кольского края. Вот и «Кандалакша» Александра Гитовича, «Лувеньга» Василия Анисисмова, «Варзуга» Ирины Поливцевой, Североморск в стихах «Опять в Североморске холода» (Сергей Сопель) и «Прогулка по Североморску» Анастасии Герасенко, «Тетрино» Ильи Виноградова, Хибин в произведении «Я уезжал...» Алексея Витакова. И, наконец, мы прибываем в Мурманск, которому посвящена значительная часть книги, возможно, из-за особого отношения к нему составителя Антологии Дмитрия Коржова, который пишет: «Я люблю этот город солёный, сотворённый из моря и скал, на камнях к небесам вознесённый, не на час, не на день – на века...». Именно Мурманску посвящена значительная часть книги.

*Мурманск – набросок в карандаше.
Сопки покатые, ёжик седых веток,
Кто бы художник ни был – взгляд его меток,
Остро отточен серый его карандаш.*

Елена Кожееватова

*...город за руку держит,
а, может быть, держит в плену.*

*Предъявляя туманы,
и волны, и корабли,
предлагает быть самой
счастливой у края земли.*

Ирина Четвергова

*Здесь всё до мелочей о море говорит.
И пахнувший треской
«За тех, кто в море!» –тост,
И рыбною тоской торгующий киоск.
Здесь камни-валуны
Пробились через мох,
Как серый взмах волны,
Застигнутый врасплох.*

Игорь Козлов

*Мурманск...
Чайки, как голуби, бродят по крышам,
Дождь истёрт в порошок, наподобье муки.*

Александр Шишкин

*Мурманск, город мой широкоплечий,
Грудью дамб улёгся на залив.*

Александр Подстаницкий

*Мой город, ты – щемящая слеза!
Твои строители на славу постарались,
вписав в холодный приарктический пейзаж
всю теплоту индустриальной пасторали!*

Александр Абрамов

*Мурманск – каёмочка,
Родины краешек...*

Виктор Боков

В антологии представлено всё многообразие поэтических жанров, что порадует самых взыскательных читателей. Не случайно даже в названии говорится о поэзии Кольского края, то есть о стихах, рождённых здесь, но не ограниченных узким кругом тем. Есть произведения духовного содержания (стихи Галины Сиротинской, Дмитрия Ермолаева), философская лирика (стихи Андрея Кулюкина, Ильи Виноградова, Андрея Иванова, Игоря Панасенко, Владимира Соловьёва, Петра Никитича, Евгения Гулидова), стихи о любви (произведения Ирины Rogoziной Ольги Мартовой, Елены Захаровой, Марии Плоскиной, Екатерины Гладышевской), юмористические истории (стихи Вадимира Трусова, Василия Рябкова, Николая Косухи, Юрия Хабарова, Сергея Кустова) и даже произведения для детской аудитории (Олег Бундур). Жанровое разнообразие особенно заметно в четвёртой части книги, где собраны авторы – наши современники. Прослеживается тенденция ухода от чисто «тематического северного текста» к общечеловеческой проблематике поэзии. Если в первой и второй части книги последовательно доказывается, что Кольский край – не пасынок России, то третья и четвёртая часть посвящена авторам, которые не хотят и не будут «провинциальными поэтами».

В антологии также представлена крупная поэтическая форма в виде отрывков (Андрей Душин «Мурманск. Поэтическая повесть», Викдан Синицын «Кижи», Константин Бельхин «Корабли уходят на восток», Борис Романов «Поэма о синей песне»), фрагментов циклов стихов («Варзуга» Полины Беспрозванной, «Геологи и Елисей» Александра Решетова).

И в завершении хочется привести северный рецепт счастья Людмилы Шершнёвой:

*Нам бы жить с тобой –
не тужить.
Поселившись у моря Белого.
Будешь неводом рыбу ловить
И вишнёвую трубку курить,
На крылечке сидя обветренном.*

ОЛЬГА БЕСПАЛОВА

Ольга Владимировна Беспалова. Родилась в п. Брин-Наволоки Холмогорского района, Холмогоры Архангельской области в 1974 году. Учитель русского языка и литературы в Холмогорской средней школе имени М. В. Ломоносова.

Участница 3 и 4-го ежегодного Всероссийского совещания молодых литераторов в МГИК и семинара в Химках в 2020-21 годов (на последнем получила рекомендацию для вступления в Союз писателей) и Школы писательского мастерства от фонда СЭИП 2020 года в Вологде.

Лауреат форума-фестиваля «Капитан Грэй» (2021 г.).

Автор поэтических сборников «Где-то здесь и я сама» (2013), «Не живётся набело» (2019), «Тёплое небо» (2021). Живёт в Холмогорах.

КАК ВАЖНО БЫТЬ СОБОЙ

Станционное

*...Когда твой конь на переправе сдох,
Иди пешком до станции Печонки
И там сиди в своей шинельке тонкой
И думай, что зритель дюже плох:
С утра он пьян, неряшлив и плаксив,
О блудной дочке – по второму кругу.
Ему бы, невесёлому, подругу,
Да больно безобиден и труслив.*

*Тоска в Печонках. Ты, зевая, ждёшь
Какой-нибудь непутной, но попутки.
А дождь стучит в стекло вторые сутки.
Россия. Осень.
Как тут не запьёшь.*

Петя Трофимов: Вся Россия наш сад.
(А. П. Чехов. Комедия «Вишнёвый сад»)

*Август. Двадцать второе.
Вечер. Еврейская скрипка.
Нет и не будет покоя:
Будущее так зыбко.*

*Комедиограф точен –
Будет смешная пьеса.
Вижь. Этот век просрочен.
Камо грядеши? Бесы
Сад окружили. Вишни
Цвета горячей крови.
«Медлишь? – Так быстро – лишний, –
Дьявол немногословен. –
Раз – топором под корень.
Два – выноси отседа.
Вровень с землёю, вровень,
Чтобы не видно следа!*

*Были – и нет! Теперьче
Мы тут. Хотим – и рубим.
Наше! Держися крепче:
Всё, всю Рассею купим!»*

*Утро. Зарёю рдяной
День ненасытный начат...
Тихо над пьесой странной
Комедиограф плачет.*

О родине и о себе

*Как важно знать о маленькой себе,
Что ты причастна к большому. Большому.
Но, жить боясь от одного к другому,
Довериться придирчивой судьбе:
Влюбиться в червоточинку листа
Кувшинки (не в кувшинку-недотрогу)
И выучить – до камушка – дорогу,
Ведущую в заветные места.
Идти по ней и знать: там, впереди,
За поворотом – луг, а дальше – сосны...*

*Как важно быть собой, пока не поздно,
Пусть маленькой, но с памятью в груди.*

«Горе от ума»

*В каплях веснушек форзац пожившей книги.
Мама читала в классе восьмом, пожалуй.
Лет пятьдесят прошло. А игра интриги
Не убывла нисколько, не стала вялой.*

*Чацкий, как прежде, утром к подружке рвётся,
Думает дерзко: подружка – рубаха-парень.
Сердится Софья, сердится – не смеётся:
У тётки в Саратове хлопает громко ставень...*

*Мама, ты знала? Чацкий не любит Софью –
Любит себя – и это неисправимо.
А Грибоедов пьёт на террасе кофе
И в классе восьмом проходит.
Поспешно.
Мимо.*

*Ангелы точат лучики в небесах,
Выпросив по точилке у папы-бога.
Стружки-пылинки светятся в волосах,
Смотрит на деток папа не очень строго:*

*Всё б им, ребяткам, бегать, озорничать,
То вот рисуют, то меч деревянный просят,
То обнимают ласково... Как серчать,
Если они ему ягоды к чаю носят?*

*Пусть до поры резвятся. Настанет срок –
Каждому будет дан человек.
Надолго
Полон у бога точилками тусок
И для рисунков есть в кабинете полка.*

В больничном сквере

*Черно в больничном сквере от ворон.
Кричат о том, что осень затяжная –
Но хорошо: сыта подольше стая,
А человек не страшен и смешон.*

*Он столько дней стоял вон там, в окне,
Смотрел на них стеклянными глазами.
Ему бы крылья, глупому, – часами
Летал бы да качался на сосне.*

*С утра его такие же везли
Тихонечко. И молча следом шли.*

*А снег сегодня – голубой.
Всю ночь, с чернёной синью споря,
он шёл и застелил собой
мой двор, село, и лес, и поле.*

*И я боюсь, боюсь с утра
поверить в голубое чудо,
смотрю с высокого крыльца –*

*и не дышу широкогрудо:
как будто каждый полный вдох
лазурь пушистую погубит...*

*Сегодня невесомый Бог
нас любит.*

*В больничной палате, пропахшей
лекарствами, страхами и
бесстрастно тебя принимавшей
в бесцветные стены свои,*

*сидеть, обхвативши колени,
хотеть и не мочь рассказать,
как входят прозрачные тени,
когда ты ложишься в кровать,*

*и сказки читают про небыль,
и песенку страшно поют,
жалеют: «Хорошей, тебе бы
в покой и домашний уют...»,*

*и гладят по гладкому телу
до ужаса и тошноты,
втыкают холодные стрелы
в бескровные руки твои;*

*в больничной палате, где жизни
рутина видна из окна,
где глупо быть злой и капризной
где думаешь: «Скоро весна...» –*

*на тумбочке у батареи
Лука Преподобный стоит,
и, руки сжимая и грея,
с тобой только мама не спит.*

Соседка

*Дедушка, где ты? Не спишь? Припозднилась я очень...
Я это – Марья. На службе была, говорю.
Вот принесла к Рождеству тебе кашку и сочень.
Может, давай я маленько тебе подсоблю?*

*Хочешь, полы подмету да картошки почищу.
Вон уж звезда загорелась, вечерять пора.
Холодно... Волки сутулые по лесу рыщут,
Найку соседскую съели, похоже, вчера.*

*Ты не серчай, что пришла без званья. Я недолго.
Дома-то мыши одни да сверчок-стрекотун.
Вижу, рукав прохудился. Да есть ли иголка?
Что ли зашью. Эх, тебе поновее б зипун...*

*Что? Не ворчу я. А может, тебе бы котейку?
Мурка вчера родила, да вот жаль утопить.
Много ли надоть ему? Он не просит копейку –
Рыбки-то я принесу да водицы попить.*

*Ну, отдыхай... Далеко зимовать нам до лета.
Что-то недобро раскаркался ворон-вещун...
Завтра зайду.
Ни за чем.
Видно, надо мне это:
Коли помрёшь тут один, я себе не прощу.*

Счастье

*Август, начало.
Ты босоног и рус,
жизнь эту горстью берёшь,
не боясь,
на пробу,
как костянику, –
красною каплей вкус,
держишь во рту:
шершаво скребёт по нёбу.*

Сладко и кисло.

*Щупаешь языком –
вот оно, счастье.
Писк комариный весел.
Месяц ещё до школы почти.
Потом,
мир этот будет
скучно-
бесцветно-
тесен.*

*Счастье –
это когда за твоей щекой
горсть костяники,
ранка кровит на пятке,
солнце горячее
в полдень над головой
и на крылечке –
тёплое небо в кадке.*

Дочь

*Стрижку ей хочется,
в Вологду
и ноутбук.
И музыкалку бросить
(но я не дам).
Не приглашает в гости к себе
подруг,
чему-то в смартфоне смеётся
по вечерам.*

*Кутает ноги в плюшевый тонкий плед,
в угол дивана скомкавшись,
пьёт кефир.
«Мам, почитать чего,
чтоб остался след,
чтобы про мудрость,
жизнь,
ну, вообще про мир?»*

*Моеет посуду,
мне наливает чай:*

*«Мам, испечём в субботу чего-нибудь?» –
«Знаешь,
Ремарка,
может быть,
почитай...
Только уроки сделать
не позабуди».*

Из детства

*Тебе, наверно, семь. И ты болеешь.
А луч, покомкав тюлевую вязь,
хихикает: «А ты так не умеешь!» –
и по стене ползёт, не торопясь.*

*И доползает до часов настенных.
И стрелки липнут, замедляя ход.
Ты злишься и ревёшь попеременно:
оно ведь, время, греясь, не идёт.*

*И мама не идёт. И нос не дышит.
И тихо так, что хочется кричать,
чтоб этот луч полз где-нибудь по крыше,
не забираясь на твою кровать.*

*Эх, крикнуть бы, затопать бы ногами,
но в горле хрип, а ноги спать хотят.
И ты лежишь и думаешь о маме.
И что пылинки в лучике летят.*

Ваня

*Солнце его, любя, целует в макушку:
Солнце любит макушки без шляп и шляпок.
Он машет навстречу прохожим, щурится подслеповато,
Хохочет, вынимает детскую пушку,*

*Бежит играть к соседским ребятам.
Им семь, десять – ему исполнилось восемнадцать.
Мама радуется, что живёт в деревне: не приходится убиваться
В поисках сына: он придёт в измятом,*

*Грязном, может быть, без портфеля,
С хорошей ссадиной на коленке, в слезах горючих;
Может быть – с букетиком мать-и-мачех, жёлтеньких и пахучих,
Засмеётся, сдерживаясь еле-еле,*

*Вытащит из-под майки нежно-нежно,
С мычанием телёнка протянет цветочков горстку
И не заметит, как мама сморгнёт слезинку.
Напьётся морсу,
Съест суп и уснёт тихо и безмятежно.*

А завтра снова подставит макушку солнцу.

*У девочки будет девочка.
Мамка, теперь уймись.
Выскачка, нетерпелочка.
Кто виноват-то? «Жись!»
Иль недобор продуктиков,
Ласки ли недобор?
Ивовых розог-прутиков
Полон убогий двор.*

*Девочка носит девочку,
Если бы, да кабы...
А на чулочке стрелочка –
Горький зацеп судьбы.
«Бедная Лиза» читана
Не до конца. «И чё?»
Потом чужим пропитана:
Мальчики – дурачье.*

*Глупочка, неухоженка,
Родит. И будет жить..
Ты приголубь её, боженька,
Да научи любить.*

*Занавеска-занавесочка,
Да ромашковый уют,
Фотокарточка ли, весточка...
Дома батьку двое ждуют.*

*Сын Миколка – несмышлёнышем
Да Наталия-жена.
Ох, расти тебе малёнышу...
Безотцовщина-страна.*

*Батьку вывезли в овражечек
Сопричастнички-друзья,
Развесёлый батька, бражничек
Был. Краснёхонька земля.*

*Что делили знамо-ведомо
Муравьиным братьевам.
Эх, начальник не расследоват,
Ох, да шепчут по дворам...*

*У Натальи – новой любушка,
У Миколки – никого.
Ой, судьба ты, душегубушка,
Занавесочка, окно...*

Картечь (из жизни учителя)

*На мягком языке неожиданно остро – шипучка-конфета.
В щёку брызнула (ой, мамочки) и застреляла – в нёбо, в зубы.
Смешно, как ребёнку, щекотно во весь рот, а они ждут ответа.
Вот: развели училку, выложат потом на свои ю-тубы.*

Доедаю, не подав вида.

– Вкусно?

– Конечно, вкусно, ещё бы!

– И не почувствовали ничего?

– Должна была? Сладко очень.

(Кисло, долго царапает послевкусие училково нёбо).

Недоумение повисает. Ручка красно скользит меж строчек.

– Так. «Бородино». Глоссарий к тексту. Что такое картечь? Кто знает?

– Это у папки, в ружье, патроны... Как было в нашей конфете!

– Да, – киваю машинально, – так же.

Замирают. И класс взрывает:

– Вы нас обманули! Вы всё чувствуете!

Чувствую. Всё. Дети...

Ниточка колючая

*Мне когда-то виделось:
бабушка прядёт,
тянет цепко ниточку
старая щепоть,
нитка из куделюшки
тянется, как жизнь, —
серая, колючая,
ой, не оборвись.
Смочит пальцы в блюдечке
бабушка и вновь
тянет невесёлую
песню про любовь.
Пристанет, фартучек
скрутит, постоит:
«Чтой-то, девка, ветрено,
ставень колотит.
Стой ты, заполошная,
тёмно во дворе,
уж сама я, нечего
о такой поре...»
Трогаю куделюшку —
мягче пуха,
что ж
ниточку колючую,
бабушка, прядёшь
То и пальцы скрючены,
грубы, что кора...
Что ты, ставень, стучаешь
в сердце до утра.*

Тургеневское

*В этом безумном мире
Средь суеты крикливой
Тихо запрусь в квартире
Фенечкою счастливой.*

*Буду качать ребёнка,
Супчик варить и кашку,
Будет чиста пелёнка,
Весел сынок Ивашка.*

*Пусть нигилист Евгений
Где-то не верит в Бога –
Я подметаю сени,
Коврики – у порога.*

*Возле окна с вязаньем
Сяду. Дом тих и светел.
Ситцевым колыханьем
Тронет его лишь ветер.*

*Сладко сопит мальчонка
В тёплой своей кровати.
Если чиста пелёнка –
Значит и мир в порядке.*

Мужу

*Мы, похоже, из разного теста: я из пшеничного, ты из ржаного.
Я тебе улыбаюсь – прямо плюшка с изюмом,
Ты грубо пожимаешь плечами: «Такую – с супом? Хреново.
С супом – черняшку, с чесночком да салом, с аджикой – тоже дело.
А это что? Пышное да и только, а тело будто не ело.
Тебя – с чаем, маслицем помазав или вареньем малиновым.*

Изюм – излишек.

Плюшки – это не сила, это не для крутых мужиков и мальчишек».

*Только к вечеру, насытив грубость свою картошечкой изначально,
Ты потягиваешься довольно, достаёшь масло и наливаешь чаю.
А тут я. С изюмом.*

Прошло

*Прошло. И не дрожит звезда
на омутной воде:
мне ничего и никогда
уже не дать тебе.
Всё. В омуте моём покой –
так, что чертям тоска.
Я прядку бледною рукой
поправлю у виска,
и полоснёшь с досадой ты:
«О, стерва и беда –
все сплетни про тебя верны!»
И я отвечу:
«Да».*

Анатолий Владимирович Бимаев. Родился в 1987 году в ЗАТО пос. Солнечный Красноярского края. Окончил Хакасский государственный университет, затем там же аспирантуру по истории литературы.

Публиковался в журналах «Абакан», «Пролог», «Зарубежные задворки», «Алтай», «Нева», «День и ночь», «Сибирские огни», «Крещатик», «Огни Кузбасса», «Кольцо А», в альманахе «Полдень». Участник 9 и 12 форумов молодых писателей России и стран Ближнего Зарубежья. Участник совещания молодых писателей Урала, Сибири и Дальнего Востока (Томск, 2015), регионального совещания сибирских авторов (Новосибирск, 2016, 2019, 2020), совещания молодых писателей при СП Москвы (2017), школы писательского мастерства в СФО (Красноярск, 2020), Совещания молодых литераторов «Драматургия слова» (Уфа, 2020), всероссийского совещания молодых литераторов в Химках (2018, 2020, 2021).

Финалист литературной премии В. П. Астафьева (2017). Финалист литературной премии им. Николая Самохина (2018). Лауреат журнала «День и ночь» за 2020 год в номинации «Проза». Живёт в Абакане.

ЗАПРЕТКА

Вчера Колин отец вернулся из командировки. И, как всегда, не с пустыми руками. Он привёз видеокассеты с новыми фильмами. Там была вторая часть «Терминатора», все части «Рэмбо», «В осаде» и «Танго и Кэш». Обладая таким несметным сокровищем, Коля не собирался появляться на улице как минимум несколько лет.

Через стенку вдруг послышался стук. Это друг Васька, живший в соседней квартире, звал Колю во двор. И разве мог он противиться этому зову? Конечно же нет. Ведь условный стук был для мальчишек не просто сигналом, а тайным кличем о помощи, услышав который каждый из них должен был поспешить на выручку, если не хотел прослыть негодяем или девчонкой.

Три тихих удара и один громкий. Вот как звучал этот клич. Коля быстро оделся, взял любимую машинку – точную копию «Тойоты-Короны» в последнем кузове, у которой открывались не только двери, но капот и багажник, где даже лежала запаска, и вышел на улицу.

Васька уже ждал его у подъезда.

– Здорово, – сказал он, недовольный задержкой друга.

– Привет, – сказал Коля.

И тут же смутился своим детским приветствием. Ему никак не удавалось научиться разговаривать по-взрослому. Сколько раз он зарекался говорить «привет» вместо «здорово», однако всегда забывал. А если не забывал, то всё равно говорил по старинке. Заставить себя произнести это, как ему казалось, грубое, неблагозвучное слово было выше его сил.

– Поиграем в песочнице? – спросил Васька.

– Можно.

– Смотри, какой мне папа купил джип! Такой пройдёт где захочешь. Когда-нибудь у нас будет точно такой же, только настоящий. В миллион раз больше этого.

Машинка в руках Васи была огромной. Чуть ли не в четверть роста самого мальчика. Ядовито-оранжевая кабина, чем-то напоминавшая голову динозавра, компоновалась на мощных, с глубоким протектором шинах. Снова Коля почувствовал нечто вроде стыда. По сравнению с Васиным монстром его машинка выглядела куда как скромнее. Да, у неё открывались двери и всё такое, но разве это главное? Лучше бы она умела летать, тогда ей не понадобились бы большие колеса. Она смогла бы преодолеть любые лужи, ручьи и ямы. Ни один джип этого сделать не смог бы.

Словно угадав его мысли, Вася высокомерно взглянул на зажатую в руке Коли игрушку:

– На такой ты сегодня далеко не уедешь.

– Это ещё почему? – обиделся Коля.

– Вон сколько песка! Его вчера привезли.

Песка, действительно, было много. Целая гора тёмного, ещё не успевшего высохнуть на утреннем солнце счастья, завалившего песочницу вместе с бортами.

– Побежали, пока никто не занял! – бросил Васька, засеменяв ногами по зелёной траве.

Песочница располагалась за баскетбольной площадкой, посредине двора. Тень возвышавшихся вокруг пятиэтажек не закрывала её. Поэтому играть приходилось на солнцепеке. Но детям было без разницы. Они представляли себя шейхами бесплодных пустынь, выбравшимися из своих тесных, раскалённых, как печь, мегаполисов погонять по жёлтым барханам.

– Я буду сегодня ездить как бедуины во второй части «Доспехов Бога», – воскликнул Вася, буквально вдавив машину в песок.

Он загудел, изображая работающий двигатель. Толкаемая его рукой игрушка катилась легко и надёжно, оставляя после себя цепочку волнистых следов.

– «Доспехи Бога» – мой любимый фильм, – сказал Коля.

– Да? И сколько раз ты его посмотрел?

– Десять.

– Всего десять?

– Десять – на этой неделе.

– Ого! – сказал Вася. – Столько же, сколько и я.

Они бы ни за что не признались друг другу, ни под одной, самой изощрённой из пыток, что во всём мире для них нет ничего важнее их дружбы.

– А помнишь, – восторженно сказал Коля, – как Джеки Чан дрался с бандитами в шахте с раздвижными магнитами и пропеллером?

– Помню, конечно.

– Классный момент.

– Мне больше нравится эпизод с копьями.

– Точно. И мне, – радостно сказал Коля. – У-гу-гу. У-гу-гу, – промычал он, подражая героям любимого фильма.

Мальчики рассмеялись.

Они как раз закончили строить дороги в песочнице, когда вдалеке слышался нарастающий гул вертолёт. Друзья подняли головы, напряжённо всматриваясь в синее, без единого облачка небо. Звук нарастал. Казалось, вертолёт летит прямо над ними, но видно его нигде не было. Наверное, его закрывали дома. Как бы мальчишкам хотелось сейчас, чтобы у них отрасли десятиметровые ноги! Тогда они могли бы встать над всем городом и хорошенечко осмотреться.

Наконец Коля крикнул:

– Вон он! Я его вижу.

И действительно, над одним из пятиэтажных домов показался боевой вертолёт. Почему-то он летел не с той стороны, откуда слышался звук. Чуть не задев телевизионные антенны на крыше, вертолёт вырвался на открытую местность. Пузатое, громоздкое чудище – оно двигалось на удивление быстро и плавно, без какой-либо видимой трудности. Оно подминало под себя воздух, словно каток. В атмосфере чувствовалось огромное электрическое напряжение, как перед сильной грозой, рождённое схваткой между природой и стальным механизмом.

Побросав игрушки, мальчики бросились навстречу винтокрылой машине.

– Я вижу ракеты, смотри! – крикнул Коля.

Вертолёт пролетел прямо над головами. Звук его лопастей, казалось, был осязаемым. Он вибрировал где-то в груди у мальчишек, отдаваясь в коленные чашечки. Вертолёт был тёмно-зелёного цвета, но днище его покрасили в бледно-синий оттенок.

«Как у акулы, – подумал Коля, – чьё пузо светлей тела и такое же, как морской песок под водой». Акул он видел в одном из выпусков передач Жак-Ива Кусто.

– Классно, – с быстро переходящим в грусть восторгом произнёс он, когда вертолёт скрылся из виду. – Вот бы посмотреть на него поближе.

– А я знаю, куда он улетел, – сказал Васька.

– Врёшь!

– А вот и не вру! Мы уже ходили на прошлой неделе к аэродрому смотреть вертолёты.

– Кто это – мы?

– Саня, Витька и Серый из двадцатого дома.

При этих словах Коля почувствовал лёгкий укол ревности.

– Подумаешь, вертолёты, – произнёс он как можно равнодушнее. – Я на той неделе видел колонну танков.

– Танков? – заинтересовался Васька. – И куда они ехали?

– Сопровождали ракетное топливо.

– Так это были бэтэры, дубина.

– Ну бэтэры, какая разница?

– Большая, – ответил уничижительно Васька. – Бэтэры я и сам видел миллион раз. А танков здесь нет. Иначе я их тоже давно бы увидел.

На это Коле нечего было возразить. В их военном городке и вправду танков не наблюдалось. Или они были не на ходу, поэтому нигде не показывались. А вот что у них действительно было – так это дивизия ядерных ракет «Сатана». Папа однажды сказал, что ракет, стоящих под посёлком, хватит, чтобы стереть с лица земли всю Америку. После

этого главным смыслом жизни Коли стало отыскать эти ракеты и хотя бы одним глазком на них посмотреть.

Прошлым летом они с пацанами уже предпринимали подобные поиски. Забредя далеко в поле, они отыскивали в траве непонятные железные полусферы, в самом деле напоминавшие люки ракетных шахт. Многие ребята тогда восторженно провозгласили, что «Сатана» найден и потому отныне нужно искать тягачи. Из их разряженных аккумуляторов добывался столь ценный в мальчишеской среде свинец. Из свинца выплавляли биты. Такие плоские, идеально круглые блины, предназначенные для игры в «златы».

Но сам Коля не верил, что они нашли «Сатану». Слишком это было бы просто. Нет, подобные вещи не находятся абы как. На их поиски тратятся многие годы, в течение которых ракетаискатели претерпевают всевозможные лишения и трудности, кто-нибудь из них обязательно умирает, кто-нибудь предаёт, а кто-то спасает девочку Свету из первого «Б» класса и потом на ней женится.

Он никому не сказал о своих сомнениях в подлинности найденных ими объектов. Однако с тех пор, выбираясь с пацанами за город, внимательно осматривал землю вокруг, надеясь наткнуться на шахты. За год таких странствий он отыскал: заваленное до самого входа мусором бомбоубежище, заветные тягачи с выпотрошенными до последней кнопки кабинами и один самый настоящий секретный штаб, обнесённый бетонным забором с колючей проволокой.

Да, последний год был богат на находки. Но удовлетворить Колю они не могли. Мысль найти «Сатану» не покидала его. И теперь он подумал, что никогда не искал у аэродрома. А ведь справедливо было предположить, что ракеты находятся именно там, под надёжной защитой вертушек.

– Хочешь, я тебя проведу к вертолётам? – спросил Васька.

– Больно надо, – сказал Коля.

Он был обижен, что друг не позвал его на прошлую вылазку.

– Струсил, что ли?

– Ничего я не струсил!

– Да ладно, боишься – так и скажи.

– Не боюсь я твоих вертолётов.

– Тогда пошли!

– Ну пошли! – выпалил Коля. – Только нужно занести игрушки домой.

– Давай мне машинку.

– Зачем?

– Давай, говорю! – потребовал Васька. – У меня никого дома. А то тебя ещё позовут на обед.

Этот довод показался Коле вполне справедливым. Его могли задержать родители, а откладывать поход не хотелось. Он протянул Ваське машинку. Через несколько минут тот вернулся на улицу.

– Пошли?

И они двинулись прочь со двора. Завернув за угол дома, они оказались на заброшенной стройке. Несколько лет назад здесь вовсю кипела работа: грузовики подвозили гравий с песком, стучали машины, забивавшие сваи, работали сварщики. Но потом оживление сошло на нет, так же неожиданно, как началось. И теперь стройка была излюбленным местом для ребятни. Запутанная система фундамента с многочисленными бетонными блоками и перегородками как нельзя лучше подходила для игр в войнушку. Вот и сейчас на стройке бегали пацаны с воздушными пистолетами. Если из такого прилетит по ноге – прижжёт так, что вышибет слезы. Поэтому мальчишки вели себя осторожно, как в настоящем сражении. Лишний раз не высывались, а если шли в наступление, то непременно гуськом, то и дело прижимаясь к укрытиям.

Увидев Колю и Ваську, они замахали руками:

– Давайте сюда! Нам не хватает людей.

– Нет, не сегодня, – непреклонным тоном отозвался Васька.

– Эй, Колян, тащи своё ружьё! Ты же у нас лучший снайпер.

Коля так и зарделся от гордости.

– Извините, пацаны, дела, – важно произнёс он.

– А куда вы?

– Да так. Потом расскажем.

– Ладно-ладно, тихушники. Все равно узнаем.

Очень скоро мальчишки пролезли под забором, ограждавшим по периметру посёлок. Здесь для них начиналась запретная территория. Родители не велели сюда выходить. Потому, идя вдоль автодороги, Коля чувствовал приятное, ни с чем не сравнимое возбуждение. Было страшно и легко одновременно, словно у него выросли крылья и он только-только научился с ними управляться. Он мог пойти куда вздумается. Перед ним расходились сотни путей, и каждый был манящим, будто мечта.

Они прошли знак с перечёркнутым названием города. Миновали железнодорожный переезд и направились в необозримое поле, заросшее высокой травой. Где-то там, сонные и молчаливые, убаюканные стрёкотом насекомых, отдыхали от долгих полётов винтокрылые чудища.

– Вон они, вон! – воскликнул Васька.

– Где? Да где? – подпрыгивая на месте, вытягивал шею Коля.

– Да вон же, дубина.

Васька показал направление, куда нужно было смотреть. Вдали, действительно, виднелось несколько вертолётов. Они были величиной с божью коровку, на которую ты глядишь с высоты своего роста. На

земле они выглядели неуклюже. Кого-то они Коле напоминали. Да это же ламантины! Смешные тупомордые создания, заплывшие жиром. Было что-то противоестественное в том, что такие грозные машины вобрали в себя черты столь безобидных и, по искреннему убеждению Коли, бесполезных для этого мира существ.

– Это другие, – словно услышав мысли товарища, произнёс Васька. – Я их на прошлой неделе не видел.

– Смешные какие-то.

– Шутишь? Точно такой был в третьей части «Рэмбо».

– Правда?

– И ещё в фильме о «Чёрной акуле».

Слова друга внушили Коле уважение к этим нелепым вертушкам, хотя названных фильмов он ещё не смотрел. Теперь он хотел во что бы то ни стало увидеть «ламантинов» вблизи. Кто знает, может, их специально сделали безобидными, чтобы ввести врага в заблуждение? А на самом деле они страшнее атомной бомбы, страшнее десяти танков и взвода спецназа. Страшнее всех вместе взятых армий мира. Коля резво побежал в сторону аэродрома, хотя ноги его ещё недавно были ватными от усталости, а перед глазами всё плыло от жажды.

– Эй, не так быстро! – засмеялся товарищ, устремившись за ним.

Вскоре мальчишки выбрались на высохшую на солнце полевую дорогу. Дорога была в ухабах и колеях, крошившихся под ногами. Вдоль неё шёл чёткий след от огромных колёс, буквально перепахавших землю. Вдалеке расстилалась громадная лужа. Как она не испарилась? Дождя не было, наверное, неделю. Видать, в лучшие свои времена она была величиной с море!

– Попьём? – предложил Васька.

– Из лужи?!

– Ну да.

– Из лужи нельзя пить!

– Это ещё почему?

Коля задумался. Он знал, что пить из лужи не следует, но почему – сказать затруднялся. В действительности ему чертовски хотелось бы ошибиться: день сегодня выдался очень жарким.

– Заболеешь, – сообразил он наконец.

– Вранье. При чем тут лужа?

– Лужа грязная.

– Нормальная она, – сказал Васька, зачерпнув ладонями воду и хлебнув. – Главное, не поднимать муть со дна.

Коля подошёл к самой кромке воды. Поперёк лужи шёл радужный след от бензина. Отчётливо просматривалось дно, покрытое зеленоватой плёночкой мха. По луже бегали водомерки.

Сложив руки лодочкой, Коля опустил их в воду, сбоку от бензиновой радуги, и тоже попил.

– Ну как? – спросил Васька.

– Вкусно!

– Я же тебе говорил.

Коля зачерпнул воду ещё несколько раз и, поднявшись, осмотрелся. Освежившись, он сразу заметил, что они находятся совсем рядом с аэродромом. Над высокой травой тускло блестела колючая проволока. Мальчик проследил взглядом, куда она уходила. Изгородь терялась далеко в летнем мареве, там, где на территорию базы сворачивала полевая дорога. За колючей проволокой виднелись холмы. Они закрывали обзор. Из-за одного из холмов выглядывало двухэтажное кирпичное здание с белой шиферной крышей.

«Командный штаб», – догадался Коля.

– Полезем через колючку? – спросил он товарища.

– Ага, – отозвался тот, вытирая руки о шорты. – По-другому к вертолётам не пробраться.

– А она не под током?

– Нет, мы проверяли.

Они двинулись к изгороди.

– Плёвое дело, – говорил Васька. – Будешь лезть – не поднимай головы, чтобы не зацепиться, и всё. И не вставай, пока я не скажу. Я подержу проволоку, чтобы тебе было легче.

Васька пролез под колючкой первым.

– Теперь ты, – прошептал он.

Коля лёг на землю и по-пластунски заработал руками. Мгновение спустя он стоял подле товарища. Улыбка сама собой растянулась на его лучащемся от счастья лице. Все это напоминало самую настоящую шпионскую вылазку. Из тех, что постоянно показывают в фильмах про войну. Сейчас они установят взрывчатку на вражеской технике, возьмут языка, угонят мотоцикл с люлькой и пулемётом и с боем вернутся к своим.

Друзья ползком взобрались на ближайший к ним холм. От восторга у них перехватило дыхание. Внизу, на заросших травой бетонных плитах, стояли вертушки. Штук десять, не меньше. Среди них была и та, что они видели утром. Были и совершенно диковинные экземпляры. Вытянув руку, Коля указал Ваське на длинную, с вереницей иллюминаторов вдоль чёрного борта махину. У неё имелось целых два несущих винта. Один спереди, над кабиной пилота, и второй в самом хвосте. Такие даже ни разу не показывали по телевизору, что вызвало у Коли ещё больший восторг и благоговение. Ведь раз не показывали, значит, держали от врага в тайне. И вот они, обыкновенные пацаны из двадцать девятого дома, первыми увидели секретную технику.

– Подползём ближе?

– Давай.

Они спустились вниз. На аэродроме стояла мёртвая тишина. Только трещали кузнечики. Совсем не было ощущения, что это место находится под охраной. Похоже, у военных даже не было мысли, что кто-нибудь может пробраться на базу. В конце концов мальчишки осмелели настолько, что принялись открыто ходить между рядами вертушек. Подходя к очередной машине, Коля деловито хлопал её рукой по борту, словно проверяя прочность брони, заглядывал через стекло в кабину пилота, пытаясь угадать, какой рычажок за что отвечает, какой датчик показывает высоту, а какой – скорость.

– Открыто! – крикнул вдруг Васька.

Обернувшись, Коля увидел, как тот залезает в маленький, похожий на головастика вертолёт. Он ринулся к другу, боясь пропустить что-нибудь интересное.

– Класс! – воскликнул Коля, замирая от восхищения.

– Давай в кабину! Полетаем.

Они уселись в мягкие кресла пилотов и принялись нажимать все кнопки подряд. Коля схватил штурвал, имитируя управление вертолётom. В деревне у родственников он так целыми днями «ездил» на «москвиче» дяди Вани, даже не покидая пыльного, пропахшего куриным помётом гаража.

– База, база! – стараясь перекричать условный шум винтов, орал Коля. – Это пятый. У нас пробит бензобак. Идём на посадку. Освободите нам место. Повторяю: освободите место!

– Вж-ж-ж, – шумел Васька, заложив опасный вираж.

– У нас проблемы с управлением. Мы падаем...

– Эй! – неожиданно раздался чей-то сердитый голос.

Мальчишки замерли. Со стороны кирпичного здания к ним со всех ног бежал военный в пилотке и тёмной форме.

– Валим! – выдохнул Коля, прыгая на землю.

Ещё никогда в жизни он не бегал так быстро. Правее и чуть позади маячила коротконогая тень друга. Он не мог его догнать, хотя на физкультуре всегда финишировал первым.

Изгородь Коля попросту прошёл насквозь. Так ему, во всяком случае, показалось. Он не помнил, как её преодолел. Только оказавшись в открытом поле, он сбавил темп и оглянулся. Военный, пнув ногой колесо и заглянув в кабину, погрозил пацанам кулаком.

– Фу-ух, вот это пробежка! – вымолвил Коля.

Стоило ему перейти на шаг, как его оставили силы. Тут же заболела коленка, причём так сильно, что он захромал. Отчаянно закололо в бок. А правую руку, чуть выше локтя, неприятно саднило и жгло.

- У тебя кровь, – сказал Васька.
- Наверное, поцарапался о колючку.
- Здорово ты её перемахнул. Я думал, запутаешься.
- Они рассмеялись, вспоминая своё приключение.
- А если они погонятся за нами на вертолёте? – спросил Коля.
- Пока заведут, мы будем уже дома.
- И всё-таки? Что будет, если они нас догонят?
- Думаю, посадят в тюрьму.
- Лет на двадцать?
- Не меньше.

Коля присвистнул. Осознание тяжести совершенного преступления радовало. Он словно стал старше на несколько лет. Это тебе не в машинки играть, не в войнушку на стройке, пусть даже с пульками. Отныне это чувство всегда будет с ним.

- Порубим в «денди» сегодня? – спросил он товарища.
- Давай. У меня родители до завтра на смене.
- Я принесу «Черепашек-ниндзя».

Они снова пролезли под бетонным забором, ограждавшим посёлок. Прошли мимо стройки.

– А вон и наши тихушники, – поприветствовали их ребята, теперь игравшие во дворе в прятки. – Вернулись со спецзадания?

- Здорово, пацаны! – крикнул Коля. – Мы вернулись!

Он и сам не заметил, как произнёс запретное слово.

АНДРЕЙ НОВИКОВ

Новиков Андрей Вячеславович, поэт, журналист. Родился в 1961 году в с. Алабузино Бежецкого района Тверской (Калининской) области. После службы в армии окончил Литературный институт им. А. М. Горького (семинар Владимира Кострова, 1990). 25 лет работал журналистом.

Публиковался в «Литературной газете», журналах «Нева», «Сибирские огни», «Молодая гвардия», «Подъём», «Студенческий меридиан», «Южное сияние», «Север», «Литературная учёба», «Сова» (США), «Арктикль», (Израиль), альманахах «Поэзия», «День поэзии», «Тверской бульвар-25», «Связь времен» (США). Автор 6 книг.

Председатель Липецкого регионального отделения Союза писателей России. Секретарь СПР.

ВОЛЬНЫЙ СВЕТ

Дамаск

*Жаркий полдень на аркане, зноем полнится Дамаск,
Кофе продают в дукане – дивных ароматов власть.
Удивляешься, откуда суеты внезапный шёлк,
Рядом резали верблюда, спрятав голову в мешок.
Нож сверкнул узбекский точно, рукоять ушла в рукав.
Всюду колорит восточный, дух приправ и терпкость трав.
В них анис араки пьяной и кружение головы,
После крепкого кальяна, после сладкой пахлавы.
Вот кишки бараны с рисом мне несут в подарок, мол...
Коврик для намаза вписан в яркий мозаичный пол.
Толстой пальмы опыхало освежает ротозей,
У турецкого вокзала, превращённого музей.
Век назад и прямо в Мекку путь лежал к Пророку, но
Турки, прежде покумекав, клали ипалы на сукно.
От почтения и страха, от паломнических грёз –
Не тревожит же Аллаха будет громкий паровоз?!
Принимаю эти нравы, прямо под Касьюн – горой,
Размотай чалму как саван, усыпи меня, укрой.*

Собеседник

*Живёшь, сбиваешься с пути,
Шагаешь от вершин к низине,
«прожить – не поле перейти...» –
Грустишь в дежурном магазине.
Не факт, что одинока ночь,
Всегда найдётся собеседник,
Хотя бы Бог, ему помочь,
Ты напросился сам, посредник.
Немного антивещества,
Ещё нацелит совесть жало.
И ощущение родства
К тому, что память рассказала.
Пытайся осознать до дыр
Затёртый постулат – он мрачен:
Не красота спасает мир,
А лишь покой и сверхзадача.*

*А так же множество дорог,
И проводник на них незрячий.
Высокий перечень тревог,
Осознан так или иначе...
Ну а потом, как дважды два,
Очнуться в стылом магазине,
Дождь и сырая голова,
Портвейн и яблоки в корзине.
Средь полок, где теснится снедь,
Под гулкой пустотою зала,
Имей, что надобно иметь,
Судьба другого не сказала.*

Казантип

*Кто говорит о чём? А я – о предках,
У памяти порой края остры.
Оранжевой хурмой на голых ветках,
В Крыму сады осенние пестры.*

*Все высохло в барическом затворе,
И ветер слаб, он навсегда осип.
Зелёным светом колыхалось море,
Гранитом возвышался Казантип.*

*Вглядись в него – и сердце каменеет,
Татарский пляж, иди ко всем чертям!
Такой же он, как при царе Атее,
Пустынен, дик, безудержно упрям.*

*Царём последним своенравных скифов
В бою погибнуть в девяносто лет!
Катились камни из – под ног, что мифы
Смолою пахло и терялся след.*

*Ещё к богам незлобна безнадежность,
В котлах кипит тягучая смола.
Животворящих отчеств непреложность
Непостоянством выжжена дотла.*

*Простор и волю сверив поимённо
Скорбят на тризне смелые сыны.
Ещё заката не горят знамёна,
Рождённых для кочевья и войны.
Иссушен солнца вековой тоскою
Пузырь медузы дохнет вдалеке,
И тень веков мелодией простою
Ответит мне на древнем языке.*

Юла

*Ребячьей радости внимая,
Возьмите, например, юлу –
Игрушка, в сущности, простая,
Скрипит на крашеном полу.
Мы закрутили её сами,
Средь будней, праздников и тризн,
И вот цветными полосами
Пред нами пробегает жизнь.
И вторит ей без исключения,
По звёздной вечности пыля,
В сосредоточенном крученье,
На каменной оси Земля.*

Точка

*Ты – нитик, так поставим точку,
С улыбкой задерём носы:
Гляди у солнца на цепочке,
Висят карманные часы!
Давай достанем из архива,
Дворовый перебор струны,
И в монохроме негатива,
Латунный инвентарь луны!
Чтоб жизни понимать феномен,
Воображение не унять,
Стоять бы нам у звёздных домен,
Почтительнее шапки снять.
Давай, мы просто балагурим,
На небе разглядим холсты,
Когда затишье перед бурей,
На расстоянии версты.*

Вольный свет

*Духотою и астмой коварной
Умер день с бытием расписным,
И прохладу деревьев бульварных
Даже чувствуешь швом черепным.*

*У виска, как чужой парабеллум...
Грань меж ложью и правдой размыв,
Мы его хоть сейчас перебелим
Все больное и злое забыв.*

*Межсезонье, как смена конвоя
Станным чувством стучится к тебе,
Тишиной оглушающей воеет.
Летний герпес цветёт на губе.*

*В колыбели своей похоронит
Сущность, вспомнив обвал неземной.
Но теперь даже пальцем не тронет
Вольный свет этой жизни дневной.*

Сумерки

*Бесславно темнеет. Струя молока
Поёт монотонно в ведре
На цинковом блике, мелеет река,
Сужается свет. В сентябре
Идёт межсезонье в небе, гряда,
Чернея, идёт за грядой.
На землю упала гнилая вода,
А чистая стала бедой.
Хозяин стреляет ворон от тоски,
Хозяйка другим занята:
Корове тяжёлые мажет соски,
Густым вазелином, а та
Таращит наполненный влагою глаз,
В котором колеблется двор,
Скамья деревянная, ведра и таз,
В колоду вонзённый топор.
Смеркается, в лампу налит керосин,
Гудит в отдаленье баржа.*

*Знаменем поп осенил апельсин,
И съел. Гром не грянул, а жаль.
Хозяин, по полю отмерив версту,
С колена, не целясь, как есть,
Последний патрон разряжает в звезду,
Взошедшую в небе как весть.*

Швея

*Такой искусной стань швей не оспоримая природа,
Чтоб золочёной чешуёй украсить чрево небосвода.
Беспозвоночный грянет гром сухой грозы в слепящих нитях,
Лесной очертит бурелом мгновенья делая, события.
Невнятицы беспечной впрок бегут вдоль улицы ограды,
В конце концов приходит срок всему тому, чему мы рады.
Стежок к стежку и без затей природа шьёт иные сферы,
Не будет больше новостей, твоей не освящённой веры.
И обратится к похвале язык языческий, лукавый,
Быть безнадёжнее земле с ещё не выстраданным правом.
И он тогда освободит и осенит внезапной мыслью:
Над головой и без обид застынет век прошитой высью.*

Век ушедший

*На мне фуражка из газеты,
Над нею журавлиный клин,
Не обольстят сейчас приметы,
ведь знаменатель в них один.*

*Неси дурацкие надежды
В дни тёплой осени, туда,
Где чахнут лица и одежды
ветшают, как в реке вода.*

*Она полна холодной страсти,
Вольна от тлена и стыда.
Живая речь в своих несчастьях
Начнёт капризно проседать.*

*Был век ушедший – мы отсюда,
В мозаике далёких лет.
И ждёт гармонии рассудок
Которой точно больше нет.*

Будет память легка

*Кто придумал меня? Будь счастливей!
Я мостов не сжигал уходя навсегда,
Ожидания зал стал ещё сиротливей,
Оттого всех вмещает вселенский вокзал.*

*Боже мой! Как сиротство устроено мудро!
И созвучно оно разорённой семьи,
Я и время забыл, опустившись под утро
На Прокрустово ложе вокзальной скамьи.*

*Я усну, под щекой дермантин чемодана,
Там, где пахнет буфетом при суетном дне.
Разноцветные явятся странные страны,
И лучисто исчезнут в астральном огне.*

*Очевидность смешна искупительной жертвой,
В ней высокая тайна побега видна,
Умываясь водою живою и мёртвой,
Для разлуки открыта и также нежна.*

*Будет память легка, но с характером сложным,
И безумная вера рождается вновь,
Шёпот версий и выстрадаан промысел божий,
И вдвойне небеса обещают любовь.*

Вертеп

*Загорелась морозно и слепо
Неживая звезда над виском.
В Рождество я стоял у вертепа
и беззвучно молился тайком.*

*Мне казалось, что всё будет после,
Даже чудо случится без слов.
Охрой выкрашен гипсовый ослик
И тряпичные куклы волхвов.*

*Неживые еловые лапы
В обрамлении были строги,
И над всем, как немые этапы,
Лишь сияли дары из фольги.*

*Только дух ароматного масла
Воспарил над сухой травой –
Светлой радостью полные ясли,
И ребёнок, весёлый, живой.*

*Как теперь осознать воскресенье,
Вознесенье за сменою мук?
И чреватым казалось спасенье,
Разрушая чертоги вокруг.*

*Власть дрожала уже без сентенций,
Вот и Ирод полез на рожон,
Целлулоидных резать младенцев
Перочинным, дешёвым ножом.*

*На какой остановимся плате
Богоборческий меряя срок?
Открывайся мне, тайна печати,
Кокон свой покидай, мотылёк!*

Семь слоников

*Верни мне детство просто и не жалко,
И с улицы зови скорей домой,
Там есть ковёр, где озеро с русалкой,
Семь слоников гуляют на трюмо.*

*Не Ганнибал на них итурмует Альпы
На отрывном календаре. Упрям
Внезапный луч с теней снимает скальпы.
Белее снега вата между рам.*

*С румынским гарнитуром, нелюдимо
Живёт в ажурной клетке попугай.
Там раковина с побережья Крыма,
И перламутр её не отвергай.*

*Родные там живут необъяснимо,
Их нет давно, фотоальбом закрыт.
И в запахе простом валокордина,
Эпоха заклеит мещанский быт.*

Мелодия

*Мелодия? Что это было
У лета жаркого внутри?
Под шорох чёрного винила,
Где оборота тридцать три.*

*Уйдя в покой полуподвала
Через открытое окно,
Она ещё негодовала
И колдовала заодно.*

*Так ностальгия, снова, снова
Заполнит страстно естество.
Как будто выковал подкову
На счастье или торжество.*

*Как дым витой, где тени робки,
Танцуют страстно по стене,
Она живёт в простой коробке,
У радиолы в глубине.*

Ноша

*По утрам старался быть весёлым,
Хорошо, что рядом нет друзей,
Лист осенний слякотью спрессован,
Но красив, неси его в музей.*

*В нем багрянец пестованья жизни.
Город чист, глазаст и большерот
И на этот раз безукоризнен,
Что ещё из радостных щедрот?*

*Мир ещё добавит звон трамвая,
Свежести и дух пчелиных сот
К милости несметной не взывая,
Светом опрокинутых высот.*

*Уходи обещанное многим,
Ибо эта ноша нелегка,
Так ища всю жизнь ребёнка в Боге,
Радостью изъедена тоска.*

Владимир Михайлович Белошеев. Прозаик. Родился в 1983 году в Мурманске. Подполковник юстиции.

Неоднократный лауреат литературных фестивалей-форумов «Капитан Грэй» и литературного форума «Осиянное слово».

ЛИПОВОЕ ПОЛЕ

– Живо! Дуй за мной, – выплясывает Миха на кухню. Андрей бросает пакет у входа и спешит следом.

– Вот! – представляет Миха с широкой кошачьей улыбкой. Под тусклой светодиодной лампой в центре комнаты на столе возвышается очередное изобретение.

В основании пирамиды массивный корпус старого «Горизонта» с выпуклой линзой, рыжими под дерево вставками и рогатой антенной. Поверх микроволновая печь. Жёлтые пятна жира, кажется, навсегда въелись в её продавленные кнопки. На микроволновке безжизненный диск робота-пылесоса, поверх игровая приставка. На вершине блестящий, совсем новенький, тостер. Конструкцию обвивают пучки разноцветных проводов, обломки печатных плат и датчиков со следами спайки.

Миха разводит рога антенны в стороны. Пальцы вжимают кнопки джойстика. Изобретение гудит, напрягается, вздрагивает. Клацнул сигнал микроволновки, и в квартире вырубил свет.

Звёзды с улицы неторопливо прорисовывают в темноте стол, пирамиду и силуэты друзей. Кухню плавно заполняет сладкий запах, отчего Андрей прикрывает нос.

– Пробки, – жалуется Миха, – Дай минутку. – Он нащупывает фонарик.

Пьянящий, медовый аромат обволакивает кухню.

– Это что, липа?

– Ага, – довольно кивает Миха из коридора. Балансируя на табурете, разбирается с электрощитком, – Запах – эффект хоть и побочный, но приятный. Я назову своё изобретение – «Генератор липового поля», – официально произносит Миха и щёлкает тумблером автомата.

– А для чего оно?

– Смотри, – Миха садится напротив и загибает пальцы, – Квантовая теория Планка, рентгеновское излучение, теория относительности и теория большого взрыва...

В юности Миха окончил местный физмат и несколько лет пахал лаборантом в столичном НИИ. Но что-то не сложилось, и он вернулся в Мурманск растерянным и похудевшим. Через пару лет, вроде, нашёл себя – в местном ТЦ ремонт мобил, ноутов, прочей мелочёвки. Взял ипотеку. Подержанный «Рено» под окнами. Казалось, налаживается жизнь. Если бы ни его звонки по ночам с пустыми, чудными задумками, не от сего мира идеями. Ни его сложные соображения, бесполезные механизмы и стопки журналов вдоль стен: «Популярная механика», «Наука и жизнь», «Квант». На днях шепнул, что снова чатится с кем-то из «своих». Уже закончил некий чертёж, просил одолжить шутукарь до зарплаты и паяльник.

— ... в восемьдесят пятом Попов изобретает радио, — продолжает Миха, уже разгибая пальцы, — в пятьдесят седьмом запускаем спутник, а через четыре года — человека. Четыре! — он тычет в Андрея растопыренными пальцами и тот кивает. — Потом восемь лет и «бац» — хлопает Миха в ладоши, — станция «Союз».

Андрей поглядывает на пакет в коридоре, но продолжает кивать.

— ... чтоб ты понимал — эта машина генерирует потоки. Волны локально активируют область желаний. Квантовая механика, сечёшь?

— У-у-у, — протяжно воет Андрей, — ты для меня попроще, попроще.

— Там у тебя, в пакете, что? Пиво?

Андрей оживился. Расставили бутылки перед генератором кружком, направили антенну, и дали старт. Щелчок, треск и вновь нежный запах.

На свет пиво кажется темнее обычного. Андрей осторожно принимает. Липа забила нос, и знакомой кислинки не ощущается. Отогнув мизинец, пригубил.

— Да это метакса! — Андрей едва успевает поймать скользнувшую из рук бутылку! — Я загадал, я! — Стучит в грудь, разливая по стаканам жидкость. — Твоё поле работает!

— За науку!

— За желания!

— А если так? — Миха встаёт к генератору, и сводит рога антенны к себе. Пирамида щёлкает и подпрыгивает. Сладкий запах из кухни уже заполняет коридор и комнаты. Со стороны лестничной клетки приближаются шаги и в дверь прерывисто стучат.

— Срочно. Вызов, — разбирает телеграмму Миха, и руки мелко трясутся, — Прибыть в пункт сбора... тёплые вещи... экспедиция продлится... подпись — руководитель полярной станции ... Полярной? Это не мне. Куда я поеду? Я не хотел. Я такое не загадывал, — Миха точно оправдывается, но пробегает по листку ещё и ещё.

— Может для храбрости? — Андрей принёс стаканы. Друзья выпили, налили, выпили. Потом налили ещё, и выпили, обнялись, налили и выпили снова. После кричали и прыгали по кухне. Одурманенные медовым, вязким запахом, парили, плыли по комнатам, затем возвращались к столу, и волшебный шабаш продолжался. Они горланили в открытое окно: «Видели ночь», — и слышали, как из созвездия Лиры им подпевали: «Гуляли всю ночь...» Облучали всё подряд. Миху облучили трижды. Запускали поле ещё и снова. Вылетали пробки, и вновь почтальон. Миху звали орнитологом на воздушный шар, пересечь Ливийскую пустыню, в сплав энтомологом по рекам Карелии, искать берберам пресную воду, строить мост Сахалин — материк.

— Еду! — надрывается Миха.

— Давно пора! — хрипит Андрей.

Квартира кружится и тонет в тягучем шумном хороводе.

– И почему Миха до сих пор не изобрёл поле нейтрализующее похмелье – бормочет Андрей, прижимает лоб к прохладному корпусу микроволновки и отключается.

Облачным субботним вечером Андрей бредёт к Михе с чудесной новостью. Старый знакомый клялся, на рулевом мостике списанного ледокола остался прибор, что замерит любое поле: «Получим патент!»

Миха встречает опустевшей кухней:

– Разобрал я генератор, – тяжело начинает Миха и морщит щеки, – бессмысленный и нерабочий.

– А что ты загадал вчера?

– Деньги. Что ж ещё. Конечно деньги. А ты?

– Я, выпить.

Но Миха уже не слышит:

– С понедельника в мастерскую, – затем растирает лоб, шумно вздыхает. – Может снова в НИИ? Уж младшим научным примут. Должны принять.

В голове ещё звенит вчера, отчего много говорить не хочется. Хочется всматриваться в бесконечную ломаную линию горизонта меж сопок и небом. Хочется бутылочку «облучённого». Стоять в тишине и пялиться, прокручивать в голове бесконечные «если», нескончаемые «вдруг». Вот только окна выходят на соседний дом, и нет пива, и вечер выдался такой хмурый.

Андрей заметил, в последние годы друг всё реже звонит, хвастая безумной идеей. Все чаще жалобы на погоду, отсутствующий взгляд и про отъезд теперь говорит скорей по привычке.

Молочно-серое небо сливается с бесцветными многоэтажками в единое безмолвное пятно, в неконкретную субботу. Молчит Миха, молчит Андрей, молчит далёкое созвездие Лиры, а с ним и весь Млечный Путь. Гулкие шаги и голоса с лестничной клетки. Загудел лифт. Соседский перфоратор за стеной зашёлся кашлем. Захлёбывается и вгрызается в бетон, словно идея, что никак не отпустит и так мешает спокойно жить.

ЗВЁЗДЫ ВЕРНУЛИСЬ

Помню ласковые, тонкие пальцы мамы. Как она брала меня за руку, и мы шли длинной дорогой через опавший парк и озеро. Как трепала мне волосы на макушке и щекотала в самых смешливых местах. Сколько ей было в то время? Двадцать пять?

Той осенью я долго и сильно болел. Температурил, задышался кашлем и плохо спал. «Пройдёт», – успокаивали врачи, но делалось хуже. Кровать стояла возле окна, и я подолгу смотрел на улицу. Как-то утром я подумал, а что если небо, это куча, миллион, нагромождение мелких звёзд. Днём их свет сливается в ровное голубое пятно и потому различить каждую невозможно. А как стемнело, под вечер, в горячем бреде мне почудилось – звёзды осыпались, точно побелка. Те немногие, что удержались, светили тускло. Этого было мало, недостаточно. Стало зябко, тихо и пусто, и на улице, и в комнате. Обои и ковёр сделались бурыми. И пришёл мрак. И мой продирающий кашель. Я пытался вдохнуть глубоко, но воздух не проходил. Он стал рыхлым, едким и горьким. Застревал во рту тухлым рыбьим куском. Тогда я впервые почувствовал смерть. Укрывшись подушкой, сжался в комок и заплакал. Хрипел, шмыгал носом, силился откашлять, ревел и дрожал, вот-вот умру. Осторожные, нежные, мамины пальцы. Провела по щеке, по глазам. «Ну, что ты, что ты, мой маленький», – она сказала: «Ты не можешь умереть, пока ...», – как она сказала? Не помню. И я вздрагивал, и хлюпал и засыпал.

На утро жар отступил. Распахнули шторы, и я радовался и смеялся – звёзды вернулись. Небо было ярким и чистым, каким бывает всегда в первый мороз. Звёзды вернулись, я жив и впереди новый день. Мама поила горькой микстурой из широкой столовой ложки. Ложка с трудом помещалась мне в рот. Я кривился и не давался, отчего лекарство текло по щекам, к подбородку. Были ещё таблетки и порошки. Кашель в ту пору часто лечили порошками и мелкими бежевыми таблетками. Днём я читал или рисовал, лежа в кровати, и совсем забыл, но потом снова ночь и звёзды вновь осыпались, как мне показалось. Так мне тогда в больнице казалось.

– Андрей Васильевич, не разбудила? Я только капельницу проверить.

Сколько мне было? Уже после ВУЗа. Мама умерла в семьдесят девятом, а отец в восьмидесятом. Тоже осенью. Я выбирал памятник и думал отцу поставить такой же, матово-чёрный гранит и золото. Но такого же не было, и я выбрал обычный серый с изломами грязно-молочных жил. Через год мы с Варварой женились. Получается, Лёшку она в двадцать шесть родила? Получается так. Или в двадцать семь. А в год медсестра сказала, что у Лёши слабые ножки, и мы обвёртывали их в па-

рафин, и он улыбался нам. Такое ровное, красивое лицо. Он не был похож ни на меня, ни на Варю. Я знаю, он был похож на себя в 17. И на себя сейчас. Сколько ему сейчас? А его дочка, моя Машенька. И она ни на кого не похожа.

— Как у вас дела? Вижу температура немного. Озноба, тошноты нет? Аллергия? Вечером будет общий анестетик. Перед операцией я введу вам его внутривенно. Может снотворного?

Варвара ушла в две тысячи восемнадцатом. Эта же больница, этажом ниже. Тот год я помню. Старик ещё в уме. Нам три дня не давали видиться, а когда разрешили, руки её уже остыли и потеряли цвет. Такой непохожей и маленькой она показалась мне. Там на кушетке под простыней. Будто двойник. Когда её закопали и оставили под землёй одну я не плакал. Плакал после, уже дома. В тишине, в тишине. Теперь моя медкарта, как разбухшая долговая книга. Я, стало быть, вечером сегодня уйду. И хорошо, и хорошо.

— Деда, деда! А, деда!!

— Отец, ты только не вздумай, слышишь?

— Вы как родственник должны расписаться здесь и здесь. А здесь дату. Сегодня двенадцатое.

Вечером. И хорошо.

— Деда, дед!

— Ну, какие прогнозы? Вы понимаете, такой случай. Мы постараемся.

Как темно за окном. Как тоскливо. Я вспомнил! Той осенью ей исполнилось двадцать пять. И папа купил серьги. Две маленькие серебряные капли с круглыми голубыми камнями. «Как слезы», — сказала она.

— От счастья, отец. Она сказала: «Слезы от счастья». Ты, даже не смей, ты понял?!

— Деда!

— Мы перевозим его в операционную.

Слишком темно. Темно и тягостно. Голова кругом. Как же она в тот раз сказала? Тем вечером у кровати. Почему мне нельзя умереть?

— Пап, папа, не смей!

Стойте, да стойте же! Мне необходимо вспомнить. Я должен успеть вспомнить!

— Наркоз.

Ах, да: «Пока любят». Она сказала, я не могу умереть, пока меня любят. Я не могу, не могу...

— Начали. Надрез.

Звёзды вернулись.

Поэт. Родился в 1968 году в Москве. Окончил МГТУ ГА, служил в армии в Германии. Десять лет работал бортировщиком Аэрофлота. Победитель поэтического конкурса «Куликово поле» (2017-19). Автор книги стихов «Клоун и воробей». Член жюри и один из организаторов форума-фестиваля «Осиянное слово».

Живет в Москве.

Няня

*Казалось, няня - ерунда!
Сыскать не велика задача.
И мне трёхлетнему тогда.
Нашли родители удачно!*

*Но тётя явно не в себе.
Подруга дней моих суровых.
С «Герцеговиной» на губе.
В клифте и в сапогах кирзовых.*

*Она терзала апельсин
Своей начищенной фиксой.
Мне пела, что любовь как дым,
И к ней она не возвратиться.*

*Замызганное домино...
Блатной жаргон у тётки Сони.
Что, в сущности, не мудрено.
Уже пять лет она «в законе».*

*Я тихо плакал за трюмо.
Когда она халат из шёлка.
Японский!!! Мамино добро!!!
Надела, старая кошёлка!*

*А я хватался за края.
Ревел с гримасою страдальца.
Я был не больше воробья.
В её махрой пропахших пальцах.*

*Года прошли, теперь смешно.
Мне вспомнить странную гражданку.....
Мой синий перстень, как в кино!
Набит на среднюю фалангу...*

*Жалкой псиной скулил уезжающий вдруг
Старый город. И в грязные стёкла вокзала
Ленинградского бабочкой бился испуг.
Ты куда? Расскажи! Что тебе не хватало?*

*Голубиной печатью бельмо на окне.
Проводница застелет вагонное ложе
Сквозняки-меланхолики, звуки извне.
В новом городе будут, но только дорожке!*

*Ты же знаешь, старик, лучше там где нас нет.
Значит там, куда ты собираешься, хуже
Станет, только подошвы опустишь на снег,
В некоем городе N. С горстью чёрствых полушек.*

*И уеду не я, а вернёшься не ты,
Кто-то очень другой, пусть немного похожий.
На тебя на того, кто сжигая мосты,
Уходя говорил: "Бог простит, и поможет..."*

*Я крашу акварелью дождь.
Держу за включенные космы.
Он чем то на меня похож,
Когда мне было двадцать восемь.*

*Как я шатался по Москве.
Любитель вискаря и ретро.
Рожок бутылкой в рукаве,
Чтобы позвать четыре ветра.*

*В оплывших красках не поймёшь,
Куда её уводит осень.
Она ушла, я крашу дождь
И мне уже не двадцать восемь.*

*И холод злой и смысла нет
И капли-капли как по нотам.
Дождь заберёт её портрет
И скроется за поворотом.*

*Он чем то на меня похож
И так же как и я прощает.
Я акварелью крашу дождь,
Но он меня не замечает.*

*Пересыпана известью осень.
Пахнет в баре октябрь хлором.
Сколько тех, что «коньки отбросят»?
Доктор пальцем провёл по горлу.*

*Он страдает давно неврозом.
Примет сто, запалит сигарку.
Двое суток не под наркозом .
Между Склифом и Коммунаркой.*

*Перепутаны утро и вечер,
Тьма под фарами рожжи корчит.
Пьющий доктор, святой Предтеча.
Над больными проходит ночью.*

*Он бармену не досаждаёт.
Сквозь окно он глядит на лужи.
Виски льдом док не унижает,
Да и лёд для другого нужен.*

*Горизонт разрывали зарницы.
Дым клубился горело жнивье.
Был июнь, чёрнокрылые птицы.
В поле тело клевали моё.*

*Где-то там лоскутами граница.
Ветер пеплом метёт по дворам.
Дырка в пузе. Да разве тряпица
Здесь поможет не дырка - дыра!*

*Под Рязанью маманя заплачет.
Батя с горя наверно запьёт.
Я лежу на ковре мать -и-мачех.
Сапоги, гимнастёрка, блокнот.*

*Да ещё эта дырка зараза.
Слава Богу целы сапоги.
Жаль вот так вот, да с первого раза .
-Слышишь мама? Гармонь сбереги!*

*Белый храм одуванчик на горке.
-Знаешь мама уже не болит.
И сквозь дырку в моей гимнастёрке
Смотрит чёрное око земли.*

*В горизонт упирались зарницы.
На корню засыхало жнивье.
А июньские чёрные птицы.
В поле тело клевали моё..*

*Сквозь тополя во двор луч света не прорвётся.
Дряхлеет старый дом без ласки и тепла.
Он близорук давно. К стволам огромным жмётся
И кашляет в трубу такие вот дела.*

*А я пришёл к нему с горчичником и пивом.
Хочу ему сказать, да, ты совсем другой,
Но в этом старике затёртом и сварливом,
Я вижу друга вновь с потресканной губой.*

*На чердаке окно, портал к горячей крыше
Две сотни заводных Арбатских голубей.
Срывались со стропил и выше! Выше!! Выше!!!
И вот уже вдали, над плешью площадей.*

*Пойдём старик со мной здесь ничего не светит.
Плевать на наш Арбат! На банду голубей.
Ты знаешь как тебе обрадуются дети.
Увидишь самолёт, послушаешь хайвей.*

*Ты знаешь, я скажу, что жить за МКАДом проще.
Ну как то спокойнЕй. Да! Для тебя село!
Но тихо шелестят там молодые рои
И вроде надо в центр, но очень далеко .*

*Он сипло так вздохнул в глазах - прозрачно время.
- Мне поздно уходить, не оторвать корней,
Что было, то прошло, и мы теперь не племя.
И без Арбата ты! Без этих тополей !*

*Тень старика была печальна на скамейке.
Я что-то говорил про мой земной удел.
И сердце рисовал на треснутой ступеньке.
Он слушал и молчал и в трещину глядел.*

*Недоросток-подсолнух, кривая нога,
Желтоскулая рожка, сутулые плечи.
И не надо ему целых два сапога
Одноногий и это совсем не увечье*

*Одноногий - ему ни сумы, ни оков
И сутулится будто одет не по моде
Всё же что-то он видит среди облаков,
Что не видят другие цветы в огороде.*

*Световой почтальон в подмосковной глуши.
Ты откуда тут взялся, стоишь незнакомцем?
Не созрел, но, как взрослый, куда-то спешишь
Одинокий солдат одинокого солнца*

*Ночь проходит и вновь он стоит у ворот,
Головой поднимая озябшую вечность.
В среднерусских холмах он за солнцем идёт,
Наливаясь забористой чёрной картечью.*

*Переправа паромная. Выселки.
Солнце плавит пчелиную лень.
Пароходик с бортами обвислыми
Тянет лямку и прячется в тень.*

*Он нелепо, страдая одышкой,
Замедляет артритный свой бег.
И ползёт, ударяясь покрывками,
В капиллярах каналов и рек.*

*Он пыхтит, поднимая давление,
В зад толкая тупую баржу,
Серым боком дробя отражение,
Утопив по дороге маржу.*

*Пароходик, чихая от выхлопа,
Оставляет следы на воде.
Кашлянет тихо бронхами рыхлыми,
Да найдёт анекдот в бороде.*

*Раскалённая палуба - лысина,
Да причалов обратный отсчёт .
Не кричи мне прокуренным дизелем:
Всё проходит. И это умрёт.*

*Гладь реки облаками усеяна,
Хоть руби по воде топором.
Не спеши, ты же знаешь, всё временно.
Вот и в небо отчалил паром.*

*Кто ты? Клоун в слепых подворотнях Арбата.
Время бешеный псих. Пьёшь! Вторая декада.
Цирк монатки собрал и уехал на небо.
Только ты и остался с краюхою хлеба.*

*Раздави облака в закипающих лужах.
Мусор штопором встал, мусор осенью кружит.
Пей портвейн, бей бумажным хвостом в подоконник.
Спит в тулупе твоём воробей-беспризорник.*

*Для него отципни! Россыпь. Ржавые корки
Для себя по карманам - немного махорки.
Табачок, едкий дым: Так бывает братушка !
Всё не так уж и плохо-в кармане чекушка.*

*Где то над головой мокнет серая вата.
Воробей за душой, на душе сыровато.
Клоун и воробей, да по Сивцеву Вражку.
Кто-то бросит и нам на похмелье медяшку.*

*Пей портвейн ,воробей, словно слёзы Адама.
Где потерянный рай? Он в подтёках «Агдама».
Колокольная дрожь, значит, красная дата.
Пьющий клоун в слепых подворотнях Арбата.*

*На заброшенной ветке железных путей,
Где ходила когда то «Кукушка»,
Убегая от взглядов своих матерей ,
С пацанами играли в войнушку.*

*Креозотная крепость из сваленных шпал
Принимала в дегтярное чрево.
И чумазый отряд оборону держал,
Обнимая пахучее древо .*

*Хлётким звуком гремел деревянный наган.
В этом запахе химии дикой
Мы кровавые капли полученных ран
Рисовали тогда земляникой.*

*А потом, возвратившись живыми домой
В чёрной саже и пятнах соляры ,
Оставляя фенола следы за собой,
Получали отцовские кары.*

*И пускай на военную стать молодца
Папой крепко наложено вето,
Красной нитью на память завяжет сердца
Шпальным запахом тощее лето...*

Содержание

Плыть – только вверх. Илья Виноградов	3
Созидать, а не разрушать! Дмитрий Коржов	5
ДМИТРИЙ КОРЖОВ	9
АЛЕКСЕЙ ВИТАКОВ	34
ДМИТРИЙ ЕРМАКОВ	45
НИНА ЯГОДИНЦЕВА	52
ИЛЬЯ ВИНОГРАДОВ	62
ВАДИМИР ТРУСОВ	68
ЮРИЙ ТАТАРЕНКО	74
ЕКАТЕРИНА ГЛАДЫШЕВСКАЯ	85
ВИКТОРИЯ ТАТУР	91
РОМАН КРУГЛОВ	97
ЮЛИЯ БОДНАРЮК	108
КСЕНИЯ САВИНА	117
ИРИНА СОЛЯНАЯ	120
ОЛЬГА БЕСПАЛОВА	129
АНАТОЛИЙ БИМАЕВ	141
АНДРЕЙ НОВИКОВ	151
ВЛАДИМИР БЕЛОШЕЕВ	160
АНДРЕЙ ЗВЯГИН	166

Подписано в печать 10.12.2021 г.
Формат 70х100/32, печать офсетная, тираж – 300.
Издательство “Дроздов-на-Мурмане”
(ИП Дроздов Олег Валерьевич),
г. Мурманск, пр. Кольский, 206-52.
Тел. +7 921 283 36 56, e-mail: swapo@yandex.ru